ДБ
350
К35
II

Джорджъ Кеннанъ

СИБИРЬ!

Томъ II

Переводъ съ нѣмецкаго безъ всякихъ сокращеній

Цѣна 75 к

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. Пирожкова
1906

22532/8 V
343.8 : 323.2] (47)
ДБ
350
К 35

Джорджъ Кеннанъ

СИБИРЬ!

Томъ II

Переводъ съ нѣмецкаго безъ всякихъ сокращеній

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. Пирожкова
1906

Р. С. Ф. С. Р.
БИБЛІОТЕКА
Народнаго Комиссариата
по просвѣщенію.

СРОК ВОЗВРА[illegible] КНИГИ

3.С.
2505

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина. Екатерин. кан., 71—6.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТРАН.

I. Русская полиція 1

II. Путешествіе по Забайкалью 19

III. Рудники въ Карѣ 41

IV. Вольная команда въ Карійскихъ рудникахъ 63

V. Государственные преступники въ Карійскихъ рудникахъ 82

VI. Исторія политической тюрьмы на Карѣ 104

VII. Въ серебряныхъ рудникахъ Восточной Сибири . . . 132

VIII. Приключенія въ Восточной Сибири 155

ГЛАВА I

Русская полиція

Едва ли существуетъ какая-либо страна въ мірѣ, гдѣ бы полиція пользовалась большей властью, чѣмъ въ Россіи, гдѣ бы она играла болѣе важную роль и больше вмѣшивалась въ личную жизнь каждаго гражданина. Въ Англіи и въ Соедин. Шт., гдѣ управленіе страной находится въ рукахъ народа, служебныя обязанности полиціи строго установлены и заключаются, главнымъ образомъ, въ предупрежденіи и открытіи преступленій и въ поддержаніи порядка въ общественныхъ мѣстахъ. Въ Россіи же, гдѣ народъ совершенно не участвуетъ въ управленіи страной, а опекается правительствомъ, подобно несовершеннолѣтнему ребенку,—полиція занимаетъ иное, несравненно болѣе важное, положеніе. Русское правительство считаетъ своихъ подданныхъ неспособными не только къ управленію дѣлами государства, губерніи или уѣзда, но даже и къ веденію своего собственнаго хозяйства; подданный, какъ человѣкъ обладающій ограниченнымъ умомъ, обязанъ дѣйствовать по чужой указкѣ; почти съ момента появленія на свѣтъ и до того дня, когда онъ сложитъ свою усталую сѣдую голову въ могилу, имъ руководятъ, его направляютъ, охраняютъ, за нимъ присматриваютъ, водятъ его на помочахъ и всячески стѣсняютъ его свободу. Какъ естественный результатъ этой теоріи отеческаго попеченія о своихъ подданныхъ, является сосредоточеніе всей административной власти въ рукахъ нѣсколькихъ высшихъ чиновниковъ и чудовищное расширеніе правъ полиціи. То, что въ другихъ странахъ представляется усмотрѣнію отдѣльныхъ лицъ или рѣшается собраніемъ гражданъ, въ Россіи рѣшаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ при помощи царской полиціи. Если русскій желаетъ издавать газету, онъ долженъ испросить на это разрѣшеніе

у министра внутреннихъ дѣлъ *). Если онъ желаетъ открыть воскресную школу или какое-нибудь другое учебное заведеніе,—будетъ ли это въ грязномъ захолустномъ переулкѣ Петербурга или въ Камчатской деревнѣ,—все равно, онъ долженъ получить разрѣшеніе отъ министра народнаго просвѣщенія **).

Желаетъ ли русскій дать концертъ въ пользу сиротскаго дома или поставить живыя картины, онъ долженъ прежде всего добиться согласія ближайшаго представителя министра внутреннихъ дѣлъ, представить на его одобреніе или просмотръ программу своего концерта, выручку же отъ своего предпріятія обязанъ вручить полиціи, которая, по произволу, или положитъ ее себѣ въ карманъ или передастъ сиротскому дому ***).

---

*) Одинъ богатый владѣлецъ рудниковъ, съ которымъ мы познакомились въ Красноярскѣ, г-нъ Иннокентій Кузнецовъ ходатайствовалъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ о разрѣшеніи издавать еженедѣльный органъ. Всѣ его просьбы были отклонены, хотя въ Сибири существуютъ только 4 газеты, причемъ одна изъ нихъ недавно пріостановлена на 8 мѣсяцевъ. Во время моего пребыванія въ г. Нерчинскѣ въ 1886 г. жители этого города тщетно пытались основать газету. Они располагали нужнымъ капиталомъ и способными работниками, но необходимаго разрѣшенія не могли добиться. Издатель „Сибирской газеты“ въ Томскѣ разсказывалъ мнѣ, что онъ много разъ хлопоталъ о разрѣшеніи выпускать свою газету 3 раза въ недѣлю вмѣсто одного, но всегда получалъ отказъ; „почему?“ объ этомъ исторія умалчиваетъ.

**) Многимъ изъ сосланныхъ дамъ, съ которыми я встрѣтился въ Сибири, впервые пришлось столкнуться съ властями изъ за того, что онѣ или открыли безъ разрѣшенія школу или учили нѣсколькихъ крестьянскихъ дѣтей на частной квартирѣ.

***) Циркуляръ, разосланный министромъ внутреннихъ дѣлъ въ августѣ 1882 г. начальникамъ губерній, передаетъ контроль за всѣми благотворительными учрежденіями въ руки полиціи. Этимъ указомъ устроителямъ сообщалось, что благотворительные концерты и другія предпріятія съ подобной цѣлью разрѣшаются только подъ условіемъ, что билеты будутъ продаваться или полицейскимъ чиновникомъ или подъ его непосредственнымъ личнымъ наблюденіемъ, и полиція же будетъ передавать выручку по назначенію. Причиной подобнаго циркуляра послужило то, что подъ видомъ благотворительности злонамѣренные люди устраиваютъ концерты и другія развлеченія въ пользу политическихъ заключенныхъ, ссыльныхъ и революціонеровъ. Выдержка изъ этого циркуляра министра появилась въ Петербургѣ въ „Восточномъ Обозрѣніи“ за 26 августа 1882 г. стр. 14. Даже ученыя общества, какъ, напр., географическія въ Иркутскѣ и Омскѣ, подлежатъ болѣе или менѣе стѣснительному

Желающій продавать газеты на улицѣ долженъ имѣть на то разрѣшеніе, долженъ записаться въ полиціи и носить на шеѣ мѣдную нумерованную бляху, съ блюдечко величиной. На открытіе типографіи, фотографіи, книжной торговли и даже торговли москательными товарами требуется разрѣшеніе. Оно необходимо также фотографу, желающему перевести свое заведеніе на другую улицу. Особенное разрѣшеніе нужно и студенту, желающему изучать въ общественной библіотекѣ такія „опасныя“ книги, какъ Lyells „Основы геологіи“ и Спенсера „Соціальная статика“. Если вы врачъ, то вамъ нужно разрѣшеніе на практику; если вы желаете ночью посѣщать больныхъ, на это вы также должны просить разрѣшеніе; если желаете имѣть право прописывать „опасныя“ лекарства, то, пожалуйста, обратитесь опять за разрѣшеніемъ, иначе аптекаря не могутъ отпустить по вашему рецепту *).

Крестьянинъ, для того чтобы построить въ своей усадьбѣ баню, долженъ просить разрѣшеніе. Желающій молотить вечеромъ при огнѣ проситъ на то разрѣшенія или подкупаетъ полицію. Для того чтобы уйти отъ своего дома на разстояніе больше 15 верстъ, уже нужно разрѣшеніе. Иностранный путешественникъ не можетъ безъ разрѣшенія не только вступить въ предѣлы россійскаго государства, но и покинуть ихъ; дольше шести мѣсяцевъ безъ новаго разрѣшенія оставаться въ Россіи онъ не можетъ, о каждой перемѣнѣ жительства долженъ сообщать полиціи.

Словомъ, въ русскомъ государствѣ нельзя не только жить, двигаться, но даже и дышать безъ разрѣшенія.

Полиція во главѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ контролируетъ съ помощью паспортовъ передвиженіе каждаго жителя Имперіи; она постоянно наблюдаетъ за тысячью подо-

---

надзору. Они, напр., имѣютъ право выбрать себѣ предсѣдателя, но онъ можетъ занять свою должность только, если его выборъ будетъ одобренъ и утвержденъ всемогущимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; протоколы засѣданія передъ опубликованіемъ должны подвергнуться цензурѣ начальника губерніи.

*) Аптекаря и дрогисты, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, получаютъ отъ полиціи полный списокъ фамилій всѣхъ тѣхъ врачей, которые имѣютъ право заказывать „опасныя“ лекарства, какъ, напр., наркотическія средства или яды. Если имя врача не находится въ спискѣ, то аптекарь не можетъ отпустить никакого средства, которымъ могъ бы воспользоваться „террористъ“ для незаконныхъ цѣлей. См. „Восточное Обозрѣніе“ 30 іюня 1883 г. № 27 стр. 15.

зрительныхъ; увѣдомляетъ судебную палату объ обязательствахъ несостоятельныхъ; руководитъ продажей невыкупленныхъ закладовъ; удостовѣряетъ личность получающихъ пенсію и другихъ лицъ; надзираетъ за исправнымъ состояніемъ улицъ и мостовъ, наблюдаетъ за всѣми театральными представленіями, концертами, театральными билетами и уличными объявленіями, ведетъ статистику; слѣдитъ за исполненіемъ санитарныхъ постановленій; производитъ обыски и аресты въ частныхъ домахъ, читаетъ письма подозрительныхъ; устраняетъ изъ общества „погибшихъ“ членовъ; „увѣщеваетъ“ членовъ церкви, уклоняющихся въ теченіе продолжительнаго времени отъ принятія св. даровъ, и принуждаетъ повиноваться тысячамъ всевозможныхъ предписаній и указовъ, имѣющихъ цѣлью способствовать благу народа и безопасности государства. Законы, касающіеся полиціи, занимаютъ больше пяти тысячъ статей въ Сводѣ законовъ; и можно безъ преувеличенія сказать, что и въ крестьянскихъ деревняхъ, далеко отстоящихъ отъ центровъ культуры и просвѣщенія, вездѣсущая и всемогущая полиція предписываетъ каждому правила его поведенія,—беретъ на себя, конечно, неудачно, роль божественнаго провидѣнія.

Чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о тѣхъ разнообразныхъ дѣлахъ, которыя русское правительство обдѣлываетъ съ помощью полиціи, я приведу наудачу заглавія и выдержки изъ нѣсколькихъ циркуляровъ, которые были посланы министромъ внутреннихъ дѣлъ начальникамъ различныхъ русскихъ губерній втеченіе 1880—1884 г. Они гласятъ:

1. Правила для преподаванія закона Божія въ школахъ, не находящихся подъ руководствомъ духовенства.

2. Мѣропріятія противъ конокрадства.

3. О драмахъ, постановка которыхъ на сценѣ безусловно допустима.

4. Запрещеніе продавать пилюли Шиманскаго.

5. Крестьянамъ должно быть запрещено рубить молодыя березы для украшенія церквей и домовъ по праздникамъ.

6. Правила о способѣ и порядкѣ наблюденія цензорами за извѣстіями и отчетами частныхъ обществъ и союзовъ.

7. Объ отмѣнѣ ограниченій, касающихся перевозки сала.

8. Относительно примѣтъ въ паспортахъ евреевъ, для установленія ихъ личности.

9. Объ употребленіи минеральныхъ водъ больными и ранеными офицерами въ арміи.

10. Предписаніе продавать хлѣбъ по вѣсу, а не по объему.

11. Установленіе времени и обстоятельствъ, когда полицейскимъ и другимъ чинамъ министерства внутреннихъ дѣлъ разрѣшается надѣвать бѣлый чехолъ на фуражку.

12. По вопросу о томъ, кто имѣетъ право производить въ Имперіи денежные сборы для святыхъ мѣстъ въ Палестинѣ.

13. Объ уничтоженіи длинныхъ цѣпей, служившихъ для сковыванія во время похода каждыхъ шести преступниковъ.

14. Относительно набивки папиросныхъ гильзъ.

15. Запрещеніе губернскимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ высказывать мнѣнія и давать заключенія о дѣлахъ, не подлежащихъ ихъ вѣдѣнію.

16. Относительно прекращенія переселенія иновѣрцевъ въ Закавказье.

17. Правила о поставкѣ домовъ въ деревняхъ.

18. Контроль и правила для перевозки костей.

19. Правила для медицинскихъ свидѣтельствъ.

20. Запрещеніе употреблять учебники и другія учебныя пособія, не одобренные министромъ внутреннихъ дѣлъ и духовнымъ начальствомъ.

21. О надлежащихъ способахъ измѣренія ногъ рекрутовъ.

22. Относительно собраній учителей.

23. Предписанія, какъ испрашивать разрѣшеніе на концерты, лекціи, театральныя представленія и другія общественныя развлеченія.

24. Владѣльцы типографій должны представлять полиціи оттиски всѣхъ печатаемыхъ ими газетъ, журналовъ и календарей.

25. Относительно продажи плохого хинина.

26. Правила для контроля надъ прейсъ-курантами, печатными пригласительными билетами и визитными карточками.

27. О производствѣ выкидышей.

28. О контролѣ надъ печатями, штемпелями и карточками частныхъ лицъ и обществъ.

29. О собираніи милостыни для церковныхъ учрежденій и Палестины.

30. Правила продажи въ аптекахъ извѣстныхъ „косметическихъ средствъ“,—какъ то: мыла, крахмала, пудры, зубныхъ щетокъ и порошка отъ насѣкомыхъ.

Это только нѣкоторые изъ безчисленныхъ тысячъ распо-

ряженій, предписаній и правилъ, относящихся къ юрисдикціи царской полиціи. Конечно, всѣ ихъ перечислить невозможно. И хотя услѣдить за исполненіемъ такого количества запрещеній и ограниченій выше силъ отдѣльнаго лица и даже цѣлаго вѣдомства, тѣмъ не менѣе всетаки эти запрещенія и ограниченія являются препятствіемъ для всякаго частнаго предпріятія, для всякой инціативы, и вообще для всякой человѣческой дѣятельности.

Американцы абсолютно не могутъ себѣ представить тѣхъ отношеній между правительствомъ и народомъ, какія существуютъ въ Россіи. Вообразите себѣ, напр., губернатора штата Нью-Іоркъ, отдающаго приказъ всѣмъ гражданамъ прислать ему для ревизіи свои печати, штемпеля и визитныя карточки; или главнаго почтмейстера, разославшаго всѣмъ губернаторамъ циркуляръ, содержащій предписаніе относительно продажи мыла, крахмала, пудры, зубныхъ щетокъ и порошка отъ насѣкомыхъ! Подобное всемогущество правительства американцу кажется тиранническимъ, извращеннымъ, нелѣпымъ, непонятнымъ. У русскаго же это не возбуждаетъ никакого недоразумѣнія. Американская полиція занимается совсѣмъ иными дѣлами, а не предписаніями относительно продажи зубныхъ щетокъ и порошка отъ насѣкомыхъ. У меня есть написанное на печатномъ бланкѣ донесеніе полицейскаго чиновника своему начальнику, въ которомъ онъ сообщаетъ, что, согласно полученному въ тотъ же день приказанію, онъ отыскалъ извѣстныхъ лицъ,—имена которыхъ приведены,—и „уговорилъ“ ихъ „подъ угрозой наказанія со стороны администраціи“ (подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ казеннаго взысканія) причаститься св. тайнъ. На первой страницѣ этого документа стоитъ большими буквами: „Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца всея Россіи“. Газета „Сибирь“ отъ 10 іюля 1883 г. сообщила новость о полученіи полицейскими чиновниками г. Иркутска прямаго приказа увѣщевать всѣхъ лицъ, пренебрегающихъ своими религіозными обязанностями, и принуждать ихъ къ принятію св. даровъ. Заставлять безразличныхъ къ религіи христіанъ съ помощью полицейской силы причащаться, это—нѣчто такое, подобнаго чему, конечно, кромѣ Россіи, въ настоящее время нигдѣ нельзя встрѣтить.

Цѣль этой статьи кратко обрисовать организацію полицейскаго вѣдомства, на которое возложено такія необычайныя

обязанности, и нѣсколькими примѣрами иллюстрировать этотъ специфически русскій методъ правленія.

Русскую полицію можно раздѣлить на 4 большихъ класса. во-первыхъ, сельскіе полицейскіе, въ составъ которыхъ входятъ назначенные правительствомъ урядники и выбранные крестьянами сотскій и десятскій; во-вторыхъ, обыкновенные городскіе полицейскіе, функціи которыхъ несущественно отличаются отъ функцій полиціи въ другихъ странахъ; въ третьихъ, тайная полиція и сыскная полиція; въ 4-хъ: жандармы. Это дѣленіе не вполнѣ точно, такъ какъ существуетъ два или три рода жандармовъ, а также сыскную полицію надо отличать отъ тайной. Но для моей цѣли достаточно и этихъ четырехъ классовъ.

Тайная полиція и жандармерія находились до недавняго времени подъ контролемъ такъ называемаго „третьяго отдѣленія“ царской канцеляріи и составляли независимую часть государственной полиціи, занятой исключительно политическими преступленіями и преступниками. Со времени же упраздненія „3-го отдѣленія“ вся полиція Имперіи находится подъ руководствомъ и контролемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Статистическій матерьялъ относительно численности отдѣльныхъ классовъ русской полиціи никому недоступенъ и нельзя дать даже приблизительныхъ цифръ. По словамъ хорошо освѣдомленной русской газеты „Голосъ“, расходы на полицію Имперіи въ 1882 г. достигали 12 милл. рублей. Отсюда, если примемъ за годовое среднее содержаніе каждаго полицейскаго 300 рублей, получится персоналъ въ 40.000 человѣкъ; но, вѣроятно, дѣйствительное число значительно больше. Такая же неизвѣстность царитъ и относительно численности выбранныхъ крестьянами „сотскихъ“ и „десятскихъ“. „Правительственный Вѣстникъ“ отъ 1 мая 1886 г. опубликовалъ полный списокъ всѣхъ городовъ, деревень и поселеній въ Европейской Россіи, гдѣ производилась мелочная торговля спиртными напитками; таковыхъ оказалось 268.928. На каждое поселеніе, гдѣ продаются спиртные напитки, конечно, приходится, по крайней мѣрѣ по два полицейскихъ, а на всѣ, слѣдовательно,—больше, чѣмъ полмилліона. Число „урядниковъ“, т. е. назначенныхъ правительствомъ сельскихъ полицейскихъ, должно простираться до 5—6000. Они размѣщены по „станамъ“ или по почтовымъ станціямъ; каждый изъ нихъ завѣдуетъ округомъ большихъ

или меньшихъ размѣровъ и находится подъ начальствомъ „станового пристава“ или окружнаго полицейскаго чиновника. Два или три стана подлежатъ надзору „исправника“, а надъ нимъ стоитъ начальникъ губерніи. Въ Сибири, на практикѣ, организація такая же, только здѣсь округа гораздо обширнѣе и вмѣсто „станового пристава“—чиновникъ, называемый „засѣдателемъ“. Урядники носятъ форму и вооружены саблями и револьверами. Должность ихъ плохо оплачивается; простой полицейскій получаетъ между 50—100 долларами (100—200 рубл.), становой приставъ или окружной полицейскій отъ 200 до 300 долл. (400—600 р.) въ годъ. Конечно, очень трудно, если прямо не невозможно найти за такое незначительное вознагражденіе честныхъ и дѣльныхъ людей, и, какъ неизбѣжное слѣдствіе этого, полицейскіе являются самымъ худшимъ элементомъ изъ всего населенія. Большей частью они невѣжественны и глупы; умные же обыкновенно нечестны и пользуются безчисленными, постоянными предписаніями министра внутреннихъ дѣлъ для вымогательства денегъ отъ крестьянъ. Напримѣръ: министръ внутреннихъ дѣлъ предписываетъ съ наилучшими намѣреніями въ мірѣ, чтобы соломенныя крыши крестьянскихъ домовъ, черезъ опредѣленные промежутки времени, лѣтомъ смазывались разведенной въ водѣ глиной, во избѣжаніе легкаго воспламененія отъ падающихъ искръ. Полицейскій чиновникъ, на обязанности котораго лежитъ объясненіе крестьянамъ этого мѣропріятія, ждетъ, пока крестьянинъ не будетъ занятъ по горло, приблизительно до времени посѣва весной или жатвы лѣтомъ,—тогда созываетъ всѣхъ крестьянъ, читаетъ предписаніе и настаиваетъ на его немедленномъ исполненіи. Крестьянамъ невозможно прервать свою полевую работу и они спрашиваютъ станового пристава, сколько онъ желаетъ отступного. Понятно, онъ утверждаетъ, что приказъ требуетъ немедленнаго исполненія, и онъ рискуетъ своей головой, если сдѣлаетъ поблажку—но и въ немъ есть человѣческія чувства, и онъ готовъ пожертвовать собой, чтобы только не нанести ущерба крестьянамъ. Если каждый домохозяинъ согласенъ заплатить ему по 20 коп., чтобы онъ въ случаѣ своего увольненія не остался безъ всякихъ средствъ, то онъ разрѣшитъ отложить обмазываніе крышъ до конца посѣва или жатвы. На этомъ и сходятся. Крестьяне возвращаются къ своимъ полямъ, а становой отправляется въ кабакъ, чтобы тамъ спрыснуть свою

удачную сдѣлку и припомнить какое-нибудь старое предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ можно бы воспользоваться, чтобы снова содрать съ крестьянъ контрибуцію, когда ему понадобятся деньги.

И это не единственный способъ, которымъ полиція выжимаетъ деньги у крестьянъ, убиваетъ духъ предпріимчивости у отдѣльныхъ лицъ и истощаетъ деревню. Какъ разъ, когда мы съ г-номъ Фростомъ проѣзжали черезъ Енисейскую губернію, полдюжины крестьянъ сговорились нанять барку и по низовьяхъ Енисея, въ сѣверной части губерніи, гдѣ не произростаетъ пшеницы, продать непосредственно потребителю свою пшеницу, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ сноповъ, чтобы такимъ образомъ однимъ воспользоваться всей прибылью, которой иначе они должны бы подѣлиться съ двумя или тремя посредниками. Планъ былъ хорошъ, былъ бы выгоденъ и для производителей и для потребителей, но въ своихъ разсчетахъ они упустили изъ виду полицію. Вблизи каждой русской деревни находится маленькій капиталистъ или спекулянтъ—чаще еврей,—который съ помощью подкупленныхъ полицейскихъ чиновниковъ обдираетъ крестьянъ и, пользуясь ихъ нуждой, сколачиваетъ себѣ капиталъ. Эксплуатируемые называютъ этихъ людей „кулаками“. Въ деревнѣ, о которой я разсказываю, какъ разъ былъ такой спекулянтъ. Какъ только онъ услышалъ о задуманномъ крестьянами предпріятіи, сейчасъ же отправился къ засѣдателю, полицейскому чиновнику округа, сообщилъ ему о слышанномъ и сказалъ: „А что, мой милый Иванъ Николаевичъ, кабы намъ съ Вами да обдѣлать дѣльце съ этой пшеницей?“.

„Какимъ образомъ?“ спросилъ полицейскій чиновникъ съ пробуждающимся интересомъ.

„Ну“, отвѣтилъ кулакъ, „вѣдь крестьяне эти не смѣютъ отъѣхать отъ своей деревни дальше, чѣмъ на тридцать верстъ безъ разрѣшенія полиціи; разрѣшеніе должно быть особо помѣчено на ихъ паспортахъ. А, вѣдь, возможно, что Вы по той или другой причинѣ могли бы не дать имъ этого разрѣшенія. При Вашемъ умѣ причину придумать не трудно. Представьте, появилось бы новое предписаніе, требующее опредѣленныхъ бланковъ для разрѣшительныхъ свидѣтельствъ, а бланки еще не получены; или Вы послали паспорта этихъ людей для возобновленія въ губернскій городъ и они еще не пришли обратно. Въ такомъ случаѣ крестьянамъ не удалось

бы ихъ предпріятіе; ихъ задержали бы на первой же станціи и помѣшали бы дальнѣйшему ихъ путешествію. Тогда у нихъ не было бы другого выхода, какъ продать свой хлѣбъ мнѣ по цѣнѣ, которую я самъ назначу. Мы съ Вами могли бы отправить хлѣбъ внизъ по Енисею, сбыть его тамъ и подѣлить прибыль".

Планъ понравился засѣдателю и послѣ тщательнаго обсужденія всѣхъ мелочей былъ приведенъ въ исполненіе, въ ущербъ производителямъ и потребителямъ.

Но подобныя происшествія имѣютъ еще и ту дурную сторону, что лишаютъ крестьянъ энергіи. Для чего работать съ утра до ночи, когда полиція препятствуетъ имъ выгодно сбывать свои товары, и принуждаетъ отдавать ихъ за полцѣны какому-нибудь „кулаку", живодеру или кровопійцѣ!

Подобныя сдѣлки съ полиціей съ безконечными варіаціями производятся постоянно по всей Россіи, но главнымъ образомъ въ Сибири, гдѣ полиція находится еще подъ меньшимъ контролемъ, а чиновничество въ нравственномъ отношеніи еще ниже, чѣмъ въ Европейской Россіи. Господинъ Красинъ, досточтимый исправникъ, такъ гостепріимно принимавшій насъ съ Фростомъ въ Тюмени и давшій намъ разрѣшеніе осмотрѣть мѣстную пересыльную тюрьму, оказался взяточникомъ; вскорѣ онъ былъ арестованъ, обвиненъ въ денежномъ вымогательствѣ въ своемъ округѣ и въ наказаніе сосланъ въ Восточную Сибирь. Вызванные на судъ въ качествѣ свидѣтелей, крестьяне говорили слѣдующее: „съ насъ каждый тянетъ деньги: окружной чиновникъ, засѣдатель или исправникъ, кто бъ бы онъ тамъ ни былъ, лишь бы представился случай. Мы къ этому привыкли и не пожаловались бы и на этотъ разъ, если бы дѣла безъ насъ не открыли" *). Эти свидѣтельскія показанія характерны для русскаго крестьянина и доказываютъ его безсиліе передъ чиновниками. Онъ привыкъ къ притѣсненіямъ и вымогательствамъ: такъ было испоконъ вѣковъ; онъ относится къ нимъ, какъ къ наказанію Божьему, противъ котораго ничего не подѣлаешь. Никто не знаетъ, сколько денегъ деруть съ крестьянъ грабители въ полицейской формѣ, но общая сумма должна быть колоссальна. Исправникъ К-бергъ въ Енисейскѣ хвастался, что крестьяне его округа приносятъ ему ежегодно 20.000 рублей дохода**).

*) „Сибирская Газета" № 49, стр. 1477; Томскъ, 7 декабря 1886 г.
**) „Отечественныя записки", стр. 160; Петербургъ, май, 1882 г.

Во время нашего путешествія мы съ Фростомъ познакомились въ одной маленькой деревнѣ вблизи Иркутска съ уѣзднымъ чиновникомъ, „писаремъ“, котораго я назову Ивановымъ. Узнавъ меня ближе, г-нъ Ивановъ, какъ-то во время разговора относительно распространеннаго среди чиновничества взяточничества, откровенно мнѣ сказалъ: „г-нъ Кеннанъ, я тоже беру деньги съ крестьянъ. Я знаю очень хорошо, что это не честно, но что же мнѣ дѣлать? На жалованье прожить мнѣ невозможно; мой начальникъ, главный полицейскій чиновникъ округа, беретъ взятки; его начальникъ, исправникъ, дѣлаетъ тоже, начальникъ губерніи — тоже; если бы я захотѣлъ отказаться брать взятки, то я былъ бы арестованъ, какъ тайный революціонеръ *) или уволенъ, потому что я осмѣлился пожелать быть болѣе честнымъ человѣкомъ, чѣмъ его Превосходительство, г-нъ губернаторъ“.

Нѣкоторые изъ способовъ вымогательства сельской полиціи чрезвычайно остроумны и оригинальны. Незадолго передъ нашимъ пріѣздомъ въ Тюмень, засѣдатель того округа получилъ извѣщеніе, что въ лѣсу недалеко отъ одной крестьянской деревни нашли трупъ,—по всѣмъ вѣроятіямъ, убитаго человѣка. Въ такихъ случаяхъ засѣдатель обязанъ сейчасъ же отправиться на мѣсто преступленія, произвести тамъ разслѣдованіе, приказать перенести убитаго въ деревенскую мертвецкую и ждать прибытія окружного врача, который съ своей стороны долженъ произвести изслѣдованіе трупа. Засѣдатель тотчасъ же отправился въ деревню; а окружному врачу, уѣхавшему на практику, было оставлено приказаніе, по возвращеніи, немедля явиться къ засѣдателю. Прибывъ на мѣсто назначенія, полицейскій чиновникъ осмотрѣлъ трупъ и мѣстность и приказалъ, не дожидаясь прибытія врача, отвезти убитаго въ деревню.

Хорошо зная, что въ деревнѣ нѣтъ никакой мертвецкой,

---

*) Послѣ неудачи такъ называемаго „хожденія въ народъ“ многіе образованные русскіе, либералы и революціонеры, занимали подъ чужими именами мѣста писцовъ или волостныхъ писарей, надѣясь такимъ образомъ разъяснять крестьянамъ ихъ законныя права и до нѣкоторой степени защищать ихъ отъ „кулаковъ“, грабителей и кровопійцъ. Этихъ „добровольцевъ“ почти всегда узнавали и арестовывали потому, что они выдавали себя своимъ отказомъ пить водку и брать взятки. Г-нъ Ивановъ намекалъ мнѣ на этотъ извѣстный историческій фактъ.

онъ еще въ Тюмени составилъ планъ, какъ воспользоваться трупомъ для вымогательства денегъ. Мертвецъ былъ принесенъ на носилкахъ изъ еловыхъ вѣтвей къ дому самаго богатаго мѣстнаго крестьянина и поставленъ передъ его окнами. Испуганному крестьянину полицейскій чиновникъ сообщилъ, что ему придется продержать трупъ у себя, пока преступленіе не будетъ установлено окружнымъ врачемъ.

„О, силы небесныя!“ воскликнулъ крестьянинъ, „какъ же я буду держать два или три дня мертвеца, когда послѣзатра свадьба моей дочери?“

Засѣдатель увѣрялъ съ торжественнымъ и важнымъ видомъ, что это очень огорчаетъ его, но долгъ прежде всего. Дѣло очень важное, трупъ неизвѣстнаго долженъ быть въ полной сохранности до установленія его личности и до производства врачемъ вскрытія. Дѣло можетъ плохо кончиться для всего общества и крестьянинъ долженъ благодарить Бога, если такъ дешево отдѣлается.

Бѣдный человѣкъ былъ въ отчаяніи. Онъ зналъ, что полицейскій чиновникъ могъ приказать принести трупъ въ его домъ, что у него есть на то законное право; онъ также зналъ, что сопротивленіе полиціи могло повлечь за собой тюремное заключеніе на нѣсколько мѣсяцевъ или даже каторжныя работы въ рудникахъ. Онъ перешелъ къ просьбамъ. Онъ умолялъ засѣдателя избавить его отъ такого ужаса и заявилъ, что готовъ скорѣе заплатить 50 рублей, чѣмъ отложить свадьбу дочери и напугать до смерти своихъ дѣтей присутствіемъ мертвеца въ домѣ. Полицейскому только того и надо было. Теперь онъ соглашался, что передъ свадьбой такой случай, дѣйствительно, непріятенъ, и намекалъ, что, если крестьянинъ съумѣетъ соотвѣтствующимъ образомъ оцѣнить его сговорчивость, то онъ прикажетъ перенести трупъ въ другой домъ. Столковались быстро; крестьянинъ откупился тридцатью рублями, и засѣдатель велѣлъ нести убитаго къ дому другого богатаго поселянина; разыгравъ тамъ подобную же комедію, вынудилъ слѣдующія пятьдесятъ—двадцать рублей; и только поздно вечеромъ послѣ того, какъ полицейскій чиновникъ содралъ контрибуцію со всѣхъ зажиточныхъ крестьянъ, трупъ былъ перенесенъ въ старый пустой сарай.

Разговаривая впослѣдствіи по этому поводу съ крестьянами въ другой части Сибири, я узналъ, что подобные случаи не являются исключеніемъ. Случается, какъ мнѣ разсказывали,

что одинъ и тотъ же трупъ служитъ для эксплуатаціи двухъ или даже трехъ деревень. Въ Сибири вблизи деревень нерѣдко находятъ трупы неизвѣстныхъ людей, потому что значительное число бѣглыхъ преступниковъ ежегодно погибаетъ отъ мороза или отъ руки убійцъ. Въ одной изъ деревень крестьяне мнѣ говорили, что они никогда не доносятъ полицейскому чиновнику округа о нахожденіи трупа, такъ какъ это всегда обходится дорого. Они его или зарываютъ тайкомъ въ землю или въ ночное время подбрасываютъ къ другой деревнѣ. „Восточное Обозрѣніе“ сообщаетъ, что однажды трупъ былъ помѣщенъ въ одной изъ камеръ тюрьмы, гдѣ были заключенные, и оставался тамъ до тѣхъ поръ пока живые, будучи не въ силахъ уже больше переносить общество мертвеца, взяткой не добились его удаленія *). Не всѣ употребляемые полицейскими чиновниками способы вымогательства такъ ужасны и отталкивающи, но многіе столь же своеобразны, какъ вышеприведенные. Мнѣ пришлось слышать, что одинъ полицейскій чиновникъ во время уборки хлѣба приказалъ 30—40 крестьянамъ явиться на слѣдующій день въ 2 часа въ полицейскій станъ, якобы по важному дѣлу. Они подчинились приказанію; застали засѣдателя въ полной формѣ сидящимъ за столомъ, на которомъ лежали 4 большихъ тома свода русскихъ законовъ. Явившимся чиновникъ заявилъ, что онъ получилъ отъ высшаго начальства приказъ познакомить людей своего округа съ законами страны и позвалъ ихъ, чтобы прочесть имъ указы, которые долженъ знать каждый истинно-русскій человѣкъ. Затѣмъ открылъ свои толстые фоліанты и цѣлыхъ полдня читалъ несчастнымъ крестьянамъ законы, изъ которыхъ они ничего не поняли, и отпустилъ ихъ съ приказомъ на другое утро опять придти къ нему. Но уже вечеромъ къ нему явилась депутація и спросила, сколько возьметъ полицейскій чиновникъ за освобожденіе крестьянъ отъ дальнѣйшаго изученія права. За двадцать копѣекъ съ человѣка каждому была выдана степень доктора права.

Изъ многихъ, такъ называемыхъ, „натуральныхъ повинностей“ сибирскихъ крестьянъ самой обременительной и тяжелой являлась дорожная повинность, которую каждый долженъ былъ отбывать въ формѣ работы, втеченіи нѣсколькихъ

*) „Восточное Обозрѣніе“ № 38 стр. 12; Петербургъ 22 сентября 1883 года.

дней. Во всей Сибири ею пользуются, какъ средствомъ вымогательства. Вмѣсто того, чтобы позволить крестьянамъ деревни А. поправлять дороги вблизи ихъ мѣстожительства, алчный до денегъ исправникъ посылаетъ ихъ по сосѣдству съ деревней В., верстъ за 50 за 100, а жители В. должны работать вблизи А. Крестьянамъ, поставленнымъ такимъ образомъ въ безвыходное положеніе, приходится покупать себѣ у исправника разрѣшеніе работать около своей деревни. Если полицейскому чиновнику не удается вынудить денегъ такимъ путемъ, то онъ не разрѣшаетъ крестьянамъ уходить домой, пока онъ не осмотритъ работу. Иногда, не смотря на то, что работа давно окончена, цѣлая сотня людей задерживается на недѣлю или двѣ гдѣ-нибудь на большой дорогѣ только потому, что они не купили себѣ разрѣшенія вернуться. Все это совершается подъ прикрытіемъ закона, и крестьяне должны или терпѣливо сносить все это или же расплачиваться.

Политическіе ссыльные въ Сибири разсказывали намъ много забавныхъ исторій, касавшихся мнимыхъ революціонеровъ и происходившихъ вслѣдствіе невѣжества и ошибокъ сельской полиціи. Такъ, 4—5 лѣтъ тому назадъ, послѣ убійства жандармскаго офицера Судейкина террористомъ Дегаевымъ, по всѣмъ полицейскимъ управленіямъ Имперіи была разослана фотографія убійцы. На оборотѣ карточки было напечатано, что доставившій убійцу получитъ 10.000 рублей, на передней сторонѣ помѣщалось шесть снимковъ съ Дегаева, въ фуражкѣ и безъ фуражки, съ бородой и безъ бороды, съ усами и безъ усовъ. Пьяный невѣжественный полицейскій (въ одной изъ деревень Западной Сибири), которому попала въ руки подобная карточка, арестовалъ 4-хъ невинныхъ путешественниковъ, которые казались болѣе или менѣе похожими на портретъ Дегаева, и засадилъ ихъ въ тюрьму; потомъ въ деревнѣ и кабакѣ хвастался въ пьяномъ видѣ, что четыре требуемыхъ Дегаевыхъ уже посажены имъ въ тюрьму и что онъ не успокоится, пока не отыщетъ остальныхъ двухъ, чтобы затѣмъ всѣхъ шестерыхъ вмѣстѣ доставить высшимъ властямъ. Тогда онъ, навѣрно, получилъ бы обѣщанные 10.000 рублей и заслужилъ всеобщій почетъ.

Другой такой же невѣжественный полицейскій арестовалъ ученаго, члена императорскаго географическаго общества, который пріѣхалъ въ деревню для занятій любимой наукой, орнитологіей. Несчастный естествоиспытатель имѣлъ привычку

ежедневно заносить въ свою записную книжку названія пойманныхъ имъ птицъ, и проницательный полицейскій нашелъ при осмотрѣ книжки почти на каждой страницѣ замѣчанія, которыя показались ему подозрительными; напр. 13-го іюня: „Сегодня передъ обѣдомъ я застрѣлилъ прекраснаго королевскаго бекаса“; 17-го іюня: „сегодня — silvia hortensis“; развѣ это не запись нигилистическихъ убійствъ? Арестованный орнитологъ былъ переданъ подъ сильнымъ конвоемъ полицейскому чиновнику округа, такъ какъ записная книжка представляла неопровержимое доказательство, что имѣется дѣло съ кровожаднымъ террористомъ; не можетъ быть никакого сомнѣнія, что замѣтка относительно „королевскаго бекаса“ есть подозрительный намекъ на сіятельную царскую фамилію.

Почти каждый иностранный путешественникъ, намѣревавшійся изучить основательно русскую жизнь, былъ по крайней мѣрѣ, разъ арестованъ сельской полиціей. Англійскій мореплаватель Вигинсъ былъ подъ арестомъ втеченіе 3-хъ дней, пока ему не удалось удостовѣрить свою личность *). Mackenzie Wallace былъ арестованъ въ Европейской Россіи, какъ шпіонъ; Ланселлъ, англійскій миссіонеръ, какъ распространитель революціонныхъ воззваній; а насъ съ м-ромъ Фростомъ задержали въ Перми, потому что мы случайно прошли 3 раза мимо тюрьмы.

Въ государствѣ тайной полиціи и жандармовъ почти также много, какъ и полицейскихъ, но они интеллигентнѣе полицейскихъ и располагаютъ большей властью. Они встрѣчаются всюду въ обширной Имперіи, но преимущественно въ городахъ. Публика почти ничего не знаетъ объ ихъ организаціи, количествѣ и способахъ дѣйствій, кромѣ того, что они подчинены министру внутреннихъ дѣлъ и что ихъ дѣятельность относится, главнымъ образомъ, къ предупрежденію и открытію политическихъ преступленій. Главная ихъ дѣятельность состоитъ въ наблюденіи за лицами, которыя подозрѣваются въ сочувствіи революціонному движенію, или которыя, по оффиціальному выраженію, „неблагонадежны“. При восшествіи на престолъ теперешняго царя 3.000 лицъ Европейской Россіи находилось подъ надзоромъ полиціи, да 1500—2000

*) Описанія этого случая я не нашелъ въ печати; источникомъ мнѣ служилъ хорошо освѣдомленный политическій ссыльный въ Сибири.

въ Сибири, въ качествѣ политическихъ ссыльныхъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что этимъ лицамъ было извѣстно о полицейскомъ надзорѣ за ними; но, конечно, существуетъ еще множество мужчинъ и женщинъ, которые находятся подъ тайнымъ наблюденіемъ, даже не подозрѣвая объ этомъ.

Въ Петербургѣ мнѣ удалось секретнымъ образомъ достать одинъ изъ бланковъ, которые должны заполнять каждый мѣсяцъ полицейскіе чиновники, имѣющіе за кѣмъ-нибудь тайный надзоръ.

Вопросы касаются жизни и привычекъ, находящихся подъ надзоромъ лицъ, и составлены слѣдующимъ образомъ:

Охранное отдѣленіе. Бланкъ № 2; ежемѣсячно долженъ заполняться и доставляться обратно.

1. Имя и фамилія находящагося подъ надзоромъ лица? Какъ зовутъ отца?

2. Гдѣ живетъ онъ или она? Указать: часть города, уѣздъ, губернію, улицу, домъ, комнату.

3. Какъ давно онъ тамъ живетъ и гдѣ жилъ раньше?

4. Занимаетъ онъ большое помѣщеніе или одну комнату въ квартирѣ или домѣ другого? Кто въ послѣднемъ случаѣ квартирохозяинъ или домохозяинъ? Сообщить: имя, званіе и прошлое его.

5. Живетъ ли одинъ или съ кѣмъ-нибудь? Въ послѣднемъ случаѣ, съ кѣмъ?

6. Имѣетъ ли онъ прислугу? Какъ ея имя? Убираетъ ли кто его или ея комнату? Что находится въ комнатахъ? Кто стираетъ ему бѣлье? Укажите имя и мѣстожительство прачки *).

7. Когда и отъ кого получаетъ онъ письма, какъ простыя, такъ и денежныя?

8. Обѣдаетъ онъ дома или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ?

9. Посѣщаетъ ли онъ публичную библіотеку? Какую? Какія книги получалъ онъ втеченіе мѣсяца?

10. Какъ проводитъ онъ время, когда бываетъ дома?

11. Какія у него средства къ существованію? Если даетъ уроки, то у кого? Если занимаетъ мѣсто, то какого рода?

12. Гдѣ увидѣлъ его впервые надзирающій за нимъ чи-

---

*) Часто запрещенныя вещи выносятся и приносятся въ квартиры революціонерами въ бѣльевыхъ узлахъ, а въ качествѣ прачекъ являются соучастницы женскаго пола.

новникъ и при какихъ обстоятельствахъ? Знаетъ ли онъ полицейскаго чиновника по наружности?

13. Во сколько часовъ онъ выходитъ изъ своей квартиры и когда возвращается назадъ?

14. Находится ли онъ въ сношеніяхъ съ женщиной, или, если наблюдаемое лицо женщина, то нѣтъ ли у нея любовника? Въ этомъ случаѣ, кто она или онъ, гдѣ живетъ онъ или она? Гдѣ они встрѣчаются?

15. Кто посѣщалъ его втеченіе мѣсяца и въ какое время? (Если возможно, укажите, имя и квартиру).

16. Не ночевалъ ли кто въ его квартирѣ? Кто?

17. Кто можетъ засвидѣтельствовать, что онъ встрѣчался съ упомянутыми въ предыдущихъ параграфахъ лицами?

18. Играетъ ли онъ въ карты?

19. Видѣли ли его въ пьяномъ видѣ?

Этотъ листъ долженъ быть подписанъ производящимъ наблюденіе полицейскимъ чиновникомъ, скрѣпленъ окружнымъ инспекторомъ тайной полиціи и только тогда переданъ въ охранное отдѣленіе.

Непосвященный читатель можетъ подумать, что подобное ежемѣсячное донесеніе даетъ возможность высшимъ полицейскимъ чиновникамъ знать исторію подозрѣваемаго во всѣхъ подробностяхъ, но на дѣлѣ это не такъ. Подкопъ на Малой Садовой въ Петербургѣ, гдѣ была заложена мина съ 80 фунтами динамита, снабженная батареей, проволоками и Румкорфовой спиралью, былъ сдѣланъ двумя террористами, которые жили подъ видомъ торговцевъ сыромъ, и находились подъ подобнымъ же тайнымъ надзоромъ полиціи. Въ ихъ лавкѣ былъ произведенъ обыскъ только за 3 дня до убійства Александра II-го, и, однако, подкопъ не былъ открытъ.

По моему мнѣнію, дѣятельность русской полиціи сильно переоцѣнивается. Даже у меня самого выработалась большая опытность въ томъ, какъ провести полицію, и я зналъ 3—400 революціонеровъ, которые водили ее за носъ втеченіе годовъ. Въ каждомъ городѣ имперіи находятся сотни революціонеровъ, которыхъ полиція не можетъ открыть, гекто-литографированные оттиски запрещенныхъ сочиненій — и даже сами эти сочиненія—ходятъ по рукамъ во всемъ государствѣ; и за исключеніемъ Шлиссельбургской крѣпости, вѣроятно, нѣтъ ни одной тюрьмы въ Европейской Россіи или Сибири, изъ которой заключеннымъ революціонерамъ не уда-

валось-бы поддерживать письменное сообщеніе съ своими друзьями на волѣ.

Хорошо освѣдомленный корреспондентъ „New-York Tribune„ недавно сказалъ по адресу русской полиціи: „Я не думаю, чтобы въ имперіи существовало еще какое-нибудь учрежденіе, относительно котораго были-бы распространены такія ложныя представленія и которое какъ разъ заграницей такъ сильно переоцѣнивалось-бы. Во всей Европѣ нѣтъ полицейскаго отдѣленія, такъ плохо организованнаго, такъ плохо освѣдомленнаго и до такой степени ни къ чему неспособнаго, какъ это царское учрежденіе".

Это утвержденіе, можетъ быть, немного смѣло, но въ сущности вѣрно. Русская тайная полиція рѣшительно не оправдываетъ своего назначенія.

И какая польза отъ подобной системы, отъ подобной полиціи? У наблюдателя, разсматривающаго положеніе Россіи съ американской точки зрѣнія, возникаетъ мысль, что существованіе царя, человѣка благомыслящаго, было бы и счастливѣе и полезнѣе, если бы онъ отказался отъ своей системы угнетенія; уволилъ деспотическаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Толстого; отставилъ бы $^5/_6$ своихъ полицейскихъ и жандармовъ и допустилъ бы народъ къ участію въ правленіи. Положеніе вещей хуже, чѣмъ оно есть, сдѣлаться не можетъ; послѣдовательный же либеральный способъ правленія могъ бы превратить Россію, въ столь же счастливую и богатую, какъ и могущественную страну.

ГЛАВА II

Путешествіе по Забайкалью

Во вторникъ мы побывали въ буддійскомъ монастырѣ и вернулись оттуда въ 9 часовъ вечера. Въ 11 же часовъ мы заказали въ Селенгинскѣ почтовыхъ лошадей, чтобы ѣхать въ Кяхту, городъ лежащій на русско-монгольской границѣ, приблизительно въ 60 миляхъ отъ Селенгинска. Мы должны бы были достигнуть цѣли нашего путешествія на другой день рано утромъ, но въ Сибири, особенно въ Забайкальѣ, человѣкъ постоянно натыкается на непредвидѣнныя препятствія и затрудненія.

Вскорѣ послѣ полуночи, отъѣхавъ отъ Селингинска миль шесть, очутились мы у рѣчки, переправляться черезъ которую надо было на „Карбасѣ“ (родъ парома). „Карбасъ“ случайно находился у другого берега. Бѣда была въ томъ, что перевозчика надо было разбудить. Изо всѣхъ силъ кричали мы хоромъ: „Кар-ба-а-асъ!“—Кар-баасъ!—тихо и насмѣшливо отзывались скалы противоположнаго берега. Это тянулось, съ небольшими промежутками, добрый часъ времени. Иззябшіе, сонные, измученные мы собрались уже вернуться въ Селенгинскъ, когда въ тѣни противолежащихъ скалъ мы увидѣли темный абрисъ чего-то похожаго на лодку, что медленно двигалось противъ теченія. Это и былъ горячо желаемый „Карбасъ“. Полчаса спустя мы уже ѣхали по южному берегу рѣки и въ три часа утра пріѣхали на станцію „Поворотную“. Новое затрудненіе—здѣсь не было лошадей! Станціонный домъ былъ уже биткомъ набитъ проѣзжающими, которые лежали и спали на полу. Намъ тоже не оставалось другого выбора, какъ, отыскавъ въ углу у печки свободное мѣсто, втиснуться коекакъ между двумя китайцами и кучей нагроможденныхъ оленьихъ роговъ.

Всю среду ѣхали мы по направленію къ югу. Мѣстность

была почти необитаема. Ея сосновые, на песчаной почвѣ, лѣса, и покрытыя плохой, короткой травой лужайки прерывались иногда низкими холмами, поросшими березами и лиственницами. Время отъ времени встрѣчали мы обозы, состоящіе изъ одноконныхъ, нагруженныхъ чаемъ, повозокъ; они ѣхали сюда изъ Пекинской провинціи, черезъ Монголію. Попадались также верховые бурята, въ сковородообразныхъ шляпахъ и длинныхъ коричневыхъ кафтанахъ. Въ общемъ же, путешественники, повидимому, мало пользовались этой дорогой, да и селенія встрѣчались крайне рѣдко.

Единственное, что привлекло наше вниманіе на протяженіи почти 50-ти мильнаго пути—были кучи камней, сложенныя на вершинахъ холмовъ. Господинъ Фростъ называлъ ихъ „бурятскими алтарями". Происхожденіе ихъ таково. По всей Сибири туземцы имѣютъ обыкновеніе приносить умилостивительныя жертвы духу вѣтровъ на вершинахъ горъ и холмовъ. Въ предѣлахъ сѣверо-восточной Сибири жертвы эти состоятъ большею частью изъ табака, разсыпаемаго по землѣ передъ нѣкоторыми, чѣмъ нибудь выдѣляющимися, особенно замѣтными утесами. Въ Забайкальѣ же бурята и монголы складываютъ около дороги кучи камней и водружаютъ въ нихъ шесты, которые обвѣшиваютъ лоскутками отъ своего платья. Путешественникъ, проѣзжающій мимо такой святыни, долженъ слѣзть съ коня или повозки, оторвать кусочекъ отъ кафтана или рубахи и повѣсить лоскутъ съ подобающей молитвой на этотъ шестъ. Цѣлая коллекція тряпокъ и тряпочекъ всевозможныхъ матерій всѣхъ цвѣтовъ и сортовъ развѣвается здѣсь по вѣтру. Разсуждая теоретически можно думать, что подобная коллекція можетъ быть полезной туземцу: зная одежду своихъ друзей, онъ могъ бы находить ихъ, идя отъ холма къ холму по значкамъ, которые они пожертвовали могучему богу сибирскихъ вѣтровъ отъ своихъ рубахъ и штановъ. На практикѣ, однако, дѣло выходитъ иначе. Послѣ основательнаго изслѣдованія этого благочестиваго обычая, мы узнали, что каждый бурятъ, отправляясь въ путешествіе беретъ съ собою цѣлый запасъ старыхъ тряпокъ для украшенія всѣхъ встрѣчныхъ шестовъ боговъ вѣтра. Поэтому, тѣ дрянные лохмотья, что трепались вѣтромъ на всѣхъ священныхъ шестахъ отъ Селенгинска до Кяхты, никакъ не могли быть обязаны своимъ происхожденіемъ одеждѣ, носимой теперь какимъ нибудь человѣкомъ.

Погода была холодная и весь день снѣжная буря и проливной дождь смѣняли другъ-друга. На почтовыхъ станціяхъ было очень мало ѣды. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, еще задолго до сумерекъ, мы почувствовали себя совершенно промерзшими и голодными и съ восхищеніемъ привѣтствовали свѣтившіе намъ навстрѣчу огни маленькихъ деревянныхъ домовъ Троицкосавска, лежащаго въ двухъ съ половиной миляхъ отъ монгольской границы.

Три города: Троицкосавскъ, Кяхта и Маймачинъ расположены приблизительно на сотню миль къ юго-востоку отъ Байкальскаго озера и образуютъ одно, почти непрерывное поселеніе, пересѣкающее монгольскую границу. Троицкосавскъ и Кяхта находятся сѣвернѣе границы, а Маймачинъ южнѣе, т. е., уже на монгольской территоріи и отдѣленъ отъ Кяхты полосой нейтральной земли въ полтораста—двѣсти метровъ. Изъ этихъ трехъ городовъ Троицкосавскъ самый большой и самый важный по своему административному значенію, но Кяхта лежитъ ближе къ границѣ и потому названіе ея извѣстнѣе.

Слѣдуя совѣту одного молодого купца, съ которымъ мы свели знакомство на байкальскомъ пароходѣ, мы проѣхали, минуя Троицкосавскъ, въ Кяхту, съ цѣлью искать пристанища въ „домѣ Соколова“: изъ словъ нашего спутника мы поняли, что это была хорошая и удобная гостинница. Найдя этотъ домъ послѣ долгихъ поисковъ, мы не мало удивились: по внѣшнему виду онъ нисколько не былъ похожъ на гостинницу.

Самый домъ находился посреди большого, обнесеннаго каменной стѣной двора, окна были темны и ворота, несмотря на ранній еще вечеръ, были заперты и задвинуты засовомъ. Долго стучали мы въ нихъ; наконецъ крикомъ и стукомъ удалось намъ разбудить служанку, но она приняла насъ за разбойниковъ и не сразу можно было убѣдить ее, что мы просто мирные путники, ищущіе ночлега. Отъ нея мы узнали, что здѣсь вовсе не гостинница, что, правда, господинъ Соколовъ принимаетъ иногда къ себѣ путешественниковъ, но только тѣхъ, кто пріѣзжаетъ къ нему съ рекомендательными письмами, а никакъ не первыхъ попавшихся людей съ улицы, о которыхъ никто не знаетъ, что у нихъ на умѣ. По ея мнѣнію, самое лучшее, что мы могли сдѣлать, это—вернуться въ Троицкосавскъ. Рекомендательнаго письма у насъ не было; дѣвушка отказывалась отпереть ворота и вообще вести съ

нами дальнѣйшіе переговоры и намъ не оставалось ничего больше дѣлать, какъ послѣдовать ея совѣту. Мы взобрались опять на нашу телѣгу, вернулись въ Троицкосавскъ и отыскали, наконецъ, тамъ одного ссыльнаго поляка, по фамиліи Клемботскаго, который держалъ булочную и сдавалъ въ наймы нѣсколько комнатъ, не требуя отъ проѣзжихъ предъявленія рекомендательныхъ писемъ. Въ это время пробило уже десять часовъ и, отчаявшись найти себѣ лучшее помѣщеніе, мы приказали нести нашу поклажу въ квартиру Клемботскаго. Комнаты были не очень-то привлекательны. Полъ былъ деревянный, некрашенный, стѣны изъ четыреугольныхъ бревенъ, щели которыхъ были забиты паклей. Еловый столъ, три такихъ же стула и скрипучая деревянная кровать составляли все убранство. О постельныхъ принадлежностяхъ каждый путешественникъ долженъ былъ уже заботиться самъ. Послѣ скуднаго ужина, состоявшаго изъ хлѣба и чаю, вытянули мы, наконецъ, наши усталые члены на жесткомъ полу и пытались заснуть. Увы! по обыкновенію, большую часть ночи намъ пришлось посвятить изслѣдованіямъ въ одной, строго ограниченной и высокоинтересной области энтомологіи. Въ четвергъ послѣ обѣда наняли мы своеобразную русскую повозку, которую въ Сибири зовутъ долгушкой, и отправились въ Кяхту. Тамъ намъ хотѣлось посѣтить богатаго русскаго чаеторговца Лушникова, рекомендованнаго намъ иркутскими друзьями.

Троицкосавскъ, Кяхта и Маймачинъ лежатъ въ плоской, почти пустынной долинѣ при маленькой рѣчкѣ, впадающей въ Селенгу. Высокіе края долины идутъ почти параллельно другъ-другу и закрываютъ горизонтъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, гдѣ глазъ, минуя дома и деревянныя сѣрыя стѣны Маймачина, отдыхаетъ на далекихъ, воздушно-голубыхъ горахъ Монголіи. Кяхта сначала производитъ на наблюдателя впечатлѣніе большой, зажиточной деревни. Хотя тамъ больше двухъэтажныхъ, имѣющихъ комфортабельный видъ, деревянныхъ домовъ, чѣмъ обычно бываетъ въ деревняхъ восточной Сибири, и есть двѣ стоющія вниманія церкви, въ греко-русскомъ стилѣ, съ бѣлыми стѣнами, съ пестрыми и золочеными куполами, но никому бы не пришло въ голову, что этотъ городъ—важнѣйшій торговый пунктъ восточной Сибири. И, однако, черезъ Кяхту провозятъ въ Монголію и обратно русскихъ и китайскихъ продуктовъ ежегодно на 20—30 милліоновъ рублей. Извѣстный, столь любимый въ Россіи караванный чай, везется

въ Русскую имперію изъ сѣвернаго Китая, именно черезъ Кяхту; здѣсь онъ тщательно упаковывается, зашивается въ звѣриныя кожи и отправляется за четыре тысячи верстъ въ Петербургъ, Москву, или на ежегодную Нижегородскую ярмарку. Черезъ Кяхту же идетъ ввозъ китайскаго шелку, креппа и большого количества прессованнаго—„кирпичнаго“—чаю для бѣдныхъ классовъ русскаго населенія, бурятъ, киргизовъ и другихъ туземныхъ племенъ. Товары, вывозимые въ Китай—это, главнымъ образомъ, русскіе фабрикаты, оленьи рога, женъ-шень (Ginseng), мѣха и благородные металлы въ видѣ русскихъ, англійскихъ и американскихъ монетъ. Даже серебряные доллары Соединенныхъ Штатовъ находятъ черезъ Сибирь входъ въ „Небесную имперію“. Русскіе Кяхтинскіе купцы славятся своимъ богатствомъ; нѣкоторые, особенно чаеторговцы, считаютъ годовой доходъ своей торговли въ 75—150 тысячъ долларовъ.

Господинъ Лушниковъ жилъ въ центрѣ города, въ комфортабельномъ двухъ-этажномъ домѣ. Мы представились ему какъ американскіе путешественники и были приняты съ тѣмъ открытымъ, сердечнымъ гостепріимствомъ, которое представляетъ характерную черту всѣхъ русскихъ отъ Берингова пролива до Балтійскаго моря. Во время завтрака, который подали вскорѣ послѣ нашего прихода, мы бесѣдовали съ нимъ о Кяхтѣ и Маймачинѣ. Господинъ Лушниковъ былъ такого мнѣнія, что оба эти города могутъ представить очень мало занимательнаго для иностраннаго путешественника. Еще Маймачинъ можетъ, пожалуй, быть интересенъ человѣку, не видавшему ни разу китайскаго или монгольскаго города, но Кяхта почти ничѣмъ не отличается отъ другихъ сибирскихъ поселеній такого-же разряда.

Вдругъ, послѣ небольшой остановки разговора, онъ, какъ бы осѣненный блестящей мыслью, неожиданно спросилъ: „А кушали-ли вы когда нибудь китайскій обѣдъ?“

— Никогда—отвѣтилъ я.

„Ну, сказалъ онъ, значитъ я могу вамъ показать кое что для васъ новенькое: я закажу вамъ на послѣзавтра китайскій обѣдъ въ Маймачинѣ. Я знаю тамъ одного китайскаго купца, у котораго хорошій поваръ. Правда за такое короткое время нельзя приготовить обѣда больше чѣмъ въ 40 перемѣнъ, но вы, по крайней мѣрѣ, будете имѣть понятіе, что это за штука!“ Мы поблагодарили его, говоря, что хоть намъ за наше путе-

шествіе по Забайкалью рѣдко приходилось видѣть что нибудь, кромѣ чаю съ хлѣбомъ, но пиръ въ 40 блюдъ, конечно, вполнѣ удовлетворитъ и нашъ аппетитъ и наше любопытство.

Отъ господина Лушникова мы завернули къ жившему неподалеку русскому таможенному чиновнику, господину Сулковскому. Сулковскій принялъ насъ такъ пріятельски, какъ будто мы были его старые друзья. Въ этой далекой странѣ часто приходилось намъ убѣждаться, что земля, въ сущности, очень не велика, ибо повсюду находили мы признаки цивилизованнаго міра и даже нашего собственнаго отечества. Такъ, напримѣръ, въ домѣ господина Лушникова мы неожиданно встрѣтили интеллигентную даму—шотландку, госпожу Гамильтонъ и говорили съ ней по-англійски. Русскій таможенный чиновникъ оказался человѣкомъ знающимъ многихъ офицеровъ изъ полярной экспедиціи „Жаннеты"—значитъ и г. г. Мельвиля и Данненговера,—видѣвшимъ спасательный пароходъ „Роджерсъ" на зимней стоянкѣ, около Берингова пролива и знакомымъ съ капитаномъ этого судна г-номъ Берри и съ г-номъ Гильдеромъ, корреспондентомъ „Геральда".

Мы еще разъ позавтракали и съ удовольствіемъ поболтали съ г-номъ Сулковскимъ. Затѣмъ вернулись въ Троицкосавскъ и посвятили остатокъ послѣобѣденнаго времени наблюденіямъ на базарѣ (городской рынокъ) и въ оригинальныхъ китайскихъ и монгольскихъ лавочкахъ. Мы были не мало удивлены, встрѣтивъ въ одной изъ нихъ старый, потрепанный экземпляръ Дикенсовскаго журнала „All the yoar round". Какъ могла попасть сюда эта книга? Однако, если въ лавкахъ Троицкосавска имѣется англійская періодическая литература, то и американскій путешественникъ долженъ имѣть возможность найти здѣсь экземпляръ повременнаго изданія Соединенныхъ Штатовъ! Моя проффессіональная и патріотическая гордость рѣшительно была уязвлена при видѣ того, что „All the year round" пользуется въ Монголіи большимъ распространеніемъ, чѣмъ „Century Magazine"! — Послѣ долгихъ и тщетныхъ поисковъ, открылъ я въ лавкѣ темнокожаго монгола одинъ продуктъ американскаго творчества. Это немного успокоило мой возмущенный патріотизмъ, ибо продуктъ этотъ служилъ доказательствомъ, что человѣчество распредѣляетъ свое время по приказу изъ Новой Англіи: это были старые, стертые часы изъ Провиденса въ Родъ-Исландъ. Мое разочарованіе въ этотъ день на Троицко-

савскомъ базарѣ, вполнѣ искупилось въ одной еще болѣе отдаленной и дикой мѣстности Забайкалья: я нашелъ тамъ „Жизнь на Миссисипи“ Марка Твена и русскій переводъ Брэдъ Гардовскаго „Счастье въ Roaring Camp.“

Въ пятницу 2 октября мы опять побывали въ Кяхтѣ съ господиномъ Фростомъ и въ сопровожденіи таможеннаго чиновника господина Сулковскаго сдѣлали визитъ китайскому губернатору Маймачина. Посрединѣ уже упомянутой полосы нейтральной земли между Маймачиномъ и Кяхтой тянется пограничная линія обѣихъ великихъ имперій. Кромѣ этого, Маймачинъ отдѣленъ отъ Кяхты высокой досчатой стѣной и строеніями въ родѣ пагоды, что бы защитить улицы отъ взглядовъ варваровъ. Едва ли можно себѣ представить перемѣну внезапнѣе и поразительнѣе той, какая совершается на протяженіи нѣсколькихъ сотъ шаговъ пути изъ Кяхты въ Маймачинъ. За минуту передъ этимъ вы были въ провинціальномъ русскомъ городкѣ съ характерными для него лавками, бревенчатыми домами, куполами на церквахъ, солдатами, дрожками и привычными глазу крестьянскими лицами, и вотъ, какъ только вы оставили за собою стѣну ревниво закрывающую входы въ Монгольскій городъ,—вы несомнѣнно находитесь въ самой серединѣ Китайской имперіи. Вамъ кажется, что вы перенеслись сюда на „коврѣ самолетѣ“ изъ тысячи и одной ночи и отдѣлены отъ Россіи пространствомъ шириной въ цѣлый континентъ. Узкія немощенныя улицы тѣсно обставлены сѣрыми одноэтажными домами; глухія стѣны этихъ домовъ сбиты изъ глины, перемѣшанной съ соломой; крыши украшены рѣзьбой и подняты высокими углами. Двухколесныя неуклюжія повозки запряженныя быками, нагруженныя ящиками чаю и сопровождаемыя коричнево-смуглыми монголами смѣнили русскія конныя телѣги. Вмѣсто привычныхъ глазу русскихъ купцовъ въ высокихъ сапогахъ, рубахахъ на выпускъ и просторныхъ жилетахъ, появились китайскіе въ шапочкахъ, широкихъ и длинныхъ развѣвающихся одеждахъ, въ бѣлыхъ носкахъ и башмакахъ. По временамъ проѣзжаютъ по улицѣ всадники въ темнооранжевыхъ одеждахъ и сковородообразныхъ шляпахъ; взглядъ ихъ дикъ и лица опалены солнцемъ юга — они пріѣхали изъ далекаго кочевья въ великой пустынѣ Гоби. Иногда слѣдомъ за ними на медленно выступающемъ волѣ ѣдетъ бѣдный монголъ изъ ближайшаго селенія. Вообще, куда бы вы ни взглянули, вездѣ вмѣсто Россіи—Китай и на

каждомъ шагу вы видите странныя и необычныя для европейца сцены.

Въ сопровожденіи русско-китайскаго толмача направились мы къ резиденціи китайскаго губернатора. Домъ его отличался отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что передъ нимъ стояли два шеста съ золоченными шарами на верхушкахъ. Господинъ Сулковскій представилъ насъ его превосходительству, а оно угостило насъ чаемъ, печеньемъ и „майгало“—рисовой китайской водкой. Мы обмѣнялись съ губернаторомъ совершенно безсодержательными вопросами и отвѣтами: объ его и нашемъ здоровьи, дѣлахъ и вообще взаимномъ благополучіи, выпили по 3—4 чашки „майгало“, полакомились засахаренными фруктами и послѣдовали за его превосходительствомъ въ храмъ, ибо насталъ часъ его молитвы. Тамъ наблюдали мы, какъ онъ молился передъ большимъ деревяннымъ идоломъ, подъ аккомпаниментъ медленыхъ ударовъ густого, звучнаго колокола. Казалось, что колоколъ звучитъ за тѣмъ, чтобы возвѣстить всѣмъ жителямъ города, что его превосходительство исполняетъ свои религіозныя обязанности. Возвратившись съ сановникомъ домой, господинъ Фростъ сфотографировалъ его возсѣдающимъ на парадномъ креслѣ, покрытомъ тигровымъ мѣхомъ, съ довольной миной признаннаго величія. Затѣмъ, такъ какъ въ сущности все это было довольно скучно, мы откланялись, причемъ каждый получилъ въ красивомъ пакетѣ тѣ орѣхи, печенье и цукаты, которые намъ подносились и остались не съѣденными.

Остававшееся до вечера время мы убили въ безплодныхъ попыткахъ сдѣлать фотографическіе снимки съ нѣкоторыхъ оригинальныхъ типовъ и группъ на улицахъ Маймачина. Насъ постоянно окружала толпа въ 40—50 человѣкъ монголовъ, бурятъ и другихъ, нигдѣ еще не описанныхъ уроженцевъ великой южной степи. Нѣсколько разъ ставили мы нашъ аппаратъ и направляли его на какую нибудь часть живописной толпы; но какъ только г-нъ Фростъ покрывалъ свою голову чернымъ сукномъ и снималъ крышку съ аппарата—робкіе „сыны неба“ исчезали такъ быстро, какъ будто бы онъ наставлялъ на нихъ пушку. Установки аппарата и вида чернаго сукна было достаточно, чтобы улица опустѣла съ одного конца до другого! Мнѣ даже пришло въ голову посовѣтовать китайскому губернатору употреблять фотографическій аппаратъ для подавленія народныхъ возстаній. Цѣль достигалась бы вѣрнѣе

и быстрѣе, чѣмъ батареей настоящихъ пушекъ. Насколько я помню, въ этотъ день г-нъ Фростъ такъ и не сфотографировалъ ни одного живого существа за исключеніемъ воловъ въ монгольской упряжи, да двухъ-трехъ слѣпыхъ или безногихъ нищихъ, которые не смогли убѣжать достаточно быстро. Въ этотъ-же день, только нѣсколько позднѣе, г-нъ Фростъ попробовалъ сдѣлать карандашный набросокъ съ одного монгола, заинтересовавшаго его своимъ дикимъ видомъ, но собравшаяся толпа чуть не побила г-на Фроста и ему пришлось тайкомъ уйти домой съ неоконченнымъ рисункомъ; это было на Троицкосавскомъ базарѣ. Уже не въ первый разъ намъ пришлось пожалѣть, что мы не захватили съ собой датективъ-камеры. Послѣдняя могла бы часто сослужить намъ хорошую службу, когда болѣе крупный аппаратъ наводилъ страхъ или подозрѣніе.

Въ субботу послѣ полудня мы ѣли въ Маймачинѣ китайскій обѣдъ и дѣйствительно это было нѣчто новое и интересное. Приготовленъ онъ былъ въ магазинѣ богатаго китайскаго купца. Приглашены были 8 дамъ и мужчинъ изъ знакомыхъ г-на Лушникова, г-нъ Фростъ и я. Столъ былъ накрытъ бѣлой скатертью и снабженъ тарелками, чашками, блюдцами, ножами и вилками на европейскій манеръ.

Для желающихъ поданы были и палочки изъ слоновой кости, но русскіе и американскіе гости только пробовали ихъ употребленіе.

Когда всѣ заняли свои мѣста за столомъ, кругомъ обнесли бутылку съ темнымъ китайскимъ уксусомъ и каждый гость налилъ его немного на блюдце, стоявшее рядомъ съ приборомъ.

— Зачѣмъ этотъ уксусъ?—спросилъ я г-на Лушникова.

„Обмакивать въ него кушанья,“ отвѣтилъ онъ, „китайцы въ Маймачинѣ почти все ѣдятъ съ уксусомъ—это выходитъ недурно на вкусъ“.

Такъ какъ я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, какія кушанья намъ будутъ подавать, то благоразумно воздержался отъ выраженія своего мнѣнія. Нѣсколько минутъ спустя принесли первое блюдо. Что это такое было—я такъ и не могъ угадать; въ моей записной книжкѣ нашелъ я о немъ замѣтку: „1) Колючая водоросль или другое водяное растеніе, съ виду походитъ на жесткій мохъ“. Кушанье было вѣроятно вареное, но утверждать я могу только то, что оно было холодное и очень скверно выглядѣло. Однако, каждый

изъ русскихъ гостей положилъ себѣ этого кушанья, обмакнулъ кусочекъ въ уксусъ и — храбро съѣлъ, хоть и безъ большого удовольствія. Что же оставалось дѣлать мнѣ и Фросту, какъ не послѣдовать поданному примѣру. Слѣдующія девять блюдъ стоятъ въ моей записной книжкѣ въ такомъ порядкѣ:

2) Ромбовидные кусочки мяса обложенные желе янтарнаго цвѣта.

3) Черные грибы, неизвѣстной мнѣ породы.

4) Салатъ изъ луку и тонко шинкованныхъ травъ.

5) Березовые лишаи.

6) Тонкіе ломтики свѣтлой, непріятнаго вида колбасы; изъ чего сдѣланы—не знаю.

7) Маленькіе квадраты, крендели и кубики изъ вареныхъ яицъ, выкрашенные такъ искусно, что казались сафьянными.

8) Сильно поджаренныя раковыя шейки.

9) Снова водоросли, съ длинными листьями, ярко-зеленаго цвѣта.

10) Вьющіеся стебли какого то морского растенія, напоминающіе шинкованную капусту.

Не берусь утверждать, что я писалъ эти замѣтки, дѣйствительно зная съѣстные продукты, о которыхъ въ нихъ говорится; про многія кушанья я совсѣмъ не зналъ изъ чего они сдѣланы и ни у кого не могъ спросить, а записалъ просто произведенное ими впечатлѣніе и давалъ имъ имена тѣхъ вещей, на которыя они были похожи. Всѣ эти кушанья подавались холодными и ѣли ихъ съ уксусомъ. Около стола стояла жаровня, а на ней плоскій сосудъ съ горячей водой, въ которую были опущены 3—4 серебряныхъ кружки съ безцвѣтной рисовой водкой „майгало“. Послѣ каждаго блюда служитель обходилъ гостей съ серебрянымъ сосудомъ и наполнялъ горячей жидкостью фарфоровыя чашечки, стоявшія передъ каждымъ приборомъ.

Я слышалъ разъ анекдотъ про какого-то крестьянина изъ восточной Сибири. Онъ что-то копалъ и ему показалось, что онъ наткнулся на хорошо-сохранившіеся останки мамонта. Въ надеждѣ на награду, рѣшилъ онъ свезти свою необыкновенную находку исправнику; а чтобы произвести своимъ разсказомъ больше впечатлѣнія, онъ попробовалъ мяса животнаго и сказалъ исправнику, что мамонтъ такъ хорошо сохранился, что его можно еще ѣсть!—Было назначено разслѣдо-

ваніе. Членъ Иркутскаго географическаго общества былъ посланъ на мѣсто происшествія и—останки допотопнаго звѣря оказались большой залежью своеобразнаго сибирскаго минерала „Горная кожа“ (минеральная кожа). Разозленный исправникъ, чувствуя, что онъ долженъ казаться иркутскому ученому смѣшнымъ невѣждой, велѣлъ позвать крестьянина. „Что же ты, дуракъ, разсказывалъ, закричалъ онъ въ сильномъ возбужденіи, что ты ѣлъ эту штуку? Это вовсе не мамонтъ, а минералъ, вещь, которую достаютъ изъ рудниковъ“ — „Право, я ее ѣлъ, баринъ“,—утверждалъ крестьянинъ и простодушно прибавилъ. „Да вѣдь мало-ли чего не съѣшь съ масломъ!“

Когда маймачинскій лакей подносилъ намъ черные грибы, древесные лишаи, раковыя шейки и водоросли, я вспоминалъ крестьянина съ мамонтомъ и говорилъ самъ себѣ: „Мало ли чего не съѣшь съ уксусомъ и китайской водкой!“ Когда послѣднее холодное кушанье обошло всѣхъ гостей, блюда убрали, наполнили вновь блюдечки уксусомъ и понесли горячія блюда въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Вареныя клецки изъ мелко-нарубленой телятины, обернутой въ тѣсто. Г-нъ Фростъ, руководимый какимъ-то непонятнымъ для меня внутреннимъ чутьемъ, утверждалъ, что клецки эти изъ щенячьяго мяса, и твердо рѣшилъ не вступать съ ними въ болѣе близкое знакомство даже и съ помощью уксуса. Я упрекнулъ его въ трусости и доказывалъ, что такое необоснованное предубѣжденіе совершенно недостойно путешественника по отдаленнымъ странамъ и изслѣдователя, прожившаго къ тому-же уже 3 года въ Россійской имперіи. Если-бы я зналъ, что намъ предстоитъ еще пробовать, я предпочелъ бы помолчать.

2. Жареныя катышки изъ рубленой говядины.

3. Маленькіе мясные паштеты.

4. Вареная дичь въ густомъ бѣломъ соусѣ съ большими улитками.—Передъ этимъ кушаньемъ и я положилъ оружіе: улитки, сварившись, стали совсѣмъ черными и были ужасно похожи на червей. Какъ ни надѣялся я на свою силу воли, но даже двѣ чашки горячей рисовой водки не помогли моему разсудку одолѣть воображеніе.

5. Какой-то жиръ въ видѣ мягкихъ, бѣловато-прозрачныхъ кусковъ.

6. Жареный поросенокъ.—Рѣшительно, это было самое лучшее блюдо изъ всего обѣда. Когда я его ѣлъ, мнѣ вспом-

нилось извѣстное сочиненіе Карла Ламба, въ которомъ онъ разсказываетъ, какъ китайцы открыли великое искусство жарить поросятъ и я рѣшилъ, что въ крайности можно и домъ зажечь, чтобы доставить себѣ такое удовольствіе.

7. Маленькіе кусочки баранины, жареные на открытомъ огнѣ, на длинныхъ желѣзныхъ спицахъ.

8. Курица, разодранная на длинныя тонкія полосы съ мясной подливой.

9. Вареный рисъ.

10. Что-то въ родѣ жесткой деревянистой губки или древеснаго нароста въ коричневомъ соусѣ.

11. Тонкія, скользкія, полупрозрачныя макароны, сваренныя въ китайскомъ самоварѣ.

12. Пѣтушьи головы, отрѣзанныя съ частью шеи и, въ заключеніе, 13—19 блюда—были различные сорта супа, внесенные всѣ за разъ.

Собственно ѣда на этомъ закончилась. Столъ былъ убранъ, сосуды съ уксусомъ и чашки для водки унесены и слуги внесли печенья всевозможныхъ сортовъ, дорогой цвѣточный чай и французское шампанское. Угощенье длилось 3 часа и, впродолженіи этого времени, каждый гость перепробовалъ тридцать—сорокъ кушаньевъ, употребилъ для приправы къ нимъ два—три блюдечка уксусу, выпилъ отъ 15-ти до 25-ти чашекъ горячей, надушенной розовой водой, рисовой водки, заѣлъ это все китайскими пирожными и запилъ полнымъ кубкомъ шампанскаго за здоровье нашего хозяина.

Только чудомъ могу я объяснить, что мы добрались до нашихъ дрожекъ безъ посторонней помощи и не умерли въ ту же ночь отъ разстройства желудка.

Мое любопытство по отношенію къ китайскому обѣду было удовлетворено полностью. Если китайцы каждый день такъ обѣдаютъ, то остается удивляться, какъ эта раса давно уже не вымерла! Мнѣ представлялось, что если человѣкъ съѣстъ такой обѣдъ поздней осенью (и при этомъ не умретъ отъ переполненія желудка), то онъ можетъ проспать всю зиму до весны, какъ медвѣдь въ своей берлогѣ.

Покидая подъ вечеръ домъ китайскаго купца, я никакъ не воображалъ, что это развлеченіе будетъ для меня послѣднимъ на цѣлый мѣсяцъ и что я больше не увижу стараго китайскаго города. Въ воскресенье утромъ я почувствовалъ потрясающій ознобъ, затѣмъ начался сильный жаръ, сопро-

вождаемый головной болью, ломотой въ спинѣ, ознобомъ, слабостью и сильнымъ упадкомъ духа. Это было начало серьезной болѣзни, которая тянулась двѣ недѣли, а вполнѣ я отъ нея поправился только черезъ три мѣсяца. Съ этой болѣзни началась собственно тяжелая, почти невыносимая часть моего сибирскаго путешествія. До этого времени я обладалъ, по крайней мѣрѣ, физическими силами, позволявшими мнѣ переносить лишенія, съ которыми неизбѣжно связана жизнь и передвиженіе въ подобной странѣ; послѣ же болѣзни меня поддерживали только сила воли, хининъ и душевное возбужденіе. Излишне описывать страданія человѣка, когда болѣзнь его протекаетъ въ такомъ плохомъ помѣщеніи, какимъ была комната возлѣ булочной Клемботскаго, въ пограничномъ городѣ Троицкосавскѣ. Въ моей записной книжкѣ нѣтъ никакихъ замѣтокъ объ этомъ несчастномъ періодѣ моей сибирской жизни, но письмо, посланное тогда мною на родину, такъ описываетъ мое тогдашнее положеніе: „Лежать больнымъ дома, на хорошей постели, въ чистомъ бѣльѣ, окруженнымъ всякими попеченіями—это еще сносно; иное дѣло, когда больной лежитъ, какъ собака, на жесткомъ полу, не имѣетъ возможности снять съ себя одежду и трясясь въ лихорадкѣ, доходитъ до безумія отъ мученій, причиняемыхъ клопами“. У меня не было никакихъ постельныхъ принадлежностей кромѣ шубы на бараньемъ мѣху и грязнаго шерстяного одѣяла. Куда ни пробовалъ я ложиться: на полъ, на жесткую кровать и даже на столъ—нигдѣ нельзя было скрыться отъ блохъ и клоповъ. Сперва я лѣчилъ себя самъ, пользуясь маленькой аптечкой, которую всегда возилъ съ собою. Потомъ узналъ, что въ городѣ есть русскій врачъ, и послалъ за нимъ. Онъ назначилъ большія дозы хинина, который, наконецъ, сломилъ мою лихорадку, и черезъ 12 дней я могъ встать на ноги, хотя былъ еще очень слабъ.

Во время моей болѣзни въ пекарнѣ Клемботскаго, я въ первый разъ ясно представилъ себѣ, что долженъ перестрадать политическій каторжный или ссыльный, заболѣвшій въ пути и лежащій въ одномъ изъ этаповъ. Кромѣ всего того, что перенесъ я, каторжный принужденъ довольствоваться гораздо худшей пищей, дышать болѣе или менѣе испорченнымъ воздухомъ и лежать на жесткихъ нарахъ со скованными членами. Господинъ Чарушинъ, политическій, съ которымъ я познакомился въ Нерчинскѣ, не былъ освобожденъ отъ ножныхъ кандаловъ даже во время самаго тяжелаго тифа.

15 октября двинулись мы съ господиномъ Фростомъ изъ Троицкосавска въ Селенгинскъ. Еще утромъ этого дня я чувствовалъ себя такимъ слабымъ и изнуреннымъ, что опасался рецидива болѣзни, но мнѣ казалось, что на свѣжемъ воздухѣ даже тряская телѣга будетъ лучшимъ помѣщеніемъ для больного, чѣмъ кишащая паразитами комната, въ которой я такъ долго мучился; поэтому я рѣшилъ попробовать ѣхать, какъ только у меня хватитъ силъ взлѣзть въ экипажъ.

Мы проѣхали въ этотъ день 60 миль, переночевали на станціи Поворотной и на другой день рано утромъ были въ Селенгинскѣ. Въ этой дрянной бурятской деревушкѣ жили три интересовавшихъ меня политическихъ, съ которыми мнѣ хотѣлось поговорить и мы провели тамъ цѣлый день, чтобы имѣть возможность познакомиться съ ними. Это были: Константинъ Шамаринъ, молодой студентъ изъ Екатеринбурга, г-нъ Кардашовъ, грузинъ съ Кавказа, и госпожа Брешковская, хорошо образованная, замужняя молодая дама изъ Кіева. Г-нъ Кардашовъ и г-жа Брешковская оба отбыли время своего наказанія въ Карійскихъ рудникахъ и я хотѣлъ воспользоваться ихъ указаніями насчетъ того, какимъ образомъ мы можемъ лучше всего проникнуть въ эти рудники и насчетъ характера тамошняго начальства, съ которымъ придется имѣть дѣло.

Шамарина я посѣтилъ первымъ. Это былъ красивый, молодой человѣкъ 24-хъ—25-ти лѣтъ, средняго роста, со спокойными, изящными манерами, съ прямымъ, ласковымъ и довѣрчивымъ взглядомъ. Исторія его представляетъ очень поучительный примѣръ того полнѣйшаго игнорированія правъ личности, которое характеризуетъ всѣ дѣйствія русскаго правительства по отношенію къ гражданамъ, подозрѣваемымъ въ политической „неблагонадежности“, независимо отъ основательности мотивовъ этого подозрѣнія. Еще студентомъ онъ былъ арестованъ якобы за политическое преступленіе и просидѣлъ три долгихъ года въ крѣпкомъ казематѣ Трубецкого бастіона Петропавловской крѣпости прежде, чѣмъ предсталъ передъ судомъ. Вина его была такъ незначительна, что судъ приговорилъ его всего къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы. Держать человѣка три года въ одиночномъ заключеніи въ укрѣпленной крѣпости, чтобы наказать его двумя мѣсяцами тюрьмы, это само по себѣ чрезвычайно странный судебный пріемъ, но объ этомъ я ужъ промолчу. Г-нъ Шамаринъ, отсидѣвъ свои два мѣсяца, имѣлъ, конечно, полное право выйти на свободу,

такъ какъ наказаніе было наложено на него законнымъ приговоромъ суда, руководившагося данными предварительнаго слѣдствія. Но правительство вмѣсто освобожденія сослало его административнымъ порядкомъ въ Забайкальскую деревню Баргузинъ, дальше чѣмъ за 4 тысячи верстъ на востокъ отъ Петербурга. Лѣтомъ 81 года онъ, съ тремя другими политическими, включая г-жу Брешковскую, сдѣлалъ неудачную попытку бѣгства по направленію къ Тихому океану, гдѣ они надѣялись встрѣтить американскій корабль. Послѣ этого онъ былъ посланъ въ одинъ изъ улусовъ Якутской области. Тамъ съ нимъ познакомились члены американской экспедиціи, спѣшившей на помощь спасшимся съ полярнаго парохода „Жаннетты". Въ 82 или 83-мъ году ему было разрѣшено жить въ Селенгинскѣ и, когда осенью 84-го года истекъ, наконецъ, срокъ его ссылки, онъ былъ въ этой восточно-сибирской деревнѣ, за три тысячи миль отъ своей родины и безъ всякихъ средствъ для возвращенія туда. Правительство не заботится о возвращеніи сосланныхъ имъ въ Сибирь политическихъ преступниковъ. Если хотятъ, они могутъ быть включены въ число пересылаемыхъ обратно преступниковъ (итти по этапу). Но эти послѣдніе не пользуются правомъ получать регулярно конвой для ихъ сопровожденія,—это предоставляется только арестантскимъ партіямъ, идущимъ изъ Россіи, — такъ что двигаются они слишкомъ медленно. Полковникъ Загаринъ, инспекторъ пересыльныхъ этаповъ восточной Сибири, разсказывалъ мнѣ, что такая возвращающаяся домой партія тащится *300 дней*, чтобы пройти тысячу миль обратнаго пути между Иркутскомъ и Томскомъ. Мало кто изъ политическихъ соглашается провести цѣлый годъ въ зараженныхъ лихорадкой, кишащихъ паразитами этапахъ даже ради возвращенія на родину, такъ что, если они не заработали столько, чтобы вернуться на собственный счетъ и не имѣютъ родственниковъ, могущихъ прислать имъ денегъ, то предпочитаютъ оставаться въ Сибири. Я помогъ одному политическому ссыльному вернуться домой тѣмъ, что купилъ у него за сто рублей собранную имъ коллекцію сибирскихъ растеній. Я былъ бы очень радъ помочь въ этомъ и господину Шамарину, но онъ уже болѣе года занимался составленіемъ каталога оффиціальныхъ бумагъ Селенгинскаго архива, накопившихся тамъ за 130 лѣтъ, и надѣялся, что губернаторъ оплатитъ его работу настолько, чтобы доѣхать до Европейской Россіи на собственный счетъ.

Переписка „политиковъ“ въ Селенгинскѣ идетъ подъ контролемъ, полиціи, т. е. всѣ ихъ письма читаются и цензурируются исправникомъ. Господинъ Шамаринъ отбылъ уже срокъ своей ссылки и былъ, стало-быть, человѣкомъ юридически и фактически свободнымъ. Поэтому онъ написалъ губернатору прошеніе объ отмѣнѣ просмотра своей корреспонденціи. Губернаторъ предоставилъ это на усмотрѣніе исправника, а тотъ рѣшилъ эту просьбу отклонить. И вотъ, г-нъ Шамаринъ, не смотря на то, что ссылка его кончилась и по закону ему возвращены всѣ права свободнаго гражданина — все-таки цѣлый годъ не могъ ни послать, ни получить письма безъ прочтенія и разрѣшенія полиціи. Пусть читатель попробуетъ поставить себя на мѣсто человѣка, съ которымъ такъ унизительно для него обращаются—и онъ пойметъ, что это цинично-безстыдное и пренебрежительное отношеніе къ правамъ личности, можетъ довести самолюбиваго человѣка до настоящаго отчаянія.

Среди нашего разговора съ г-номъ Шамаринымъ въ комнату вошла г-жа Брешковская и я тотчасъ былъ ей представленъ. Это была дама лѣтъ около 35-ти, съ энергичнымъ умнымъ, но некрасивымъ лицомъ, съ открытымъ и свободнымъ обращеніемъ. Она показалась мнѣ доброй, тепло и чутко отзывавшейся на каждое явленіе. Лицо ея носило слѣды пережитыхъ страданій, а въ густыхъ, черныхъ, кудрявыхъ волосахъ, коротко остриженныхъ въ каторжной тюрьмѣ, сильно пробивались серебристыя нити. Но ни несчастья, ни ссылка, ни каторга не смогли ее побѣдить, не могли сломить ясности духа и поколебать ея убѣжденія въ вопросахъ чести и долга. Я скоро узналъ, что она получила тщательное воспитаніе сначала въ учебномъ заведеніи на ея родинѣ, потомъ въ Швейцаріи, въ Цюрихѣ; она говорила по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, была очень музыкальна и произвела на меня впечатлѣніе человѣка во всѣхъ отношеніяхъ привлекательнаго и интереснаго. Два раза отправляли ее въ Карійскіе рудники, второй разъ за попытку къ бѣгству изъ Баргузина въ Забайкалье, гдѣ она была ссыльно-поселенкой. Когда же она второй разъ отбыла срокъ каторги, то ее сослали на поселенье въ это несчастное, самимъ Богомъ забытое, бурятское гнѣздо и отдали подъ чрезвычайный надзоръ высшей администраціи. Насколько я знаю, не только въ Селенгинскѣ, но и на 100 миль кругомъ нельзя

было встрѣтить ни одной интеллигентной женщины. На прожитіе она получала отъ правительства $1^1/_4$ доллара въ недѣлю; корреспонденція ея контролировалась полиціей; всю жизнь она была обречена жить въ разлукѣ со своей семьей и друзьями и, казалось мнѣ, не ждала отъ жизни ничего, кромѣ длиннаго ряда лѣтъ, полныхъ несчастьями и лишеніями, кончающихся могилой на одинокомъ кладбищѣ у р. Селенги, подъ простымъ деревяннымъ крестомъ, на которомъ не остановится ничей сочувственный взоръ.

Непоколебимое мужество, съ которымъ эта несчастная женщина смотрѣла въ свое безотрадное будущее, и твердая вѣра въ конечное торжество свободы въ ея отечествѣ были трогательны и полны героизма. „Мы умремъ въ ссылкѣ, можетъ быть дѣтей и внуковъ нашихъ ожидаетъ та же участь, но это не будетъ напрасно!“ говорила она мнѣ, прощаясь. Съ тѣхъ поръ я никогда больше не встрѣчался съ г-жей Брешковской и ничего о ней не слыхалъ. Она совершенно исчезла съ моего горизонта, какъ-бы умерла для меня, но, когда я вспоминаю ея послѣднія слова, мнѣ ясно, что эта женщина впервые открыла мнѣ, что такое истинное самоотверженіе, мужество и сила духа. Разговоры съ такими политическими ссыльными,—а я видѣлъ ихъ много въ Забайкальѣ—оказывали на меня болѣе живительное дѣйствіе, чѣмъ всякія лѣкарства. Какими ничтожными казались мнѣ и болѣзнь моя и всѣ неудобства нашего тамошняго жилья въ сравненіи съ страданьями, такъ геройски переносимыми ради принципа, ради угнетеннаго народа!

Въ пятницу 16 октября, въ 4 часа пополудни мы покинули Селенгинскъ и черезъ 24 часа, проѣхавъ въ это время 108 миль, были въ уѣздномъ городѣ Верхне-Удинскѣ. Ѣхать, особенно ночью было очень холодно, тряска безрессорнаго экипажа мнѣ, еще слабому и страдавшему отъ послѣдствій жестокой лихорадки, была особенно непріятна. Но свѣжій воздухъ имѣлъ живительное свойство и подъ его вліяніемъ я чувствовалъ себя во всякомъ случаѣ не хуже, чѣмъ при нашемъ отъѣздѣ изъ Троицкосавска, несмотря на то, что въ двое сутокъ мы проѣхали разстояніе въ 170 миль. Въ Верхне-Удинскѣ, въ тюрьмѣ, были заключены два человѣка, которыхъ я хотѣлъ повидать. Поэтому въ воскресенье утромъ, какъ можно раньше, пошелъ я къ исправнику и представился ему, какъ американскій путешественникъ. Я показалъ ему мои

открытыя рекомендательныя письма и условился, что около полудня мы пойдемъ въ старую тюрьму.

Зданіе, которое въ Верхне-Удинскѣ служитъ одновременно мѣстной, пересыльной и подслѣдственной тюрьмой, построено изъ бревенъ, очень старо, вывѣтрилось и обветшало. Стоитъ оно на правомъ, высокомъ берегу Селенги, въ одной милѣ отъ города. Отъ бревенчатыхъ этапныхъ домовъ стараго сибирскаго типа оно ничѣмъ существеннымъ не отличается, только нѣсколько выше ихъ и въ каждой камерѣ находится галлерея, замѣняющая второй этажъ, куда влѣзаютъ по крутой лѣстницѣ. Такое устройство вѣроятно была придумано впослѣдствіи, чтобы выиграть больше мѣста для спальныхъ скамеекъ — наръ. Очевидно, въ нашу честь въ тюрьмѣ предпринималась чистка. Половина арестантовъ была на дворѣ, всѣ окна и двери были открыты, чтобы впустить свѣжій воздухъ, и полъ въ камерахъ и корридорахъ не былъ черезчуръ грязенъ. Тюрьма была построена на 170 человѣкъ, а содержала во время нашего посѣщенія 250 человѣкъ арестантовъ; изъ разговоровъ же съ исправникомъ выяснилось, что поздней осенью и зимой число арестованныхъ доходитъ въ ней до 700 человѣкъ. Эти несчастные ютятся тогда на полу, подъ нарами, въ проходахъ и даже на дворѣ. Каково должно быть состояніе 700 человѣкъ, принужденныхъ втиснуться для ночлега въ помѣщеніе, разсчитанное на 170, и именно зимой, когда нельзя отворять оконъ, потому что лежащимъ около нихъ пришлось бы мерзнуть? Такія страданія не поддаются никакимъ описаніямъ! Господинъ М. І. Орфановъ, извѣстный русскій офицеръ, который въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ (передъ нашимъ посѣщеніемъ) бывалъ время отъ времени въ этой тюрьмѣ, такъ описываетъ ее въ книгѣ, прошедшей въ Москвѣ черезъ всѣ цензуры.

„Первый острогъ въ Забайкальѣ построенъ въ Верхне-Удинскѣ. Онъ находится внѣ города на высокомъ берегу рѣки Селенги. Съ края берега, находящагося въ 5—6 саженяхъ отъ острога, сваливается вся грязь и нечистоты изъ тюрьмы. Поэтому первое, что встрѣчаетъ приближающагося къ ней человѣка—это невыносимая вонь. Сама тюрьма необычайно старое двухъ-этажное деревянное строеніе на 140 *) человѣкъ. Во время моего пребыванія въ Сибири мнѣ приходилось часто

*) Исправникъ сказалъ: на 170, но вѣрнѣе, что на 140.

посѣщать ее и ни разу я не находилъ въ ней меньше 500 челов., а часто даже больше 800! *). Особенно вспоминаю я одно посѣщеніе, когда я сопровождалъ Забайкальскаго губернатора. Дѣло было зимой. Онъ явился въ тюрьму рано утромъ, такъ что наружную входную дверь при немъ отперли въ первый разъ за это утро. Вырвавшійся оттуда навстрѣчу ему запахъ былъ такого сорта, что онъ буквально отшатнулся назадъ, хотя онъ-то охотно бы скрылъ отъ арестантовъ, что ихъ содержатъ хуже скота. Онъ приказалъ открыть противоположную дверь, и только когда хорошій сквознякъ выгналъ вонъ испорченный воздухъ, рѣшился войти въ тюрьму. Первый предметъ, который бросился ему въ глаза въ углу корридора — была переполненная, текущая черезъ край „параша“ **), а черезъ потолокъ капало содержимое такой же „параши“ верхняго этажа. Въ томъ же углу лежали шесть спящихъ человѣкъ. Губернаторъ остолбенѣлъ отъ ужаса. „Развѣ можно“, воскликнулъ онъ, „спать людямъ на такомъ мокромъ и грязномъ полу, въ такой невыносимой обстановкѣ!“ Онъ обрушился на смотрителя и другихъ тюремныхъ чиновъ, но это нисколько не могло измѣнить положеніе вещей“.

Многіе изъ моихъ критиковъ говорятъ, что я слишкомъ сгущаю краски при описаніи сибирскихъ тюремъ и этаповъ, однако, я ни разу не сказалъ про нихъ чего-либо худшаго. чѣмъ говоритъ эта цитата изъ книги русскаго офицера ***), вышедшей въ Москвѣ въ 83 году, несмотря на всѣ цензурныя стѣсненія.

И черезъ эту тюрьму въ Верхне-Удинскѣ ежегодно проходитъ много интеллигентныхъ мужчинъ и женщинъ политическихъ преступниковъ ссылаемыхъ въ Забайкалье; г-жа Брешковская жила тамъ четыре раза, путешествуя въ Карійскіе рудники и обратно. Съ радостью могу сообщить, что старый острогъ въ Верхне-Удинскѣ въ скоромъ времени будетъ упраздненъ. Въ нашъ пріѣздъ мы уже видѣли новую, только что оконченную, большую этапную тюрьму и исправникъ говорилъ что она будетъ открыта, какъ только позаботятся доставить необходимую къ ней стражу. Въ новопостроен-

---

*) Подробное описаніе находится въ докладѣ г-на Орфанова.

**) Такъ называютъ русскіе арестанты чанъ для экскрементовъ.

***) „Въ дали“ М. І. Орфановъ с. 220—222. Москва: Кушнеревъ и К°. 1883.

ную тюрьму мы пошли съ исправникомъ послѣ посѣщенія стараго острога. Это было большое четырехъ-этажное, кирпичное, выштукатуренное зданіе, съ двумя просторными флигелями, большимъ дворомъ и отдѣльной постройкой для политическихъ заключенныхъ и для тюремной команды. Всѣ камеры были просторны, свѣтлы, съ хорошей вентиляціей; въ каждой изъ нихъ, кромѣ самаго нижняго этажа, было по 3 большихъ окна съ видомъ на окрестности. Корридоры были въ 12—15 футовъ ширины, лѣстницы каменныя, съ желѣзными перилами, даже въ камерахъ одиночнаго заключенія было довольно просторно. Приспособленія для отопленія, вентиляціи, мытья и стирки, показались мнѣ очень хорошо устроенными. Постройка стоила почти 200.000 рублей и была разсчитана на 440 заключенныхъ. Я высказалъ исправнику мое удовольствіе при видѣ такого благоустройства, котораго я не видалъ ни въ одной (исключая Петербургъ) тюрьмѣ во всей Россійской имперіи. „Да, возразилъ онъ, она будетъ хороша, пока ее не переполнятъ. Но если мы въ старую тюрьму должны были принимать 700 человѣкъ, такъ въ эту, вѣроятно, нужно будетъ помѣстить 3.000, и опять будетъ старая исторія“. Я не знаю, исполнились ли опасенія исправника, но, пока что, новая тюрьма въ Верхне-Удинскѣ была въ самомъ дѣлѣ лучшимъ зданіемъ этого рода во всей Россіи и намъ было пріятно видѣть своими глазами свидѣтельство того, что русское правительство все же не совсѣмъ ужъ безразлично относится къ страданіямъ заключенныхъ имъ людей.

Въ понедѣльникъ 19 октября мы уѣхали изъ Верхне-Удинска въ Читу, главный городъ Забайкалья. Отъ Верхне-Удинска до Читы 300 миль. Погода напоминала уже о зимѣ, снѣга, однако же, еще не было, небо было чисто и собственно только по ночамъ мы страдали отъ холода. Сначала дорога тянулась по долинѣ рѣки Уды, ровной, неплодородной и неинтересной, съ двумя, почти параллельными рядами холмовъ по ея сторонамъ. Деревья были уже голы, цвѣты исчезли, развѣ кое-гдѣ торчалъ побитый морозомъ одуванчикъ. Зима явно наступала. Мы ѣхали день и ночь, останавливаясь только для того, чтобы осмотрѣть буддійскій монастырь или зданіе этапа. Для возведенія новыхъ этапныхъ строеній въ Забайкальѣ правительство издержало въ среднемъ 300—400 тысячъ рублей. Постройки эти довольно малы и чиновники пересыльныхъ командъ ихъ не хвалятъ; но все же онѣ показались

намъ большимъ улучшеніемъ по сравненію съ этапами между Томскомъ и Иркутскомъ.

Въ четвергъ 22 октября, не доѣзжая до Читы миль около 50, подъѣхали мы къ почтовой станціи Домноключевской, расположенной на высокомъ горномъ хребтѣ. Восточный склонъ этого хребта привелъ насъ съ одному изъ притоковъ Амура. Это значило, что мы перешагнули водораздѣлъ рѣчныхъ системъ Сѣвернаго Ледовитаго моря и Тихаго Океана, и Америка была къ намъ ближе съ востока, чѣмъ съ запада. Въ деревенскихъ лавкахъ продавались уже американскіе товары, привезенные изъ Калифорніи. Когда я увидѣлъ американскую оловянную посуду, фонари и другія вещи и прочелъ англійскія этикетки на коробкахъ съ прессованными персиками и томатами—мнѣ казалось, что мы на какомъ нибудь высокомъ холмѣ у Санъ-Франциско и что сейчасъ засіяютъ намъ „Золотыя ворота“.

Около полудня пріѣхали мы голодные, холодные и измученные въ Читу и устроились въ гостиницѣ „Петербургъ“, которою завѣдывалъ ссыльный полякъ. Чита, главный городъ Забайкалья и мѣстопребываніе губернатора, широко раскинутый провинціальный городъ съ разбросанно-лежащими домами; въ немъ четыре тысячи жителей, есть публичная библіотека, большое зданіе, которое случайно служитъ театромъ, и довольно хорошее учебное заведеніе. Въ политическомъ и соціальномъ отношеніи это дѣйствительно важнѣйшій пунктъ мѣстности, для которой онъ служитъ административнымъ центромъ. Нашъ интересъ къ нему углублялся еще тѣмъ, что онъ игралъ выдающуюся роль въ исторіи политической ссылки. Въ Читу, между 1825 и 28 годами была сослана большая часть молодыхъ дворянъ, сдѣлавшихъ безуспѣшную попытку въ декабрѣ 25 года, при восшествіи на престолъ императора Николая, свергнуть самодержавный строй и дать странѣ конституцію. Два изъ бревенчатыхъ домовъ, въ которыхъ жили эти „декабристы“, еще сохранились. Въ одномъ изъ нихъ теперь столярная мастерская, которая служитъ мѣстомъ собраній позднѣйшимъ политическимъ ссыльнымъ, послѣдовавшимъ примѣру декабристовъ и раздѣлившимъ ихъ участь. Во время нашего посѣщенія среди колоніи ссыльныхъ этого города находились люди наиболѣе интересные изъ всѣхъ встрѣченныхъ нами въ Забайкальѣ. Мы привезли имъ рекомендательныя письма отъ ихъ товарищей по несчастью изъ другихъ частей Сибири и

были приняты съ сердечнымъ гостепріимствомъ и полнымъ довѣріемъ. Много длинныхъ зимнихъ вечеровъ провели мы въ ихъ обществѣ, въ верхней комнатѣ стараго дома декабристовъ, бесѣдуя о революціонномъ движеніи въ Россіи, о Петропавловской крѣпости, Харьковской центральной тюрьмѣ и Карійскихъ рудникахъ. Эти вечера являются лучшимъ воспоминаніемъ нашей жизни въ восточной Сибири. Исторію жизни и очеркъ характеровъ людей, съ которыми мы проводили вечера и большую часть ночей въ теченіе двухъ недѣль въ верхней комнатѣ столярни—я дамъ читателю позднѣе, при описаніи нашего вторичнаго пріѣзда въ Читу, по возвращеніи изъ рудниковъ.

Такъ какъ губернатора въ Читѣ тогда не было, то мы не могли добиться формальнаго позволенія осмотрѣть тюрьму и Карійскіе рудники, но адъютантъ губернатора, которому мы сдѣлали визитъ, казалось не имѣлъ ничего противъ того, чтобы мы туда ѣхали и даже производили осмотръ. Онъ сказалъ, что телеграфируетъ начальнику о нашемъ пріѣздѣ и далъ мнѣ свою визитную карточку. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы простая визитная карточка, безъ единаго слова на ней со стороны рекомендующаго, открыла намъ ворота страшной Карійской тюрьмы, но ждать больше мы не могли и поѣхали туда 24 октября; до Кары осталось сдѣлать еще 300 миль.

ГЛАВА III

Рудники въ Карѣ

Въ далекой пустынѣ Забайкалья, почти въ 5000 миль отъ Петербурга и въ 1000 миль отъ Тихаго Океана, въ непривлекательной, пустынной долинѣ, между двумя отрогами Яблоновыхъ горъ, находится множество тюремъ, золотыхъ пріисковъ и колоній каторжанъ, которые извѣстны у русскихъ подъ именемъ *Карійскихъ рудниковъ*. Когда вы читаете въ газетахъ, что царь даровалъ милость тѣмъ или другимъ, приговореннымъ къ смерти „нигилистамъ", замѣнивъ имъ смертную казнь, каторжными работами въ рудникахъ, то рѣчь идетъ о Карійскихъ рудникахъ.

Я хочу разсказать о своемъ посѣщеніи Кары позднею осенью и въ началѣ зимы 1885 года и дать правдивую картину состоянія тамошнихъ тюремъ и положенія политическихъ арестантовъ.

Не имѣя возможности отнестись здѣсь къ этому важному предмету съ той обстоятельностью, которой онъ заслуживаетъ,—въ общихъ чертахъ я все-таки могу обрисовать восточно-сибирскую колонію каторжанъ и дать читателю представленіе о томъ, что понимается въ Россіи подъ именемъ „каторги" и каторжной работы.

Карійскіе рудники находятся отъ главнаго города Забайкальской области, Читы, на разстояніи около 300 миль. 200 миль пути путешественникъ ѣдетъ по довольно хорошей почтовой дорогѣ, которая тянется сначала по долинѣ Ингоды, а затѣмъ по сѣверному или лѣвому берегу Шилки, главнаго притока Амура. У маленькаго городка Стрѣтенска, гдѣ Шилка становится судоходной, почтовая дорога внезапно обрывается, и съ этого пункта сообщеніе съ Карійской исправительной колоніей поддерживается лѣтомъ на лодкахъ, а

зимой—по замерзшей рѣкѣ на саняхъ. Осенью, когда рѣка начинаетъ замерзать, и весной, когда она таетъ, Карійскіе рудники часто цѣлыми недѣлями буквально бываютъ отрѣзаны отъ всего остального міра, такъ какъ тогда до нихъ можно добраться только по трудной и опасной дорогѣ, по которой проходятъ вьючные мулы; эта дорога тянется на протяженіи семидесяти — восьмидесяти миль, параллельно рѣкѣ, черезъ рядъ крутыхъ, по большей части лѣсистыхъ горныхъ хребтовъ. Мы надѣялись поспѣть въ Стрѣтенскъ такъ, чтобы имѣть возможность дальше на лодкѣ ѣхать внизъ по Шилкѣ; и, выѣзжая въ Субботу 24-го Октября изъ Читы, мы еще могли на это разсчитывать. Но вдругъ наступили холода, пошелъ снѣгъ, и, когда въ среду утромъ мы вышли изъ нашей телѣги, на сѣверномъ берегу Шилки, противъ Стрѣтенска,—была уже настоящая зима. Нашъ термометръ (Фаренгейтъ) показывалъ 0 градусовъ (-15^0 R), наши мѣховые сюртуки и тѣла нашихъ лошадей совершенно заиндивѣли, а быстрая Шилка до того была покрыта огромными льдинами, что черезъ нее почти что невозможно было перебраться. Большой открытый паромъ какъ разъ дѣлалъ опасную попытку переѣхать отъ Стрѣтенска на нашу сторону; а дюжина дрожащихъ отъ холода крестьянъ, расположившихся у небольшаго костра на берегу, слѣдила за каждымъ движеніемъ парома, надѣясь, что послѣ счастливой высадки имъ удастся убѣдить перевозчика вернуться обратно въ Стрѣтенскъ съ пассажирами.

Понаблюдавъ минутъ съ пятнадцать борьбу парома со льдомъ, мы рѣшили, что ѣхать въ такомъ непрочномъ экипажѣ, черезъ быструю и покрытую огромными льдинами рѣку, въ полмили шириной,—даже если перевозчикъ и имѣлъ бы храбрость отправиться обратно,—было бы большимъ безуміемъ.

Ища пристанища, мы зашли въ маленькій бревенчатый домикъ одного молодого крестьянина, по имени Цабликова. Онъ охотно соглашался пріютить насъ на ночь, если мы удовольствуемся спаньемъ на полу, рядомъ съ членами его семьи. Мы слишкомъ устали и слишкомъ закоченѣли отъ холода, чтобы могли быть разборчивыми; къ тому-же спать на голомъ полу стало для насъ настолько привычнымъ, что мы скорѣе были бы изумлены болѣе удобной постелью. Нашъ багажъ былъ принесенъ въ домъ Цабликова, и спустя пол-

часа мы уютно сидѣли у него въ комнатѣ за чаемъ; это была первая приличная комната, которую намъ удалось увидать послѣ Нерчинска. Мы обсуждали вопросъ, какъ въ это время года попасть въ Карійскіе рудники, и возможенъ ли перевалъ черезъ горы. Поѣздка внизъ по рѣкѣ вслѣдствіе сильнаго ледохода, была неосуществима; ждать же двѣ или три недѣли не было ни времени, ни охоты; оставалась единственная возможность достичь нашей цѣли—ѣхать черезъ горы на верховыхъ лошадяхъ. Цабликовъ говорилъ намъ, что по эту сторону рѣки есть нѣсколько лошадей, и онъ ихъ считаетъ подходящими; но владѣлецъ ихъ жилъ въ Стрѣтенскѣ. Тамъ, слѣдовательно, нужно было нанять этихъ лошадей, взять сѣдельную сбрую и пригласить проводника. Въ тотъ моментъ переѣздъ черезъ Шилку уже не былъ опаснымъ предпріятіемъ, но Цабликовъ, тѣмъ не менѣе, предложилъ сопровождать насъ съ нѣсколькими изъ своихъ людей. Въ четвергъ, чтобы произвести опытъ, мы притащили его легкую лодку на берегъ. Погода стояла нѣсколько лучше, но все-таки было очень холодно. По рѣкѣ быстро неслись льдины, а по краямъ ея образовался слой льда въ сорокъ—пятьдесятъ метровъ ширины, по мѣрѣ отдаленія отъ берега становившійся все тоньше и тоньше. Мы осторожно двигали по этой предательской поверхности свою лодку и въ случаѣ, если бы ледъ началъ проламываться, въ любой моментъ готовы были прыгнуть въ нее. На разстояніи 4 или 5 метровъ до незамерзшей еще воды, ледъ подался и треснулъ съ страшнымъ шумомъ. Цабликовъ въ волненіи закричалъ: „въ лодку, въ лодку!“ Когда мы вскакивали въ лодку, она сильно качнулась сначала въ одну, а затѣмъ въ другую сторону, но, къ счастью, не перевернулась; и минуту спустя наше непрочное судно неслось по теченію, среди треска льдинъ вокругъ; мы, насколько это было возможно, пытались отталкивать льдины веслами и кирками. Два работника сѣли за весла, а Цабликовъ ловко правилъ рулемъ, но, тѣмъ не менѣе, раньше, чѣмъ намъ удалось достичь противоположнаго берега, насъ отнесло теченіемъ приблизительно на полмили; а когда мы, наконецъ, добрались до того берега, высадка на тонкомъ, обманчивомъ льду оказалась еще гораздо болѣе опаснымъ экспериментомъ, чѣмъ лавированіе лодки. Когда мы пытались при помощи кирокъ опираться на крѣпкій ледъ, я каждую минуту ждалъ, что огромныя льдины разобьютъ въ дребезги или опрокинутъ

нашу лодку; однако, въ концѣ концовъ, намъ все-таки удалось продвинуться довольно далеко впередъ въ кольцо крѣпкаго льда. Цабликовъ вскочилъ на небольшое возвышеніе и укрѣпилъ лодку; мнѣ же стать твердой ногою на ледъ удалось только послѣ того, какъ, благодаря неловкому прыжку, я угодилъ по поясъ въ воду.

Такъ какъ это невольное купанье въ холодную погоду могло имѣть серьезныя послѣдствія, я предоставилъ Цабликову съ его работниками, однимъ тащить лодку на берегъ, а самъ побѣжалъ такъ скоро, какъ только позволяли мои ноги, въ городъ, и въ первой попавшейся лавкѣ попросилъ пріютить меня. Обсохнувъ и согрѣвшись, я телеграфировалъ секретарю при посольствѣ Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ, господину Вуртсъ, чтобъ онъ зналъ о мѣстѣ нашего пребыванія; сторговался съ хозяиномъ лошадей относительно поѣздки въ ближайшую крестьянскую деревню изъ расположенныхъ ниже по рѣкѣ по направленію къ рудникамъ; нанялъ стараго кучера, по имени Никаноръ, добылъ сѣдельную сбрую и еще кое-что и поздно вечеромъ еще разъ, безъ приключеній уже, совершилъ опасный переѣздъ черезъ рѣку къ дому Цабликова.

Въ пятницу утромъ мы осѣдлали лошадей, чтобы отправиться въ рудники. Весь нашъ багажъ состоялъ изъ дорожныхъ одѣялъ, записныхъ книжекъ, дорожной сумки, наполненной провіантомъ, фотографическаго аппарата и около дюжины пластинокъ. Погода снова стала теплѣе; термометръ показывалъ 18 градусовъ тепла по Фаренгейту; но небо было пасмурно и грозно, поднималась мятель; и когда мы достигли вершины перваго высокаго горнаго хребта, и нашимъ взорамъ открылась дикая, пустынная горная область, которую намъ предстояло проскакать, я на минуту упалъ духомъ. Я еще не вполнѣ оправился отъ своей слабости, оставшейся у меня отъ моей болѣзни въ Троицкосавскѣ; началась зима, и я боялся, что моего незначительнаго запаса силъ не хватитъ для поѣздки на протяженіи 80 миль по тяжелой, для вьючныхъ муловъ, дорогѣ. Кромѣ того, намъ недоставало для такого путешествія соотвѣтственнаго костюма. Такъ какъ мы надѣялись ѣхать внизъ по Шилкѣ, то мы не запаслись мѣховыми дохами для спанья; наши овчинные полушубки были недостаточно длинны, и не защищали колѣнъ; мы не могли добыть себѣ мѣховыхъ капюшоновъ, а наши валенки были

такъ широки, что не помѣщались ни въ какое стремя, и намъ приходилось ѣхать или безъ валенокъ, или безъ стремени. Къ счастью, горная тропинка вначалѣ было довольно хорошая, погода не очень холодная, и мы проѣхали двадцать миль безъ особенно большихъ затрудненій. Ночь мы провели въ одной маленькой деревушкѣ, Ломи, на берегу Шилки; спали на полу въ крестьянской избѣ, въ обществѣ двухъ взрослыхъ и пятерыхъ дѣтей; и въ субботу утромъ, послѣ завтрака, состоявшаго изъ чая, чернаго хлѣба и холоднаго рыбнаго паштета, мы продолжали наше путешествіе на свѣжихъ лошадяхъ и съ новымъ кучеромъ. Ночь была ясная и холодная и, когда мы садились на лошадей, Фаренгейтъ показывалъ—8 градусовъ. Лошади были покрыты инеемъ, на ноздряхъ у нихъ образовались ледяныя сосульки, и казалось, что животныя съ такимъ же нетерпѣніемъ рвутся впередъ, какъ и мы сами. За Ломью началась трудная часть нашего путешествія. Тропинка, извиваясь, шла по пустынѣ крутыхъ горъ; иногда, во избѣжаніе пропастей и ущелій, она сворачивала по направленію къ сѣверу или зигзагами поднималась по крутымъ склонамъ огромнаго поперечнаго хребта; иногда она тянулась по узкому выступу скалы, высоко надъ унылой покрытой льдомъ Шилкой; стоило здѣсь нашимъ лошадямъ поскользнуться или спотыкнуться, и намъ въ одинъ моментъ былъ бы конецъ. Что съ нами во время этой поѣздки въ Кару не случилось никакой бѣды, было, дѣйствительно, рѣдкимъ счастьемъ.

Вслѣдствіе того, что рудники и горные ручьи позамерзали, дорога во многихъ мѣстахъ была покрыта льдомъ съ разстилавшимся надъ нимъ легкимъ снѣжнымъ покровомъ; а наши лошади не были подкованы на шипы, такъ что при крутомъ опасномъ спускѣ, даже послѣ тщательнаго осмотра, невозможно было сказать, смогутъ ли онѣ удержаться на ногахъ. Втеченіе всей субботы и воскресенья мы большей частью шли пѣшкомъ, отчасти потому, что верхомъ намъ было невыносимо холодно, отчасти же потому, что на скользкой тропинкѣ мы не рѣшались довѣриться лошадямъ. Трехдневная верховая ѣзда, ходьба и лазанье по крутымъ горамъ при температурѣ отъ 0 до 10 градусовъ по Фаренгейту истощили мои послѣднія силы, и, когда въ воскресенье поздно вечеромъ мы добрались до крестьянской деревни Шилкиной, мой слабый пульсъ свидѣтельствовалъ о томъ, что я дошелъ до предѣла своихъ силъ.

Къ счастью, худшее уже миновало. Усть-Кара, самая гористая изъ исправительныхъ колоній находилась въ десяти—двѣнадцати миляхъ отъ Шилкиной; дорога, по которой проходятъ вьючные мулы, между Шилкиной и Усть-Карой не представляла особенныхъ трудностей, и около полудня въ понедѣльникъ, въ большой деревнѣ при впаденіи Кары, мы слѣзли съ нашихъ измученныхъ коней; поплелись, прихрамывая, на окоченѣвшихъ, занѣмѣвшихъ ногахъ въ домъ одного знакомаго нашему кучеру крестьянина и расположились тамъ на отдыхъ.

Карійскіе рудники, составляющіе частную собственность его Императорскаго Величества царя и эксплуатирующіеся въ его пользу, состоятъ изъ ряда золотыхъ пріисковъ, которые расположены на неодинаковыхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, вдоль маленькой быстрой рѣчки Кары. Кара начинается на водораздѣлѣ Яблоновыхъ горъ, протекаетъ сорокъ—пятьдесятъ миль въ юговосточномъ направленіи и между Стрѣтенскомъ и устьемъ Аргуна впадаетъ въ Шилку. Названіе „Кара“—отъ татарскаго прилагательнаго, означающаго „черный“—вначалѣ употреблялось только для этой рѣчки, а теперь распространилось и на всѣ тюрьмы, которые разбросаны по Карійской долинѣ. Эти тюрьмы, рудники и исправительныя колоніи имѣютъ еще особыя названія и идутъ съ юга на сѣверъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Усть-Кара, или Устье-Кары, нижняя тюрьма, политическая тюрьма, нижніе золотые пріиски, средняя Кара, верхняя Кара и верхняя или Амурская тюрьма. Управленіе всей исправительной колоніи концентрируется въ нижнихъ золотыхъ пріискахъ, гдѣ живетъ начальникъ тюремъ для уголовныхъ преступниковъ, гдѣ помѣщается колонія преступниковъ въ 2—3 сотни жителей и одна или двѣ роты солдатъ въ казармѣ. Это мѣсто показалось мнѣ наиболѣе подходящимъ для постояннаго пребыванія, отчасти потому, что здѣсь жилъ начальникъ, безъ разрѣшенія котораго мы не могли ничего предпринимать, отчасти потому, что здѣсь мы были бы на разстояніи только одной мили отъ политической тюрьмы, которая насъ въ особенности интересовала. Поэтому мы оставили своихъ лошадей и кучера въ Усть-Карѣ, приказавъ ему ждать насъ тамъ, и закусивъ, и отдохнувъ нѣсколько часовъ, поѣхали въ телѣгѣ въ нижніе золотые пріиски. Дорога шла въ направленіи теченія Кары, по ея лѣвому берегу, среди низменной долины, самое большее—въ

полмили шириною, окруженной невысокими холмами, поросшими молодыми лиственницами и пихтами. Дно долины составляли огромныя уродливыя конусообразныя кучи мелкаго и крупнаго песку, которыя давно уже образовались вслѣдствіе поисковъ золота и были перерыты со всѣхъ сторонъ.

Мы добрались до нижнихъ золотыхъ пріисковъ какъ разъ передъ тѣмъ, какъ стемнѣло. Это оказалась большая разбросанно лежащая деревня,—съ низкими, выбѣленными избами; длинными казармами изъ неотесаннаго дерева; офицерскими квартирами съ жестяными крышами; обнесенными заборомъ дворами и черной вывѣтрившейся тюрьмой, обычнаго восточносибирскаго типа. Правительственныя зданія съ извѣстной правильностью стояли на большихъ площадяхъ, или на очень широкихъ улицахъ и придавали центру деревни торжественный оффиціальный видъ, своеобразный контрастъ которому представляли ветхіе бараки и избы каторжанъ, сколоченныя изъ грубаго сплавнаго лѣса, безпорядочными группами ютившіяся по окраинѣ поселка или по дорогѣ въ Усть-Кару. На одной изъ площадей, на той сторонѣ, гдѣ помѣщались тюрьма и казармы, у новой деревянной постройки работало сорокъ—пятьдесятъ арестантовъ въ длинныхъ, сѣрыхъ халатахъ съ желтыми нашивками на спинѣ. Ихъ окружалъ кордонъ казаковъ, одѣтыхъ въ овчинныя шинели, валенки и мѣховыя шапки, и неподвижно наблюдавшихъ за арестантами, опираясь на ружья. Въ нѣкоторомъ отдаленіи горѣлъ походный огонь, надъ которымъ висѣлъ чайникъ; а вокругъ огня группировалась дюжина казаковъ; ихъ безпечный видъ и сложенныя ружья говорили, что они не дежурные. Арестанты, не вдохновляемые никакою надеждою и потому апатично работающіе въ безлюдномъ, занесенномъ снѣгомъ мѣстѣ; казаки, опираясь на ружья съ примкнутыми къ нимъ штыками, наблюдающіе за арестантами,—все это, въ холодные тусклые, осенніе сумерки, въ особенности, представляло печальное и удручающее зрѣлище.

Мы прежде всего поѣхали къ дому начальника тюрьмы, чтобы узнать у него, гдѣ бы намъ найти пристанище на ночь. Маіоръ Потуловъ, высокій, величественный господинъ, лѣтъ пятидесяти, радушно принялъ насъ и сообщилъ намъ, что о нашемъ пріѣздѣ его увѣдомилъ телеграммой исполняющій должность губернатора въ Читѣ, но что онъ не ожидалъ насъ, такъ какъ зналъ, что по Шилкѣ суда уже больше не ходятъ.

Чтобы иностранные путешественники въ это время года рѣшились на трудный и опасный путь черезъ горы, ему казалось совершенно невѣроятнымъ. Однако, онъ выразилъ свою радость, что видитъ насъ и сразу предложилъ намъ остановиться у него. Я возразилъ ему на это, что мы вовсе не намѣревались его стѣснять, а лишь хотѣли попросить его объ одномъ одолженіи—дать намъ указанія относительно мѣстъ для ночлега. Онъ добродушно засмѣялся, увѣряя, что въ Карѣ нѣтъ гостиницъ, кромѣ тѣхъ, которыя правительство держитъ для грабителей, фальшивыхъ монетчиковъ и убійцъ; и просилъ насъ воспользоваться его гостепріимствомъ и расположиться у него, какъ дома. Это мало соотвѣтствовало нашимъ намѣреніямъ и планамъ. Мы надѣялись найти такую квартиру, гдѣ мы не были-бы постоянно подъ надзоромъ правительственныхъ чиновниковъ; какъ бы могли мы завязать неоффиціальное знакомство съ политическими, если бы согласились быть гостями начальника тюрьмы? Но, такъ какъ у насъ, тѣмъ не менѣе, не было другого выбора, мы приняли предложеніе маіора Потулова, и черезъ десять минутъ мы уже съ комфортомъ водворились въ большомъ, хорошо обставленномъ домѣ; наши взоры невольно наслаждались видомъ большихъ зеркалъ, мягкихъ ковровъ, удобныхъ креселъ и рояля, всего того, что такъ долго для насъ не существовало.

Во время нашего посѣщенія, въ Карійскихъ тюрьмахъ и колоніяхъ было приблизительно 1800 человѣкъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ *). Половина изъ нихъ была подъ строгимъ арестомъ, тогда какъ другіе жили въ баракахъ или маленькихъ избахъ внѣ стѣнъ тюрьмы.

Время отбыванія наказанія для русскаго преступника въ рудникахъ распадается на 2 періода. Въ первый періодъ онъ подлежитъ строгому надзору; это, такъ сказать, „срокъ испытанія“. Если тюремная администрація признаетъ его поведеніе удовлетворительнымъ, то въ концѣ срока испытанія,

*) Согласно годовому отчету главнаго тюремнаго управленія, число каторжанъ въ Карійскихъ тюрьмахъ и поселкахъ къ 1-му января 1886 года, мѣсяца черезъ два послѣ нашего пребыванія тамъ,—доходило до 2507. Это число включало, однако, отъ шести до восьми сотъ женщинъ и дѣтей, добровольно сопровождавшихъ ихъ мужей и отцовъ на рудники. (Смотри отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1886 годъ. Стр. 46, 47. Петербургъ. Изданіе министра внутреннихъ дѣлъ 1888 г.).

его освобождаютъ отъ строгаго заключенія и онъ вступаетъ въ организацію, называемую „вольной командой“. Онъ все еще приговоренный къ каторжнымъ работамъ преступникъ, получаетъ свой ежедневный паекъ изъ тюрьмы, не имѣетъ права переступить границы исправительной колоніи безъ разрѣшенія, но онъ можетъ жить съ другими признанными исправившимися преступниками въ ихъ баракахъ, или со всей семьей въ собственной избѣ; можетъ работать для себя въ часы досуга и пользуется извѣстной степенью свободы. Въ концѣ второго, такъ называемаго исправительнаго періода, его на всю остальную жизнь препровождаютъ въ качествѣ ссыльно-поселенца въ какую нибудь часть Восточной Сибири.

Въ то время было семь тюремъ, входившихъ въ составъ Карійской исправительной колоніи; тюрьмы эти были раскиданы вдоль Кары на протяженіи двадцати миль. Въ поискахъ за золотомъ, несмотря на медленность передвиженія, постоянно приходилось такъ далеко уходить вверхъ по рѣкѣ отъ нижнихъ золотыхъ пріисковъ и тюремъ Усть-Кары, что мѣстные жители съ кандалами на ногахъ никоимъ образомъ не могли два раза въ день совершать это путешествіе и жили поэтому въ вынужденномъ бездѣйствіи. Непосредственное наблюденіе въ тюрьмахъ для уголовныхъ преступниковъ было поручено надзирателямъ, обязаннымъ докладывать маіору Потулову; караульную службу несъ казачій отрядъ изъ карскаго батальона, число казаковъ въ которомъ доходило приблизительно до тысячи.

Двѣ политическихъ тюрьмы, одна при нижнихъ золотыхъ пріискахъ для мужчинъ, другая въ Усть-Карѣ для женщинъ— не подлежали контролю маіора Потулова, а находились въ вѣдѣніи жандармскаго капитана, по фамиліи Николинъ, который спеціально для этой цѣли былъ командированъ изъ Петербурга, и въ распоряженіи котораго находился тщательно подобранный тюремный караулъ изъ 140 жандармовъ. При политическихъ тюрьмахъ имѣлась также своя „вольная команда“, которая во время нашего посѣщенія состояла изъ двѣнадцати или пятнадцати мужчинъ и женщинъ, выдержавшихъ срокъ испытанія и жившихъ вблизи нижнихъ золотыхъ пріисковъ въ собственныхъ избахъ. Всѣ эти факты были намъ извѣстны до нашего пріѣзда въ исправительную колонію и мы сообразовались съ ними въ своихъ дѣйствіяхъ.

Прежде всего мы хотѣли осмотрѣть тюрьмы уголовныхъ

преступниковъ и видѣть преступниковъ за работой въ рудникахъ, затѣмъ—познакомиться съ политическими каторжанами „вольной команды“ и, наконецъ, изслѣдовать политическія тюрьмы чтобы, по крайней мѣрѣ, увидать хоть, какъ живутъ осужденные революціонеры, если ужъ не удастся поговорить съ ними. Въ успѣшности нашего перваго предпріятія я нисколько не сомнѣвался; что касается втораго, то я былъ уже менѣе увѣренъ; а на исполнимость третьяго я очень слабо надѣялся, но, тѣмъ не менѣе, твердо рѣшилъ употребить всѣ усилія для достиженія своей цѣли. Какія инструкціи получилъ маіоръ Потуловъ, мнѣ было неизвѣстно, но онъ отнесся къ намъ съ большой сердечностью; не задавалъ никакихъ щекотливыхъ вопросовъ; и когда я, на другой день послѣ нашего пріѣзда, попросилъ разрѣшенія посѣтить тюрьмы и рудники, онъ немедленно далъ мнѣ его, не выразивъ ни малѣйшаго признака изумленія; заказалъ свой экипажъ и увѣрялъ, что ему доставитъ большое удовольствіе сопровождать насъ.

Я не намѣреваюсь подробно описывать здѣсь всѣ тюрьмы, которыя намъ удалось осмотрѣть на Карѣ; я хочу въ краткихъ чертахъ обрисовать только двѣ изъ нихъ, показавшіяся мнѣ типичными, одна—для самыхъ худшихъ, другая—для самыхъ лучшихъ.

Усть-Карійская тюрьма, которая въ санитарномъ отношеніи и въ смыслѣ переполненія, самая скверная изъ всѣхъ тюремъ въ Карійской долинѣ,—стоитъ на низменной, болотистой почвѣ, на границѣ исправительной колоніи того-же имени, вблизи отъ впаденія Кары въ Шилку. Она построена лѣтъ 50 тому назадъ, когда правительство принялось за эксплуатацію Карійскихъ золотыхъ пріисковъ силами преступниковъ. Если вы приближаетесь къ этой тюрьмѣ съ юга, она имѣетъ видъ длиннаго низкаго каретнаго сарая изъ выструганныхъ, но не окрашенныхъ бревенъ, которыя теперь почернѣли и вывѣтрились.

Съ дворомъ, огороженнымъ заборомъ, она образуетъ почти правильный четыреугольникъ футовъ въ 100; двѣ стороны его составляютъ тюремныя постройки и двѣ — частоколъ, вышиною въ двадцать пять футовъ, изъ толстыхъ, заостренныхъ сверху кольевъ. Когда мы приблизились къ воротамъ, вооруженный казакъ, стоявшій въ караульной, отдалъ намъ честь и крикнулъ: „Старшій!“, обычный окликъ для дежурнаго офицера. Казацкій капралъ прибѣжалъ съ толстой связкой ключей, отперъ ви-

сячій замокъ у маленькой дверцы въ большихъ деревянныхъ воротахъ и впустилъ насъ во дворъ тюрьмы. Трое или четверо арестантовъ, съ головами, выбритыми до половины, поспѣшно пробѣжали черезъ дворъ, чтобы спрятаться въ свои норы. Мы прошли вверхъ нѣсколько ступеней, покрытыхъ льдомъ и слоемъ грязи въ дюймъ толщиной, и черезъ тяжелыя двери изъ толстыхъ досокъ вошли въ длинный, низкій, очень темный корридоръ, неровный полъ котораго былъ мокръ и скользокъ, а воздухъ, хотя и теплый, но очень сырой и пропитанный острымъ, не поддающимся описанію запахомъ, характернымъ для сибирскихъ тюремъ. Кто когда-нибудь слышалъ этотъ запахъ, никогда его не забудетъ; и, однако, онъ такъ непохожъ на всѣ другіе дурные запахи на свѣтѣ, что я почти не знаю, съ чѣмъ его сравнивать. Пусть читатель представитъ себѣ воздухъ въ подвалѣ, воздухъ, каждый атомъ котораго полдюжины разъ прошелъ черезъ человѣческія легкія, такъ что весь насыщенъ углекислотой; и этотъ самый воздухъ еще, кромѣ того, испорченъ рѣзкими амміачными испареніями долго не мытыхъ человѣческихъ тѣлъ, запахомъ мокраго, гнилого дерева и человѣческихъ экскрементовъ,—но, и представивъ себѣ это, вы всетаки будете имѣть только приблизительное понятіе объ этомъ запахѣ. Кто не привыкъ къ такому насыщенному грязью и различными микробами воздуху, для того онъ положительно невыносимъ. Когда мы вошли въ корридоръ, поскользнулись на мокромъ, засаленномъ полу и втянули въ себя первую струю этого воздуха, маіоръ Потуловъ, съ выраженіемъ отвращенія и брезгливости, обернулся ко мнѣ и сказалъ: „отвратительная тюрьма!“.

Шедшій впереди насъ казацкій капралъ открылъ тяжелыя деревянныя двери первой „камеры“ и крикнулъ „смирно“— обычное обращеніе караула къ арестантамъ, когда въ камеру собирается войти офицеръ.

Мы вошли въ комнату, приблизительно въ 24 фута длины, въ 22 фута ширины и 8 футовъ высоты; въ ней помѣщалось 29 арестантовъ. Воздухъ здѣсь былъ еще гораздо хуже, чѣмъ въ сѣняхъ, такъ что намъ совсѣмъ сдѣлалось дурно. Помѣщеніе это освѣщалось двумя почти квадратными, съ крѣпкими рѣшетками окнами, но ихъ нельзя было ни открывать, ни выставлять, и нигдѣ не было никакого приспособленія для вентиляціи. И даже кирпичная печь, согрѣвавшая камеру, топилась изъ корридора. Стѣны камеры сдѣланы были изъ бревенъ,

которыя когда то были оштукатурены, но отъ времени почернѣли и загрязнились и во многихъ мѣстахъ покрылись кровавыми пятнами отъ раздавленныхъ насѣкомыхъ. Полъ былъ изъ досокъ, хотя и недавно настланныхъ, но, тѣмъ не менѣе, покрытыхъ буквально корой утоптанной грязи. По 3-мъ сторонамъ тянулись деревянныя нары, футовъ въ шесть шириною, на которыхъ спали арестанты,—плотно прижавшись другъ къ другу, головами къ стѣнѣ, а ноги вытянувъ по направленію къ срединѣ камеры. У нихъ не было ни подушекъ, ни одѣялъ и они должны были ложиться спать, не раздѣваясь, употребляя въ качествѣ одѣялъ свои сѣрые халаты. Кромѣ наръ, кирпичной печи и большой деревянной кадки, въ камерѣ не было никакой мебели. Если двери на ночь были закрыты, то на каждаго изъ 29 арестантовъ приходилось втеченіи 8—10 часовъ по пяти кубическихъ футовъ воздуха. Я нигдѣ не могъ отыскать ни одного отверстія. черезъ которое во время ночи могла бы проникнуть струя свѣжаго воздуха.

Въ первой „камерѣ“ мы пробыли всего двѣ или три минуты. Кажется, я первый вышелъ снова въ корридоръ и живо помню, съ какимъ чувствомъ облегченія я глубоко вздохнулъ. Какъ ни плохъ показался мнѣ при нашемъ входѣ въ тюрьму воздухъ въ сѣняхъ, тѣмъ не менѣе, онъ былъ настолько лучше воздуха въ переполненной камерѣ, что, по сравненію съ послѣднимъ, теперь показался мнѣ свѣжимъ и чистымъ. Мы быстро прошли другія семь камеръ тюрьмы: всѣ были похожи на первую, различаясь только до извѣстной степени по своей величинѣ, формѣ и по числу арестантовъ. Повсюду былъ тотъ-же скверный воздухъ, и результаты его можно было наблюдать въ тюремномъ госпиталѣ, гдѣ господствующими болѣзнями были скорбутъ, тифъ, анемія и чахотка. Никто въ Карѣ и не пытался скрывать того факта, что причиной этихъ заболѣваній были грязныя, переполненныя камеры, въ которыхъ должны были жить арестанты. Тюремный врачъ сказалъ мнѣ: „Втеченіи цѣлаго года здѣсь царитъ скорбутъ.— Вы были въ тюрьмахъ и можете судить о ихъ санитарномъ состояніи. Такая грязь и переполненіе должны порождать болѣзни. Въ настоящее время въ больницѣ находится 140 пацієнтовъ; весной ихъ часто бываетъ 250“ *).

*) Когда въ 1857 году извѣстный Разгильдяевъ взялся добыть для царя изъ Карійскихъ рудниковъ 100 пудовъ (около 3.600 фун-

Бо́льшая часть этихъ случаевъ приходится на тюремное населеніе менѣе, чѣмъ въ 1.000 человѣкъ; больничные отчеты регистрируютъ еще далеко не всѣхъ больныхъ исправительныхъ карійскихъ колоній. Многіе больные каторжане „вольной команды“ лежатъ у себя дома въ собственныхъ избахъ, и даже въ тюремныхъ камерахъ найдется нѣсколько дюжинъ паціентовъ, состояніе которыхъ признается не настолько плохимъ, чтобъ переводить ихъ въ госпиталь. Случается, что арестантъ въ первой стадіи скорбута втеченіи двухъ недѣль остается въ тюрьмѣ и своимъ болѣзненнымъ дыханіемъ отравляетъ воздухъ, которымъ приходится дышать его еще, можетъ быть, здоровымъ товарищамъ.

Осмотрѣвъ въ мужской тюрьмѣ всѣ камеры, мы, наконецъ, снова вышли на чистый, холодный, великолѣпный воздухъ; прошли дворъ, затѣмъ прошли черезъ другія ворота въ палисадникѣ и проникли въ женскую тюрьму, деревянную постройку того же типа, только меньшихъ размѣровъ, состоящую изъ двухъ большихъ сообщающихся между собою камеръ. Эти камеры были теплы и свѣтлы, выше, чѣмъ камеры въ мужской тюрьмѣ, и воздуха здѣсь на человѣка приходилось вдвое больше, чѣмъ тамъ; но въ санитарномъ отношеніи онѣ едва-ли были лучше. Воздухъ, вслѣдствіе плохо устроенныхъ отхожихъ мѣстъ, былъ такъ зловоненъ, что заставить себя дышать имъ почти не было возможности.

товъ) золота, болѣе тысячи арестантовъ въ Карійскихъ тюрьмахъ заболѣло и умерло отъ скорбута, тифа и чрезмѣрнаго напряженія въ работѣ. Александръ Освободитель былъ въ то время царемъ и слѣдовало бы ожидать, что такое ужасное положеніе и такая смертность въ собственныхъ его рудникахъ должны привлечь его вниманіе и побудить его, по крайней мѣрѣ, часть золота, купленнаго цѣною тысячи жизней, употребить на какія-либо улучшенія такой убійственной системы наказанія. Но ничего подобнаго не произошло. Прошло десять лѣтъ, и по истеченіи ихъ, по словамъ Максимова, въ карійскихъ рудникахъ царилъ тотъ же порядокъ вещей, была та же тюрьма и тотъ-же скорбутъ. (См. „Сибирь и каторга“ С. Максимова, т. I стр. 102. Петербургъ А. Траншель, 1871). Когда мы въ 1885 году посѣтили рудники, прошло еще около двадцати лѣтъ, а отчетъ все еще гласилъ: „скорбутъ свирѣпствуетъ здѣсь круглый годъ“.

Число больныхъ, пользовавшихся леченіемъ въ тюремномъ госпиталѣ и въ Карійскихъ лазаретахъ доходило до 4.208; среднее число въ день 117. (См. отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1886 г., стр. 46, 47).

Полъ находился въ самомъ жалкомъ состояніи. Сквозь гнилыя доски просвѣчивали большія темныя щели, куда женщины, очевидно, спускали грязную воду и соръ. Я наклонился надъ однимъ изъ отверстій, но, благодаря царствовавшей въ немъ темнотѣ, ничего не могъ разсмотрѣть, но зато я сразу былъ оглушенъ противнымъ, невыносимымъ запахомъ.

Сырой, насыщенный испареніями разлагающихся органическихъ веществъ воздухъ, выходившій оттуда, былъ такъ отвратителенъ, что я не рѣшился вторично перевести дыханіе въ этомъ мѣстѣ. Въ женскомъ отдѣленіи также отсутствовала всякая мебель, кромѣ наръ, безъ всякихъ постельныхъ принадлежностей. Ни въ одной камерѣ я не замѣтилъ ни одной подушки, ни одного одѣяла. Въ обѣихъ камерахъ помѣщалось до 48 дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ, среди которыхъ шесть или семь держали на рукахъ блѣдныхъ, болѣзненныхъ грудныхъ младенцевъ.

Когда мы проходили по тюрьмамъ, къ маіору Потулову на каждомъ шагу обращались несчастные осужденные съ различными жалобами и просьбами. Одинъ изъ нихъ въ пьяномъ видѣ помѣнялся съ своимъ товарищемъ по пути фамиліей и долженъ былъ, вслѣдствіе этого, отправиться на каторжныя работы, вмѣсто поселенія, къ которому былъ присужденъ; онъ просилъ разобрать его дѣло. Другой утверждалъ, что его срокъ отбыванія тюремнаго наказанія уже давно истекъ, и что онъ относится къ вольной командѣ. Трое другихъ объясняли, что они уже два мѣсяца содержатся въ тюрьмѣ, не зная въ чемъ ихъ обвиняютъ. Многіе изъ осужденныхъ обращались ко мнѣ, предполагая во мнѣ ревизора, посланнаго для изслѣдованія карійскихъ тюремъ. Желая, съ одной стороны, вывести маіора Потулова изъ затруднительнаго положенія, съ другой—предотвратить грозящее недовольнымъ наказаніе, я поспѣшилъ ихъ увѣрить, что не въ нашей власти оказать имъ какую бы то ни было помощь, и что мы только путешественники, изъ любопытства изучающіе Кару. Жалобы и ужасающее положеніе тюремъ, очевидно, испортили настроеніе маіора Потулова; онъ становился все молчаливѣе, но не дѣлалъ, однако, попытки объяснять, защищать или извинять что либо; не спрашивалъ меня также ни въ тотъ моментъ, ни позже, какое впечатлѣніе произвели на меня усть-карійскія тюрьмы: онъ слишкомъ хорошо зналъ, какое впечатлѣніе онѣ должны были произвести.

На другомъ, окруженномъ частоколомъ дворѣ, смежномъ съ тѣмъ, который мы только что миновали, находилась женская политическая тюрьма, но туда маіоръ Потуловъ не могъ насъ ввести безъ разрѣшенія жандармскаго офицера Николина. Послѣ того, что я потомъ узналъ объ этой тюрьмѣ, я не сомнѣваюсь, что она, хотя чище и не такъ переполнена, какъ тюрьмы уголовныхъ преступниковъ, но въ отношеніи удобствъ и санитарныхъ условій стоитъ не выше послѣднихъ.

Во вторникъ послѣ обѣда мы осмотрѣли средне-карійскую тюрьму, пожалуй, самую лучшую изъ всѣхъ, которыя намъ удалось видѣть въ рудникахъ. Она находилась приблизительно въ трехъ миляхъ отъ нижнихъ золотыхъ пріисковъ, и дорога туда шла по правому берегу Кары вверхъ по унылой, покрытой снѣгомъ долинѣ, въ которой то тутъ, то тамъ были разбросаны ветхіе домики вольной команды. Трудно себѣ представить болѣе жалкое человѣческое жилье, чѣмъ эти хижины, изъ которыхъ нѣкоторыя были настоящія собачьи конуры, сдѣланныя изъ прибойнаго лѣса и досокъ; кажется невѣроятнымъ, какъ человѣческія существа, выдерживаютъ сибирскую зиму въ такихъ дырахъ. Институтъ вольной команды, въ связи съ карійскими тюрьмами, былъ основанъ съ цѣлью побудить осужденныхъ къ исправленію, давая имъ надежду въ награду за хорошее поведеніе получить свободу и улучшить свое положеніе. Мнѣ кажется, однако, что эта цѣль не была достигнута. Вольная команда скорѣе способствуетъ деморализаціи, чѣмъ исправляетъ осужденныхъ; гораздо скорѣе поощряетъ, чѣмъ уменьшаетъ пьянство и развратъ; не даетъ способнымъ даже къ исправленію преступникамъ прочной гарантіи улучшенія ихъ положенія и является причиной того, что каждое десятилѣтіе среди сибирскаго населенія остается три или 4 тысячи самыхъ закоренѣлыхъ уголовныхъ преступниковъ. Обычай разрѣшать женамъ и дѣтямъ арестантовъ сопровождать послѣднихъ въ Сибирь и то, что женамъ и дѣтямъ часто приходится жить среди вольной команды безъ всякой защиты, ведетъ за собой сильную безнравственность. Такія женщины и дѣти содержатся, или, по меньшей мѣрѣ, поддерживаются правительствомъ въ надеждѣ, что онѣ впослѣдствіи окажутъ благодѣтельное, сдерживающее вліяніе на своихъ преступныхъ супруга или отца. Но результаты рѣдко соотвѣтствуютъ оффиціальнымъ планамъ. Большинство женщинъ и дѣвушекъ ведутъ въ исправитель-

ныхъ колоніяхъ легкомысленный, развратный образъ жизни, даже и тогда, если онѣ остались чистыми послѣ пребыванія въ двухъ или трехъ стахъ переполненныхъ этапныхъ пунктахъ и тюрьмахъ.

Что арестанта, въ сущности, очень мало интересуетъ исправленіе или уютное устройство семейнаго очага, весьма понятно, разъ онъ знаетъ, что черезъ сравнительно короткое время онъ въ качествѣ ссыльно-поселенца будетъ сосланъ въ другую часть Сибири, и что все равно будутъ потеряны всѣ матеріальные результаты его усилій и самообузданія. Поэтому онъ, обыкновенно, во время своего пребыванія въ вольной командѣ старается, какъ можно меньше работать и какъ можно больше предаваться пороку. Сотни, если не тысячи арестантовъ только потому страстно стремятся войти въ вольную команду, что это даетъ имъ возможность бѣгства. Каждое лѣто, какъ только дѣлается настолько тепло, что можно жить подъ открытомъ небомъ, часть вольной команды устремляется въ лѣса, другая безпрерывнымъ потокомъ направляется къ Байкальскому озеру. Кукушка даетъ сигналъ къ этому переселенію. На языкѣ арестантовъ „пуститься въ бѣга“, значитъ „послушаться приказанія генерала кукушки“. Каждый годъ больше трехсотъ арестантовъ изъ вольной команды стекается въ армію генерала кукушки, а во всей Сибири число бѣглыхъ арестантовъ и преступниковъ, явившихся по призыву этого народнаго генерала, достигаетъ тридцати тысячъ. Многіе изъ карійскихъ арестантовъ, ранней весной, послѣдовавшихъ приказу своего генерала, въ ту же зиму, но подъ другими именами возвращаются назадъ въ рудники, закованные въ кандалы; но зато они наслаждались свободой и цѣлыхъ три мѣсяца дышали вольнымъ, свѣжимъ воздухомъ лѣсовъ, горъ и степей. У многихъ желаніе пройти по непроходимымъ лѣсамъ и безконечнымъ равнинамъ Восточной Сибири дѣлается своего рода страстью. Надежда на полную удачу бѣгства очень незначительна; они знаютъ, что по цѣлымъ мѣсяцамъ придется имъ жить, какъ травленному звѣрю, питаться ягодами и кореньями, спать на холодной и часто сырой землѣ, переносить безконечныя лишенія и невыразимыя муки и почти на каждомъ шагу стоятъ лицомъ къ лицу со смертью.

Но несмотря на это, они не въ состояніи услышать перваго крика кукушки безъ того, чтобы ихъ не охватило страст-

ное, неудержимое желаніе сильно-волнующей, полной приключеній бродяжнической жизни.

„Я имѣлъ однажды слугой арестанта“, сказалъ мнѣ одинъ карійскій тюремный чиновникъ, „который принадлежалъ къ неисправимымъ бѣглецамъ; отъ времени до времени онъ убѣгалъ, просто потому, что ему доставляла наслажденіе жизнь бродяги. Ему приходилось терпѣть страшныя лишенія, безъ всякой надежды выбраться когда-либо изъ Сибири: раньше или позже его приводили обратно, закованнаго въ кандалы, и строго наказывали; но никакія муки не въ состояніи были отучить его отъ побѣговъ. Наконецъ, когда онъ ужъ постарѣлъ и посѣдѣлъ, онъ какъ-то однажды утромъ ранней весной пришелъ ко мнѣ—онъ жилъ тогда въ вольной командѣ—и заявилъ: „Баринъ, прикажите посадить меня въ тюрьму“.—„Посадить въ тюрьму?“ воскликнулъ я „почему? Что ты такого натворилъ?“—„Ничего, какъ есть ничего“, былъ отвѣтъ,—„но вѣдь вы знаете, что я бродяга. Безчисленное множество разъ бѣгалъ и опять убѣгу, если меня не заключатъ въ тюрьму. Я теперь старъ и не въ состояніи, какъ раньше выдержать жизнь въ лѣсу. Но когда генералъ кукушка зоветъ, я не могу устоять. Дозвольте же, Ваша милость, посадить меня въ тюрьму, чтобы я не могъ оттуда уйти.“—„Я исполнилъ его желаніе“,—продолжалъ чиновникъ,—„и продержалъ его большую часть лѣта въ тюрьмѣ“. Когда его освободили, его страсть къ бродяжничеству уже остыла, и онъ былъ спокоенъ и доволенъ.

Исторія стараго бѣднаго бродяги показалась мнѣ чѣмъ-то трогательнымъ. Подобно тому, какъ Одиссей просилъ привязать себя къ дереву, чтобы противостоять обольщеніямъ сиренъ, такъ и старый бродяга заставилъ заключить себя въ тюрьму, чтобы не слышать зова кукушки, зова, находившагося въ самой тѣсной связи со всѣмъ тѣмъ, что онъ зналъ о свободѣ и счастьѣ.

Читателю, должно быть кажется, непонятнымъ, какъ арестантамъ, охраняемымъ тысячью казаковъ, удается уйти; но, если знать всѣ обстоятельства дѣла, то это становится яснымъ. Дома арестантовъ вольной команды не охраняются, исправительныя колоніи не окружены никакимъ военнымъ кордономъ; слѣдовательно, для арестанта, который постарается съэкономить кое-что изъ своей ежедневной порціи, не представляетъ ничего затруднительнаго собрать все это въ мѣшокъ,

подвѣсить котелокъ къ поясу и убѣжать подъ покровомъ ночи въ непроходимые лѣса. Къ тому же, это извѣстный фактъ, что многіе тюремные чиновники закрываютъ на это глаза, потому что изъ бѣгства арестантовъ они извлекаютъ извѣстную выгоду. Они просто обходятъ этотъ фактъ молчаніемъ и присваиваютъ себѣ, положенные для послѣднихъ на цѣлые недѣли и мѣсяца одежду и пайки и продаютъ ихъ исправляющимъ должность еврейскихъ спекулянтовъ. Часто, именно, эти спекулянты являются поставщиками для тюрьмы и продаютъ правительству по высокимъ цѣнамъ муку и платье, украденное чиновниками же у правительства. Для безчестнаго начальника тюрьмы всякій умершій или убѣжавшій арестантъ является выгоднымъ источникомъ дохода, до тѣхъ поръ, конечно, пока это остается въ тайнѣ, и имена вышеназванныхъ продолжаютъ фигурировать въ спискахъ.

При такихъ условіяхъ едва ли можно ожидать энергичныхъ мѣръ къ предотвращенію бѣгства, или способствующихъ возвращенію бѣжавшихъ.

Средне-карійская тюрьма, находящаяся въ исправительной колоніи того же названія, представляетъ собою одноэтажное деревянное зданіе средней величины, одна сторона котораго выходитъ на улицу, и образуетъ фасадъ, въ то время, какъ другія окружены высокимъ заборомъ такимъ образомъ, что образуется почти квадратный дворъ. По внѣшнему виду и устройству, она почти не отличалась отъ Усть-Карійской тюрьмы, но стояла выше въ санитарномъ отношеніи и была, очевидно, недавно построена. Въ то время, какъ мы пришли, почти всѣ заключенные работали, поэтому я не могъ опредѣлить, будетъ ли ночью переполнено или нѣтъ. На мой вопросъ маіоръ Потуловъ отвѣтилъ, что число, помѣщающихся здѣсь, достигаетъ 107. Немногіе, присутствовавшіе въ тюрьмѣ, арестанты находились въ ней либо потому, что ихъ отъ времени до времени увольняли отъ тяжелой работы за неспособностью къ ней, либо оставляли для исполненія домашнихъ обязанностей, какъ варка и уборка.

Воздухъ въ камерахъ былъ удушливъ, но онъ мнѣ показался безконечно чище и лучше, чѣмъ въ Усть-Карійской тюрьмѣ. Имъ, по крайней мѣрѣ, можно было безъ отвращенія дышать. Развѣшиваніемъ свѣжихъ еловыхъ вѣтокъ по стѣнамъ надъ парами хотѣли, очевидно, сдѣлать попытку замаскировать, характерный для сибирскихъ тюремъ, запахъ.

Между этими вѣтками я въ нѣкоторыхъ камерахъ замѣчалъ плакаты, приблизительно въ двадцать дюймовъ длиной и двѣнадцать шириной, на которыхъ большими буквами были выписаны изреченія изъ Евангелія, какъ напримѣръ: „Придите ко мнѣ, всѣ страждущіе и обремененные, и я утѣшу Васъ“. Откуда взялись эти библейскія надписи, я не знаю,—но мрачныя стѣны тюрьмы и праздничный, вѣчно зеленый уборъ, твердыя, кишащія насѣкомыми нары, съ одной стороны, и обнадеживаніе страждущихъ и обремененныхъ съ другой, казалось, стояли въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи. Какимъ большимъ благодѣяніемъ долженъ былъ быть для тяжело работающихъ арестантовъ чисто физическій покой, можно видѣть изъ ихъ попытокъ сдѣлать для своихъ твердыхъ наръ нѣчто, вродѣ импровизированныхъ тюфяковъ изъ безчисленнаго множества старыхъ тряпокъ и лоскутковъ, отрываемыхъ ими отъ полъ ихъ сѣрыхъ халатовъ. Тюфяки эти были настолько тонки, что ни въ коемъ случаѣ не могли сдѣлать болѣе удобнымъ ихъ твердое ложе. Кажется прямо жестокимъ со стороны русскаго правительства жалѣть для своихъ арестантовъ даже соломеннаго тюфяка—роскошь, которую культурные люди доставляютъ и своимъ собакамъ. Русское же правительство заставляетъ людей работать по 10—12 часовъ въ сутки въ рудникахъ и послѣ такой изнурительной работы спать на твердыхъ доскахъ, а чтобы утѣшить ихъ въ этой земной юдоли пишетъ на грязныхъ стѣнахъ тюрьмы обѣщаніе Іисуса Христа: „Придите ко мнѣ, всѣ страждущіе и обремененные, и я утѣшу Васъ“. Господинъ Фростъ и я самымъ основательнымъ образомъ осмотрѣли 10 тюремъ въ Забайкальской области, и ни въ одной изъ нихъ, исключая новой центральной тюрьмы Верхне-Удинска, не привелось намъ видѣть ни кровати, ни подушки, ни одѣяла. Повсюду заключенные спятъ въ своихъ сѣрыхъ халатахъ на твердыхъ деревянныхъ скамьяхъ, почти повсюду мучатъ ихъ насѣкомыя, повсюду и постоянно приходится имъ дышать испорченнымъ воздухомъ, въ которомъ нѣтъ и атома кислорода.

Тѣхъ, которые полагаютъ, что я преувеличиваю, я отсылаю къ описанію тюремъ нижнихъ золотыхъ пріисковъ Максимова „Сибирь и каторжныя работы“ Т. I. стр. 100—103, затѣмъ къ изслѣдованію старой тюрьмы въ Верхнеудинскѣ В. И. Орфанова „Аѳаръ“ стр. 220—222 и къ выводамъ послѣдняго писа-

теля о Восточно-сибирскихъ тюрьмахъ и, вообще, о порядкѣ управленія ими во второмъ томѣ его книги *).

Я не первый выставляю эти недостатки; о нихъ говорилось уже раньше и даже въ Россіи и русскими. Я повторяю эти вещи, не потому, что мнѣ это лично нравится, а потому, что онѣ должны быть повторяемы до тѣхъ поръ, пока русское правительство обратитъ, наконецъ, свое вниманіе на нихъ.

Послѣ того, какъ мы покончили съ осмотромъ камеръ среднекарійской тюрьмы, мы побывали въ ея кухняхъ. Карійскіе каторжане получаютъ ежедневно паекъ, состоящій: изъ трехъ фунтовъ ржаного хлѣба, приблизительно четырехъ унцій мяса, включая сюда и кости, маленькой горсточки ячменя, который обыкновенно заваривается съ мясомъ для полученія супа, и кирпичнаго чая. При случаѣ они добываютъ себѣ картофель или нѣсколько листовъ капусты, но ужъ эти предметы роскоши они могутъ получать только за деньги, которыя либо скоплены ими, либо получаются отъ сверхурочной работы. Въ отношеніи количества, порція казалось совершенно удовлетворительной,—недоставало въ пищѣ разнообразія, и въ особенности зелени. Хлѣбъ, который я попробовалъ, былъ такого же качества, какъ употребляемый крестьянами,—плохо испеченъ, клеекъ и немного влаженъ. Мясо,—я видѣлъ какъ его распредѣляли между арестантами,— вываренное, и нарѣзанное четырехугольными ломтиками, было не аппетитно на видъ и производило впечатлѣніе жирныхъ окрошекъ, употребляемыхъ при фабрикаціяхъ мыла. Ежедневная ѣда арестантовъ производилась въ слѣдующемъ порядкѣ: утромъ послѣ переклички, они получали въ своихъ же камерахъ завтракъ, состоящій изъ кирпичнаго чая и ржаного хлѣба; затѣмъ работающіе отправлялись пѣшкомъ въ золотыя розсыпи, и забирали съ собой чай и хлѣбъ для второго завтрака. Все это истреблялось у костра на открытомъ воздухѣ, не взирая ни на какую погоду, часто въ суровую зимнюю мятель. Поздно вечеромъ арестанты пѣшкомъ возвращались въ свои камеры и тутъ на нарахъ получали первую

*) „Сибирь и каторжныя работы“, Максимова, Петербургъ: А. Траншель 1871“, „Афаръ“ М. И. Орфанова, Москва: Кушнеревъ & Сº 1883.— Господинъ Орфановъ пишетъ, напримѣръ, и даже жирнымъ шрифтомъ, что въ теченіи его 9-ти лѣтней службы въ Сибири, онъ не видѣлъ ни одной тюрьмы, въ которой бы не было вдвое больше заключенныхъ, чѣмъ полагается (стр. 233).

питательную за день пищу: горячій супъ, мясо, хлѣбъ, а иной разъ и кирпичный чай. Послѣ вечерней переклички ихъ запирали на ночь; единственное приготовленіе ко сну было внесеніе „параши“, т. е. сосуда дая экскрементовъ; одни разстилали свои самодѣльные тюфяки, другіе же свертывали что нибудь изъ одежды, что должно было служить подушкой.

Одежда карійскаго каторжанина состоитъ, вѣрнѣе—должна по закону состоять изъ: грубой холщевой рубахи и пары холщевыхъ штановъ на каждые шесть мѣсяцевъ; шапки, пары верхнихъ штановъ и одного сѣраго халата на годъ; полушубка или куртки изъ овечьей шкуры на каждые два года; пары „бродней“, т. е. широкихъ кожаныхъ сапогъ на каждые три съ половиной мѣсяца зимой и пары „котовъ“ или невысокихъ сапогъ на каждые 22 дня лѣтомъ. О качествѣ пищи и одежды, предоставляемыхъ правительствомъ, можно судить по тому, что содержаніе каждаго каторжанина обходится приблизительно въ 50 долларовъ въ годъ или въ среднемъ немного менѣе 14 центовъ въ день*).

Послѣ того, какъ мы, насколько позволяло время и обстоятельства, основательно осмотрѣли средне-карійскую тюрьму, мы поѣхали сначала вверхъ по долинѣ, немного въ сторону отъ исправительныхъ колоній верхней Кары, затѣмъ оставили наши повозки и отправились по теченію рѣки къ золотымъ розсыпямъ.

Золотоносный песокъ карійской долины лежитъ подъ слоемъ, въ 10—20 саженъ толщины изъ глины, булыжника или камней. Каторжныя работы осужденныхъ заключаются въ удаленіи этого слоя и въ перевозкѣ золотоноснаго песка къ машинѣ, гдѣ послѣдній, смѣшанный съ водой, опускается въ большую желѣзную воронку; затѣмъ даютъ ему стечь вмѣстѣ съ водой въ цѣлый рядъ плоскихъ, наклонныхъ корытцевъ или желобовъ, гдѣ „черный песокъ“, и частички золота осаждаются на дно, защищенныя отъ стока низкими поперечными жестянками. При тускломъ свѣтѣ зимняго дня, первый рудникъ, который мы осмотрѣли производилъ мрачное впечатлѣніе. Отъ 30—до 40 каторжанъ, окруженные кордономъ казаковъ, работали въ какой-то глубокой песчаной ямѣ, дно которой, очевидно, когда-то служило русломъ рѣки. Одни острыми ломами удаляли твердую глину и булыжникъ, другіе сгребали это лопатой на маленькія тачки, третьи, наконецъ, уво-

*) По даннымъ маіора Потулова.

зили и сбрасывали ихъ на разстояніи 150—200 метровъ. Работа была не въ полномъ ходу и производилась только для того, чтобы обнаружить настоящій золотой пластъ.

Каторжники, почти всѣ закованные въ кандалы, работали вяло; видно было, что они устали и съ нетерпѣніемъ ждутъ ночи. Молчаніе нарушалось только стукомъ лома, приказомъ надсмотрщика, раздававшимся отъ времени, до времени, да лязгомъ оковъ, производимымъ арестантами, попарно двигавшимися взадъ и впередъ, чтобы опорожнить тачки. Не слышно было никакихъ разговоровъ, кромѣ говора солдатъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, гдѣ они старались развести огонь, чтобы вскипятить воду для чая и отогрѣть озябшія руки. Съ четверть часа смотрѣли мы на работающихъ, а затѣмъ, прозябшіе отъ холода и потрясенные ихъ несчастнымъ видомъ, вернулись обратно въ наши повозки и направились къ нижнимъ золотымъ розсыпямъ. Въ карійскихъ рудникахъ работаютъ зимой отъ 7 часовъ утра до 5 часовъ вечера, лѣтомъ отъ 5 часовъ утра до 7 часовъ вечера. Значительная часть времени уходитъ на хожденіе туда и назадъ, изъ золотыхъ розсыпей въ тюрьму, гдѣ арестанты ночуютъ. Рудники доставляютъ ежегодный приходъ въ 11 пудовъ или приблизительно въ 400 фунтовъ золота, которые цѣликомъ поступаютъ въ частную собственность Его Величества, царя. Дѣйствительный приходъ рудниковъ значительнѣе, но многіе арестанты вольной команды тайно промываютъ золото для себя и продаютъ его торговцамъ этого товара, перевозящимъ его контрабандой черезъ китайскую границу. Имѣть „золотое пшено“, какъ его называютъ арестанты, — уголовное преступленіе; но доходъ, съ которымъ связана тайная торговля, такъ великъ, что многіе мелкіе предприниматели осмѣливаются покупать золото у арестантовъ, утверждающихъ, что золото принадлежитъ Богу, и, слѣдовательно, они въ правѣ промывать его для себя, стараясь по возможности, сдѣлать это безъ особаго риска быть обнаруженными и наказанными.

Маіоръ Потуловъ считалъ расходы по содержанію исправительныхъ колоній въ 500.000 рублей ежегодно. Сколько царь, одинъ получающій весь приходъ съ арестантскихъ работъ, отпускаетъ на эти расходы, я не могъ разузнать. Всѣ его золотыя розсыпи въ Восточной Сибири, такъ называемые „кабинетскіе рудники“, приносятъ ему ежегодно, приблизительно, 3600 фунтовъ чистаго золота.

ГЛАВА IV

Вольная команда въ Карійскихъ рудникахъ

При посѣщеніи Карійскихъ рудниковъ насъ особенно интересовало подробнѣе узнать объ обращеніи съ политическими, приговоренными къ каторжнымъ работамъ. Уголовныхъ, осужденныхъ на каторжныя работы, въ качествѣ убійцъ, мошенниковъ и воровъ, мы имѣли возможность видѣть во многихъ другихъ мѣстахъ и тамъ ознакомились съ ихъ положеніемъ; но политическихъ преступниковъ *) можно было найти только въ деревянныхъ тюрьмахъ и арестантскихъ ротахъ на Карѣ, и здѣсь и слѣдовало изучать ихъ жизнь. Для достиженія нашей цѣли мы обязательно должны были посѣтить обѣ политическія тюрьмы и найти доступъ въ маленькое общество государственныхъ преступниковъ, отбывшихъ срокъ испытанія и жившихъ подъ надзоромъ въ вольной командѣ. Мы знали, что это сопряжено со многими затрудненіями, но мы не представляли собою уже больше неопытныхъ, добродушныхъ туристовъ, чувствовавшихъ себя въ зависимости отъ рекомендательныхъ писемъ и оффиціальныхъ разрѣшеній.

Мы провели полгода въ той школѣ, въ которой сами политическіе развиваютъ свою проницательность; прекрасно поняли, какъ надо обращаться съ недовѣрчивыми полицейскими и жандармами, и получили много полезныхъ свѣдѣній отъ политическихъ другихъ частей Сибири. Какъ же намъ было

---

*) Я употребляю это выраженіе, въ нѣсколько ограниченномъ смыслѣ, для обозначенія каторжниковъ или политическихъ преступниковъ, осужденныхъ на каторжныя работы. Политическіе преступники имѣются, конечно, и въ другихъ частяхъ Сибири, но всѣ политическіе, осужденные на каторжныя работы, находятся только въ Карійскихъ тюрьмахъ и деревняхъ.

сомнѣваться въ успѣхѣ? Мнѣ казалось, что самое лучшее будетъ—завязать какъ можно больше дружескихъ связей, чтобы оріентироваться въ общественныхъ и оффиціальныхъ отношеніяхъ лицъ въ исправительной колоніи, въ началѣ совершенно не интересоваться политическими арестантами; основательно изучить окружающія насъ условія и—ждать благопріятнаго случая; преждевременныя же, слишкомъ быстрыя, дѣйствія могли-бы все испортить. Мы осмотрѣли пока тюрьмы уголовныхъ преступниковъ и рудники, бесѣдовали съ чиновниками, посѣтившими насъ, старались понравиться маіору Потулову и его красивой супругѣ и изучали положеніе дѣла. Вскорѣ у меня явилось убѣжденіе, что совершенно излишне просить разрѣшенія посѣтить политическихъ вольной команды, и что войти въ сношенія съ ними можно только тайно. Имена большинства изъ нихъ были мнѣ знакомы по наслышкѣ. Я получилъ рекомендательное письмо къ одной изъ нихъ, г-жѣ Армфельдъ—ея друзья снабдили меня также планомъ нижнихъ золотыхъ пріисковъ, съ обозначеніемъ на немъ маленькой хижины, которую занимала она съ матерью. Но какъ могъ я ее посѣтить и, вообще, тайно войти съ нею въ какія-нибудь сношенія въ маленькой деревнѣ, кишащей казаками и солдатами, гдѣ каждый посторонній такъ внимательно осматривается и на котораго взираютъ съ такимъ любопытствомъ, какъ на сверхъестественное существо. Но это было еще не самое худшее.

Очень скоро я замѣтилъ, что маіоръ Потуловъ неотступно находится съ нами. Съ момента нашего прибытія онъ оставилъ всѣ свои обязанности и посвятилъ себя исключительно намъ. Если мы оставались цѣлый день дома, онъ тоже оставался. Стоило намъ выйти, онъ шелъ насъ провожать. Какъ только я бросалъ взглядъ на шляпу и пальто, онъ уже спрашивалъ: „куда вы идете?“ Если я отвѣчалъ, что хочу немножко прогуляться, онъ говорилъ: „подождите минуту, я тоже съ вами иду“. Что было дѣлать? Онъ, очевидно, хотѣлъ, чтобы нѣкоторыя вещи на Карѣ остались отъ насъ скрытыми, и чтобы намъ не удалось какъ-нибудь самостоятельно открыть ихъ. Я прекрасно понималъ его положеніе, какъ офицера занимающаго отвѣтственный постъ на государственной службѣ, и мнѣ было очень жаль поставить его въ непріятное, неловкое положеніе. Но я поставилъ себѣ задачей, во что-бы то ни стало, узнать истинное положеніе вещей и рѣшилъ попробо-

вать это сдѣлать, пустивъ въ ходъ всѣ средства, которыя не противорѣчили бы правиламъ чести и приличія. То, что мы были гостями маіора Потулова, въ извѣстной степени насъ обязывало, дѣлая наше положеніе съ этической точки зрѣнія еще тяжелѣе. Обмануть человѣка, гостепріимствомъ котораго мы пользуемся, или скрыть отъ него наши настоящія намѣренія казалось намъ неблагодарнымъ и несправедливымъ. Но у насъ не было другого выхода. Только сохраненіемъ въ тайнѣ нашихъ плановъ мы могли разсчитывать на успѣхъ. Если-бъ мы сообщили маіору Потулову, что желаемъ видѣть политическихъ вольной команды, чтобы получить свѣдѣнія объ ихъ жизни и обхожденіи съ ними, то онъ, по всей вѣроятности, не одобрилъ-бы нашего предпріятія, и намъ, какъ его гостямъ, ни въ коемъ случаѣ нельзя-бы было дѣйствовать противъ его ясно выраженнаго желанія. Нѣсколько дней раздумывалъ я надъ этимъ и рѣшилъ, наконецъ, если возможно, отыскать политическихъ раньше, чѣмъ маіоръ Потуловъ могъ-бы мнѣ помѣшать въ этомъ; взявъ это, понятно, на свою собственную отвѣтственность и устроивъ такимъ образомъ, чтобы на моего гостепріимнаго хозяина не падало и тѣни подозрѣнія о тайномъ соглашеніи со мной. Но съ какой стати намъ чувствовать себя связанными обязанностями, которыя на насъ налагаетъ случайное гостепріимство, принятое нами, такъ сказать, по принужденію? Какъ только я пришелъ къ этому заключенію, я сталъ ждать благопріятнаго случая для выполненія своего плана; но скоро меня опутала цѣлая сѣть различныхъ условностей и личныхъ отношеній, создавшихъ массу затрудненій. На другой день послѣ нашего пріѣзда, насъ посѣтилъ жандармскій начальникъ Николинъ, начальникъ политическихъ тюремъ. Онъ слышалъ о насъ и хотѣлъ знать, кто мы такіе, и что привело насъ въ эту страшную исправительную колонію. Какъ ни непріятно было первое впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, я все-таки былъ пораженъ презрительнымъ, почти оскорбительнымъ тономъ, которымъ встрѣтилъ его маіоръ Потуловъ. Очевидно, оба эти человѣка были врагами, но меня все-таки поразило, какъ капитанъ Николинъ мирится съ такимъ невѣжливымъ пріемомъ, на который большинство людей смотрѣло-бы, какъ на пощечину. Впрочемъ, русскіе жандармскіе офицеры могутъ многое переносить, если это ведетъ ихъ къ ихъ цѣли. Капитанъ Николинъ хотѣлъ познакомиться съ американскими путешественниками и потому, несмотря на

холодный пріемъ, оказанный ему, былъ веселъ и ласковъ, какъ майское утро. Я считалъ дозволительной военной хитростью отнестись къ нему возможно сердечнѣе, стараясь при этомъ не раздражать маіора Потулова.

Я хотѣлъ не только заглушить въ немъ возможную по отношенію къ намъ подозрительность, но даже заручиться его довѣріемъ. Вѣдь и для жандармскаго офицера должно быть лестно, подумалъ я, сердечное, предупредительное обращеніе со стороны иностраннаго путешественника послѣ того, какъ его открыто оскорбилъ свой человѣкъ. Отъ насъ, какъ гостей маіора Потулова, можно было ожидать, что мы послѣдуемъ его примѣру. Если мы этого не сдѣлаемъ, то Николинъ поставитъ намъ въ большую заслугу нашу вѣжливость, наши здравыя сужденія и наше знаніе людей. Я никогда не имѣлъ повода сомнѣваться въ правильности этого вывода. Николинъ, повидимому, почувствовалъ себя выше, благодаря неожиданному проявленію интереса и уваженія, съ которымъ мы къ нему обращались; на прощаніе онъ пожалъ мнѣ руку, выразивъ надежду на слѣдующее свиданіе. Въ присутствіи маіора Потулова, онъ не осмѣливался насъ пригласить къ себѣ, мы же избѣгали говорить ему о нашемъ намѣреніи его посѣтить, хотя и собирались розыскать его, какъ только освободимся отъ постояннаго надзора нашего хозяина. У маіора Потулова хватило такта и сообразительности ни словомъ не обмолвиться о Николинѣ послѣ ухода послѣдняго. Но изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ другими офицерами, я узналъ, что личныя отношенія между этими людьми чрезвычайно натянуты, и что мѣстные офицеры всѣ презираютъ и ненавидятъ Николина, какъ шпіона и доносчика. „Обо всемъ, что мы здѣсь дѣлаемъ, онъ посылаетъ подробныя донесенія въ Петербургъ“, сказалъ мнѣ одинъ изъ офицеровъ, „но меня это не интересуетъ, я его не боюсь. Въ послѣдніе три года у насъ перебывало отъ 4 до 5 жандармскихъ офицеровъ, въ качествѣ начальниковъ политическихъ тюремъ, но онъ самый скверный изъ всѣхъ“.

То, что я слышалъ о Николинѣ и его отношеніяхъ къ маіору Потулову, еще болѣе осложняло наше положеніе. Если бы мнѣ удалось познакомиться съ политическими вольной команды, то Николинъ, безъ сомнѣнія, былъ бы объ этомъ освѣдомленъ и, по всей вѣроятности, узналъ бы также, что я передалъ имъ письма. Объ этомъ фактѣ онъ сейчасъ же сообщилъ бы въ Петербургъ и использовалъ бы его, какъ ма-

теріалъ для обвиненія противъ своего врага Потулова, и, такимъ образомъ, я сдѣлался бы предателемъ того человѣка, радушіемъ котораго я пользовался. Но это было еще не все. Капитанъ Николинъ былъ, какъ я слышалъ, большимъ врагомъ института, извѣстнаго подъ названіемъ вольной команды, и много разъ хлопоталъ объ его уничтоженіи. Мое посѣщеніе политическихъ должно было послужить самымъ сильнымъ доводомъ въ подтвержденіе его взгляда на вольную команду, какъ на опасное новшество. Онъ могъ бы написать или телеграфировать министру внутреннихъ дѣлъ: „насколько мнѣ извѣстно, правительство имѣетъ намѣреніе совершенно изолировать самый опасный классъ государственныхъ преступниковъ, такъ, чтобы даже родные сносились съ ними черезъ посредство жандармовъ. Я окончательно лишенъ возможности выполнить эту задачу, если политическимъ будетъ разрѣшено жить внѣ тюрьмы, куда къ нимъ смогутъ являться иностранцы. Все больше и больше распространяется обычай путешествовать по Сибири, и Кара скоро перестанетъ быть недоступной и неизвѣстной. Если офицеры, подобно маіору Потулову, будутъ способствовать знакомству иностранцевъ съ политическими, то правительство должно либо уничтожить вольную команду и заключить находящихся въ ней снова въ тюрьму, или же оставить мысль изолировать ихъ отъ общенія съ иностранцами“.

Не трудно было угадать, какія послѣдствія долженъ былъ бы имѣть подобный докладъ. Изъ-за одного тайнаго посѣщенія я могъ бы вызвать несчастіе всей вольной команды и сдѣлаться причиной того, что всѣ были бы снова закованы по рукамъ и ногамъ въ кандалы и снова заключены въ тюрьму. Мысль еще болѣе увеличить страданія этихъ бѣдныхъ несчастныхъ людей, вмѣсто того, чтобы смягчить ихъ, была для меня невыносима; я провелъ безсонную ночь, обдумывая это дѣло со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, я всетаки рѣшилъ остаться при своемъ первомъ планѣ и, каковы бы ни были послѣдствія,—свести знакомства съ политическими, какъ только мнѣ удастся освободиться отъ вѣжливаго и неустаннаго бдѣнія надо мной маіора Потулова. Пять дней я прожилъ на Карѣ, и ни разу не вышелъ за дверь одинъ, безъ надзора. На шестой день маіоръ Потуловъ былъ принужденъ отправиться на Усть-Кару, чтобы присутствовать при разслѣдованіи причины пожара, отъ котораго недавно погибъ большой правительственный складъ

муки *). Онъ не затрагивалъ со мной щекотливой темы о политическихъ, будучи, очевидно, убѣжденъ въ томъ, что можетъ безъ опасенія оставить насъ, и при уходѣ, смѣясь, предоставилъ насъ попеченію своей супруги.

Не прошло еще и часа со времени его отъѣзда, какъ я, разорвавъ карманъ своей широкой шубы, спряталъ между сукномъ и мѣхомъ нѣсколько маленькихъ подарковъ, которые обѣщалъ передать политическимъ, затѣмъ переложилъ въ карманъ спрятанныя мною до тѣхъ поръ въ кушакъ письма, а также планъ мѣстности и деревни и приготовился идти къ политическимъ.

Было, приблизительно, два часа пополудни. Маіоръ Потуловъ разсчитывалъ вернуться на другой день вечеромъ, и я, такимъ образомъ, располагалъ 24 часами безъ надзора. Планъ мой состоялъ въ томъ, чтобы навѣстить капитана Николина, перейти съ нимъ на дружескую ногу, отнять у него всякій поводъ къ подозрѣнію, который онъ могъ бы еще противъ насъ имѣть, и затѣмъ при наступленіи вечера прямо отъ него отправиться къ г-жѣ Армфельдъ—политической изъ Кіева, къ которой я имѣлъ рекомендательное письмо. Мой визитъ къ Николину преслѣдовалъ двоякую цѣль; во первыхъ, не

*) Исторія этого мучного склада представляетъ собой любопытное доказательство испорченности и деморализаціи, характерной для русской бюрократической системы повсюду, особенно же въ Сибири. Это зданіе должно было къ тому времени, когда оно сгорѣло, содержать запасъ въ 20000 пудовъ муки для потребностей Карійскихъ арестантовъ. Когда осмотрѣли пожарище, то подъ обломками нашли 20 или 30 пудовъ муки, принадлежащихъ какому-то частному лицу, отъ времени до времени хранившему ее въ этомъ зданіи; мука только отчасти была испорчена и 3/4 ея еще были годны къ употребленію. Отъ 20000 же пудовъ правительственной муки нельзя было найти и слѣда, а разслѣдованіе показало, что кто-то ее укралъ и затѣмъ поджегъ зданіе, чтобы воровство не могло быть раскрыто. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ нашего отъѣзда изъ Кары, въ то время, когда еще велось слѣдствіе, домъ маіора Потулова, гдѣ хранились всѣ относящіеся къ этому дѣлу документы, точно такимъ же таинственнымъ образомъ сдѣлался жертвой огня. Цензоръ не разрѣшалъ опубликованія въ сибирскихъ газетахъ разультатовъ разслѣдованія, и я не знаю, кто обвинялъ, и обвинялся ли, вообще, кто-нибудь въ этомъ двойномъ преступленіи. Въ большинствѣ случаевъ отношенія между обвиняемыми и высшей властью таковы, что считается необходимымъ замолчать факты и устроить все полюбовно. Надо полагать, что такъ было и въ данномъ случаѣ.

подлежало сомнѣнію, что онъ былъ освѣдомленъ объ отсутствіи маіора Потулова, и я полагалъ, что даже жандармскому офицеру должно польстить, что я воспользовался первой свободной минутой, чтобъ явиться къ нему, не взирая на ненависть къ нему маіора Потулова; во вторыхъ, я разсчитывалъ на то, что если меня увидятъ направляющимся къ политическимъ не изъ моей собственной квартиры, а изъ дома начальника, то это возбудитъ гораздо меньше подозрѣній. Въ такомъ случаѣ каждый подумаетъ, что я дѣйствую съ разрѣшенія и съ вѣдома начальника. Такъ или иначе открытая смѣлость должна была вести меня къ цѣли скорѣе, чѣмъ дѣйствія исподтишка. Капитанъ Николинъ представлялъ собой типъ стараго, опытнаго жандармскаго офицера, очень хитраго и безчестнаго. Школу свою онъ прошелъ въ Польшѣ, подъ началомъ генерала Муравьева-Вѣшателя и въ теченіе тридцати лѣтъ находился на службѣ. По внѣшности, это былъ человѣкъ лѣтъ 50 или 55, невысокаго роста, коренастый, плѣшивый, съ сѣдой бородой, тонкими, плотно сжатыми, я бы сказалъ, жестокими губами, непроницаемымъ лицомъ и съ сѣрыми холодными глазами. Онъ обладалъ изящными вѣжливыми манерами форменнаго жандармскаго офицера, но непріятное впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня при первой нашей встрѣчѣ, еще усилилось при болѣе близкомъ знакомствѣ. Я засталъ его въ обыкновенной формѣ; хотя онъ и сдѣлалъ попытку придать своимъ сухимъ чертамъ возможно любезное выраженіе и привѣтствовалъ меня настолько сердечно, насколько могъ, но эти холодные пытливые глаза не способны были выражать теплой сердечности. Я почувствовалъ передъ собою маску и понялъ, что этотъ человѣкъ умѣетъ скрывать свои настоящія чувства. На сколько мнѣ удалось разгадать его характеръ, единственнымъ его слабымъ мѣстомъ была его личная гордость отъ сознанія важности и отвѣтственности своей службы, сознанія, что онъ, простой петербургскій жандармскій офицеръ былъ избранъ для надзора за этой важной сибирской тюрьмой, безъ всякаго мѣстнаго контроля, и что онъ обладаетъ экстраординарной привиллегіей непосредственно сноситься съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, честь, которая почти граничитъ съ честью непосредственнаго сношенія съ самимъ государемъ. Я постарался отдать должное его тщеславію, извинился, что не могъ раньше сдѣлать ему визита, давъ ему въ тоже время понять, что

меня до сихъ поръ стѣсняли нѣкоторыя обстоятельства. Онъ любезно поклонился, увѣрилъ меня, что прекрасно понимаетъ эти обстоятельства и просилъ оказать ему честь выпить съ нимъ чашку чая. Солдатъ внесъ кипящій самоваръ, и чашки были наполнены раздражающимъ, но не возбуждающимъ напиткомъ. Мы закурили и, усѣвшись въ низкія удобныя кресла, завязали пріятную болтовню. Живо и пикантно, насколько былъ въ состояніи, я разсказывалъ о нашихъ приключеніяхъ въ Сибири; замѣтилъ вскользь въ своемъ разсказѣ, что я членъ американскаго географическаго общества; намекнулъ на свое прежнее отношеніе къ русско-американскому телеграфному обществу; описалъ путешествіе на собакахъ, затѣмъ жизнь въ шатрахъ со странствующими казаками, удостовѣрилъ свою пріятную встрѣчу съ г. Влангали, секретаремъ иностраннаго посольства въ Петербургѣ (послѣднее съ цѣлью доказать ему, что я не тайно, не крадучись прибылъ въ Сибирь, но съ согласія и одобренія высшихъ русскихъ чиновниковъ). Онъ слушалъ меня съ удовольствіемъ, и я давалъ полную волю своему краснорѣчію, такъ что онъ узналъ всю исторію моей жизни до 1885 г. Если я что-нибудь пропускалъ, то это случалось либо благодаря забывчивости, либо потому, что онъ меня объ этомъ не спрашивалъ. Онъ освѣдомился, буду ли я описывать свое путешествіе по Сибири, на что я отвѣтилъ утвердительно, такъ какъ я сотрудничаю въ Century Magazine, прибавивъ также, что я уже раньше напечаталъ цѣлый рядъ статей о Сибири. Какъ видно, его это заинтересовало. Я познакомилъ его съ американскими журналами вообще и съ Century Magazine въ частности, пригласилъ его зайти къ намъ посмотрѣть эскизы г. Фроста, и, сообщивъ ему, сколько Century Magazine хочетъ потратить на иллюстраціи къ моимъ описаніямъ, пожалѣлъ о его незнаніи англійскаго языка, дѣлающаго для него недоступнымъ чтеніе послѣднихъ. Онъ выразилъ предположеніе, что мои статьи, вѣроятно, будутъ переведены. Я согласился, что это возможно, такъ какъ моя первая книга о Сибири была, дѣйствительно, два раза переведена на русскій языкъ, и прибавилъ, что его, во всякомъ случаѣ, заинтересовали бы иллюстраціи. Я уже не могу припомнить, что я ему еще наговорилъ, но полагаю, что въ жизни своей ни одному смертному столько не разсказывалъ о себѣ и своихъ личныхъ дѣлахъ, сколько этому жандармскому офицеру.

Моя откровенность и дѣтское довѣріе возымѣли желательное дѣйствіе. Онъ сдѣлался непринужденнѣе и сердечнѣе, налилъ мнѣ третью или четвертую чашку чая, спросилъ, не угодно ли мнѣ немного рому къ чаю, и затѣмъ, убѣдившись, что я не только откровенный собесѣдникъ, но также и симпатичный слушатель, началъ разсказывать о себѣ самомъ. Онъ описалъ мнѣ организацію института жандармовъ и способъ воспитанія жандармскихъ офицеровъ, разсказалъ свою собственную біографію: какъ часто и при какихъ условіяхъ онъ получалъ повышенія, какіе онъ имѣетъ ордена, какое содержаніе получаетъ, какъ долго ему еще придется служить, чтобы, выслуживъ пенсію, выйти въ отставку, и похвасталъ, что онъ единственный офицеръ его ранга во всей Сибири, имѣющій право непосредственнаго сношенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Во время бесѣды рѣчь зашла о ссылкѣ и уголовныхъ преступникахъ, и онъ, къ моему великому удивленію, сталъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждать этапы и пересыльныя тюрьмы, говорилъ, что жизнь уголовныхъ преступниковъ на столбовыхъ дорогахъ невыносима, и что ссылка въ Сибирь не только портитъ ссыльныхъ, но еще и очень невыгодна для интересовъ страны. Этотъ неожиданный оборотъ разговора поставилъ меня въ полное недоумѣніе. Неужели онъ изъ себя разыгрывалъ филантропа—Говарда въ мундирѣ жандарма, или же онъ хотѣлъ меня запутать, чтобы узнать, что мнѣ извѣстно, и каковы мои взгляды? Я рѣшилъ затронуть эту тему, не выдавая, конечно, насколько я знакомъ съ дѣйствительностью, отозвавшись только съ особенной похвалой о тѣхъ немногихъ хорошихъ тюрьмахъ, которыя мнѣ привелось видѣть; выразилъ сожалѣніе о переполненіи и плохомъ санитарномъ состояніи тюремъ и этаповъ, взявши въ то же время въ примѣръ новую центральную тюрьму въ Верхнеудинскѣ, какъ доказательство того, что правительство стремится улучшить положеніе устройствомъ новыхъ зданій. Безъ всякаго побужденія съ моей стороны, капитанъ Николинъ перевелъ разговоръ на карійскихъ политическихъ. Онъ увѣрялъ, что ихъ положеніе гораздо лучше, и жизнь благоустроеннѣе, чѣмъ это принято думать. Они живутъ въ большихъ, хорошо освѣщенныхъ помѣщеніяхъ, не должны работать, имѣютъ въ своемъ распоряженіи хорошую библіотеку, могутъ получать деньги отъ своихъ друзей, дѣлаются свободными по окончаніи срока наказанія, имѣютъ

право жить потомъ въ частныхъ помѣщеніяхъ и обрабатывать небольшіе сады. Я выразилъ удивленіе по поводу такой постановки дѣла и спросилъ: „Развѣ политическіе, дѣйствительно, не принуждаются работать въ рудникахъ?“—„Работать?“ воскликнулъ онъ, „разумѣется нѣтъ! Они ничего не дѣлаютъ, сидятъ въ большихъ, уютныхъ, хорошо освѣщенныхъ комнатахъ и читаютъ или занимаются“.

„Могутъ они поддерживать связи со своими друзьями и родными въ Европейской Россіи?“, спросилъ я дальше.

„Понятно“, отвѣтилъ онъ; „когда я пріѣхалъ сюда, я, именно, и обратилъ особое вниманіе на то, чтобы имъ позволили переписываться со своими родственниками и друзьями. Я, конечно, читаю ихъ письма, или, вѣрнѣе, открытыя письма, но они могутъ писать сколько угодно“.

— „Мы въ Америкѣ“, возразилъ я, „всегда полагали, что сибирскіе политическіе преступники принуждены работать въ подземныхъ рудникахъ, прикованные къ тачкамъ, и что ихъ жизнь—это постоянная борьба съ лишеніями и страданіями“.

Онъ посмотрѣлъ на меня со спокойной снисходительной улыбкой и сказалъ, что онъ раньше тоже это такъ себѣ представлялъ и былъ, понятно, какъ и я, немало пораженъ истиннымъ положеніемъ дѣла. „Да“, прибавилъ онъ, „если-бы вы сейчасъ могли взглянуть въ одну изъ камеръ политическихъ, вы-бы увидѣли ихъ, сидящими за большимъ столомъ и занятыхъ чтеніемъ и письмомъ, какъ въ библіотекѣ“. Замѣтивъ, что это, должно быть, очень пріятное зрѣлище, и что это могло-бы служить благодарной темой для одной изъ моихъ статей, я спросилъ его, не имѣетъ-ли онъ чего-нибудь противъ того, чтобъ я заглянулъ въ камеры. „Да“, сказалъ онъ, запнувшись, „не въ моей власти разрѣшать кому-бы то ни было осмотръ тюремъ; но я могу показать вамъ нѣкоторыя книги изъ библіотеки, даже англійскія книги“. Позвавъ съ крыльца солдата, онъ послалъ его въ тюрьму съ приказомъ принести какую-нибудь англійскую книгу или журналъ, изъ находящихся тамъ. Вскорѣ послѣ этого, солдатъ вернулся съ томомъ стихотвореній Шелли и номеромъ „Punch“. Капитанъ Николинъ торжественно подалъ мнѣ ихъ, въ доказательство того, что политическіе имѣютъ библіотеку и даже англійскіе журналы. „Нѣсколько времени тому назадъ“, продолжалъ онъ, „они давали представленіе въ одной изъ камеръ, а одно

время даже издавали маленькую писанную газету для развлеченія".

Затѣмъ онъ вытащилъ свои книги, чтобы показать мнѣ, сколько политическіе получаютъ отъ своихъ родныхъ. Сумма равнялась приблизительно 6044 рублямъ *). — „Могутъ-ли заключенные свободно распоряжаться этими деньгами?" спросилъ я.

— „Да", отвѣтилъ онъ, „они, хотя и не получаютъ ихъ на руки, но могутъ по своему ихъ распредѣлять и покупать все, что допускается правилами тюрьмы". Я принялъ всѣ эти сообщенія съ радостнымъ изумленіемъ и чуть въ восторгъ не пришелъ отъ великолѣпной идилліи жизни счастливыхъ государственныхъ преступниковъ, совмѣстно живущихъ въ большихъ прохладныхъ комнатахъ, изучающихъ англійскую литературу въ роскошной библіотекѣ, въ перемежку съ „Punch", какъ легкимъ послѣобѣденнымъ чтеніемъ, издающихъ еженедѣльную газету для собственнаго употребленія и отъ времени до времени устраивающихъ театральныя представленія, чтобы дать выходъ накопившейся энергіи,—идилліи, нарисованной мнѣ гуманнымъ любвеобильнымъ жандармскимъ офицеромъ.

Но минуту спустя, я уже былъ опечаленъ и возмущенъ, что прекрасно содержащіеся политическіе показали себя совершенно недостойными мягкосердечія и доброжелательнаго отеческаго попеченія правительства, отплативъ черной неблагодарностью и измѣной за великое благодѣяніе. „Вы не можете

---

*) При возвращеніи моемъ въ Иркутскъ, я имѣлъ случай познакомиться съ чиновникомъ счетнаго приказа, къ которому направлялись всѣ отчеты о Карійскихъ тюрьмахъ. Я просилъ просмотрѣть для меня, сколько денегъ послано Карійскимъ политическимъ ихъ родственниками въ первые 10 мѣсяцевъ съ 1885 г. Онъ сообщилъ мнѣ, что заключенные получали ежемѣсячно въ среднемъ 37 1/2 центовъ, (центъ=1/100 доллара, т. е. почти 2 копейкамъ) на человѣка, такъ что въ общемъ, приблизительно 375 долларовъ. Капитанъ Николинъ далъ мнѣ ложный отчетъ, чтобы заставить меня повѣрить, что политическіе получаютъ ежегодно больше 3, почти 4 тысячи долларовъ, кромѣ своего содержанія, и живутъ, такимъ образомъ, сравнительно, въ роскоши. Я убѣжденъ, что выкладки иркутскаго контролера совершенно вѣрны, и что заключенные, въ дѣйствительности, получили только 375 долларовъ. Почему эта сумма не была больше, я объясню въ другомъ мѣстѣ. 375 долларовъ, раздѣляемые каждые 10 мѣсяцевъ между ста заключенными, составляютъ на каждаго въ день 1 1/4 цента,

себѣ представить, г. Кеннанъ", сказалъ капитанъ Николинъ, „какъ они безсовѣстны, какой преступной хитростью обладаютъ они для затаиванія запрещенныхъ вещей и контрабандной передачи писемъ въ тюрьму и обратно. Что-бы вы, напримѣръ, сдѣлали, если-бы вамъ пришлось самымъ основательнымъ образомъ обыскать политическаго?"

Я отвѣтилъ, что я бы его раздѣлъ и тщательно обыскалъ костюмъ.

— „И это все?", спросилъ онъ меня изумленно. Я отвѣтилъ, что въ данный моментъ не могу припомнить никакого другого способа обыскиванія.

„А вы-бы искали въ его ушахъ?"

„Нѣтъ", сказалъ я, „объ этомъ я-бы и не подумалъ".

— „Обыскивали-ли бы вы его ротъ?"

Я опять отрицательно отвѣтилъ.

„А осмотрѣли-ли бы вы его гнилые зубы?"

Торжественнымъ тономъ заявилъ я, что мнѣ никогда и въ голову не пришло-бы искать чего-нибудь въ гниломъ зубѣ.

— „Ну", сказалъ онъ побѣдоносно, „я вытащилъ у заключенныхъ изъ уха и рта шелковую бумагу; однажды даже нашелъ у одного политическаго дозу смертоноснаго яда въ залѣпленномъ воскомъ дуплѣ зуба.

— „А-а-а!", воскликнулъ онъ, потирая руки, „они очень хитры, но я знаю всѣ ихъ уловки".

У меня морозъ прошелъ по кожѣ, когда я вдругъ вспомнилъ о спрятанныхъ въ шубѣ предметахъ. Между сукномъ и мѣхомъ находились 2 китайскія чашки, ручное зеркало и маленькое красное гусиное перо, которыя мнѣ довѣрила одна ссыльная дама изъ иркутской дерезни для передачи г-жѣ Армфельдъ, вмѣстѣ съ сердечнѣйшимъ привѣтомъ отъ нея. Я оставилъ пальто на крыльцѣ; можетъ быть, мнительный офицеръ, открывающій письма въ ушахъ и ядъ въ гнилыхъ зубахъ, уже отдалъ приказъ обыскать его. Чѣмъ-бы я объяснилъ присутствіе такихъ необыкновенныхъ вещей между подкладкой и сукномъ? Положеніе было чрезвычайно непріятное, какъ только открывалась дверь, я ожидалъ увидѣть казака съ краснымъ гусинымъ перомъ въ рукѣ. Но предполагаемая катастрофа не случилась, и Николинъ продолжалъ свои дальнѣйшія сообщенія о политическихъ и ихъ жизни въ рудникахъ. Много изъ того, что онъ говорилъ, было вѣрно.

Но истина была такъ искажена, что я былъ-бы совершенно введенъ въ заблужденіе, будь я, дѣйствительно, тѣмъ неопытнымъ легковѣрнымъ туристомъ, за котораго онъ меня принималъ. Для третьяго, посвященнаго въ это дѣло и хорошо знающаго насъ обоихъ, комедія, которую мы разыгрывали, должна бы была казаться полной глубокаго интереса. Почти такъ-же точно и основательно, какъ капитанъ Николинъ, зналъ я политическія тюрьмы; носилъ при себѣ въ кушакѣ подъ сорочкой тщательно нарисованный планъ послѣднихъ; имѣлъ списокъ именъ заключенныхъ; могъ-бы подробнѣйшимъ образомъ описать каждый предметъ каждой камеры; точно зналъ, какой столъ получаютъ политическіе, какъ они одѣты и какъ проводятъ время. Мнѣ такъ-же было извѣстно, что четверо изъ нихъ закованы въ тачки и что многіе сошли съ ума; словомъ я могъ-бы ему разсказать исторію тюремъ за послѣднія пять лѣтъ со всѣми подробностями и доказать ему лживость всѣхъ его утвержденій. Не смотря на это, я принужденъ былъ тихо сидѣть, маскироваться въ чувства, меня не воодушевлявшія, играть роль легковѣрнаго, беззаботнаго, хорошо настроеннаго путешественника, которому нечего скрывать, человѣка, неспособнаго даже не дѣлиться съ другими событіями своей личной жизни и убѣдившагося, что политическіе, которыхъ онъ ожидалъ увидѣть прикованными къ тачкамъ въ сырыхъ подземныхъ рудникахъ, находятся подъ наблюденіемъ умнаго, гуманнаго филантропа—начальника, мягко и внимательно относящагося къ ихъ нуждамъ.

Я не знаю, какое впечатлѣніе произвелъ я на капитана Николина въ результатѣ нашей долгой бесѣды, но имѣю полное основаніе думать, что мнѣ удалось обмануть и ввести въ заблужденіе этого самаго ядовитаго, хитраго, безчестнаго, жандармскаго офицера всей Восточной Сибири. Можетъ быть, это и не такъ, но если онъ льститъ себя надеждой, что онъ скрылъ отъ меня правду, то онъ глубоко ошибается. Съ нравственной точки зрѣнія, я не могу оправдывать своего поведенія относительно этого чиновника, но я все поставилъ на карту, и мое единственное средство самозащиты было дипломатическое крючкотворство.

Въ багажѣ моемъ находились революціонныя статьи, планъ тюрьмы, замѣтки изъ государственныхъ архивовъ, письма къ политическимъ и отъ нихъ и, кромѣ того, отъ 10 до 15 записныхъ книжекъ, которыя могли-бы скомпрометтировать

не только десятки ссыльныхъ изъ всѣхъ частей Сибири, но и многихъ смѣлыхъ безстрашныхъ чиновниковъ, подарившихъ меня своимъ довѣріемъ и снабдившихъ меня разными свѣдѣніями. Если-бъ я возбудилъ подозрѣніе, и мои вещи были-бы осмотрѣны, то это могло-бы сдѣлаться роковымъ не только для меня и для всѣхъ этихъ людей, но весь, собранный мною, матеріалъ пропалъ бы и былъ-бы использованъ совсѣмъ не съ той цѣлью, какая имѣлась въ виду.

Принимая во вниманіе мое критическое положеніе, судьбу нѣсколькихъ человѣкъ, зависѣвшихъ отъ моей безопасности, я всей душой надѣялся, что моя игра съ капитаномъ Николинымъ не слишкомъ сильно поставится мнѣ въ вину. Поздно вечеромъ мы попрощались съ начальникомъ, при взаимныхъ увѣреніяхъ въ глубокомъ уваженіи, и я направилъ свои шаги къ домику г-жи Натальи Армфельдъ, стоявшему на полдорогѣ между политическими тюрьмами и домомъ маіора Потулова, на границѣ нижнихъ золотыхъ пріисковъ. Нервы мои были въ сильнѣйшемъ напряженіи; я былъ увѣренъ въ предстоявшемъ успѣхѣ, и поэтому я находился въ приподнятомъ и повышенномъ настроеніи. Г-жа Армфельдъ, исторію которой я уже зналъ, была дочерью выдающагося русскаго генерала и сестрой г-жи Федченко, супруги извѣстнаго русскаго ученаго и изслѣдователя. Это была богатая аристократическая семья.

Какъ г-жа Армфельдъ, такъ и ея мать состояли въ дружбѣ, или, во всякомъ случаѣ, были хорошо знакомы, съ крупнымъ русскимъ беллетристомъ, графомъ Толстымъ. Г-жа Армфельдъ говорила по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, рисовала и была въ высшей степени образованная и хорошо воспитанная женщина *).

---

*) Я сожалѣю, что лишенъ возможности подробно сообщить о жизни г-жи Армфельдъ. Одинъ русскій революціонеръ, къ которому я обращался за свѣдѣніями, писалъ мнѣ слѣдующее:

„Я зналъ г-жу Армфельдъ лично и могъ себѣ выяснить ея индивидуальность; біографическихъ данныхъ не могу вамъ сообщить, подобныя вещи насъ такъ мало интересуютъ, когда мы „работаемъ“, что мы почти объ этомъ и не спрашиваемъ. Я знаю только, что ея отецъ былъ генераломъ, ея сестра, довольно популярная писательница въ научной области, была замужемъ за русскимъ изслѣдователемъ Федченко, недавно погибшимъ на прогулкѣ въ швейцарскихъ горахъ. Наталія Армфельдъ не была такой замѣчательной личностью, какъ Софья Перовская, Вардина или дру-

11 февраля 1879 г. она была арестована въ Кіевѣ въ тайномъ революціонномъ обществѣ. Полиція нагрянула на собраніе поздно вечеромъ; всѣ присутствовавшіе мужчины оказали сопротивленіе. стрѣляли изъ револьверовъ въ полицейскихъ и жандармовъ, произошла стычка, одинъ жандармъ и два революціонера были убиты на мѣстѣ, и съ обѣихъ сторонъ оказалось много раненыхъ. Все общество было, въ концѣ концовъ, арестовано и засажено въ тюрьму, а г-жа Армфельдъ, какъ членъ революціонной партіи и какъ участница вооруженнаго сопротивленія полиціи (хотя она сопротивленія вовсе и не оказывала), была приговорена къ 14 годамъ и 10 мѣсяцамъ каторжныхъ работъ и къ пожизненной ссылкѣ въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Ко времени нашего посѣщенія Кары, она уже окончила срокъ испытанія и жила въ вольной командѣ со своей матерью, 60 лѣтней женщиной, добровольно отправившейся въ Сибирь, чтобы раздѣлить участь своей дочери. Солнце уже близилось къ закату, и темнота быстро наступала, когда я добрался до маленькаго, выкрашеннаго въ бѣлую краску домика, который я, судя по описанію, принялъ за искомый. Я постучался въ тяжелую дверь, которую мнѣ черезъ минуту открыла молодая женщина.

„Г-жа Армфельдъ здѣсь живетъ?“ спросилъ я.

„Это—я“, отвѣтила она.

„Мое имя—Джорджъ Кеннанъ. Я—американскій путешественникъ, пріѣхавшій въ Сибирь изучать ссылку. Я познакомился со многими изъ вашихъ друзей и привезъ вамъ рекомендательныя письма отъ г-жи N“.

Одну минуту она смотрѣла на меня молча, сильно пораженная. Наконецъ, она, очевидно, овладѣла собой и пригласила меня зайти. Я послѣдовалъ за ней черезъ маленькія темныя сѣни въ убогую, приблизительно въ десять футовъ

гія. Она принадлежала къ категоріи тѣхъ скромныхъ работниковъ, у которыхъ съ особенною яркостью выступаютъ прекрасныя моральныя черты русскихъ революціонеровъ: абсолютная преданность дѣлу и полнѣйшее самоотреченіе. Если простыя качества совершенно безкорыстны, онѣ становятся великими, и какъ качества и какъ импульсъ къ дѣйствіямъ. Вы, вѣроятно, встрѣтили въ Сибири много ссыльныхъ этого типа. Трогательная симпатія, которая окутываетъ все то, что Вы писали о послѣднихъ, служитъ мнѣ ручательствомъ за это“.

длины и въ восемь футовъ ширины комнату, съ непокрытымъ поломъ. Какъ потолокъ, такъ и стѣны, съ прорубленными въ нихъ двумя маленькими четыреугольными окнами, были грубо сколочены изъ досокъ и скупо выкрашены. Вся обстановка состояла изъ еловаго стола безъ скатерти, трехъ еловыхъ стульевъ и узкой односпальной кровати, покрытой грубымъ, сѣрымъ шерстянымъ одѣяломъ. По обѣимъ сторонамъ двери были прибиты полки, причемъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ находились кухонныя принадлежности, какъ тарелки, чашки, ножи, вилки и чайникъ.

Въ комнатѣ абсолютно ничего другого не было, кромѣ единственной корзинки и дешеваго русскаго чемодана, стоявшаго подъ кроватью. Внутри царила педантичная чистота, во всемъ-же остальномъ домикъ производилъ впечатлѣніе крайней убогости. Я снялъ свое тяжелое верхнее платье, намѣреваясь передать г-жѣ Армфельдъ привезенное съ собой письмо, какъ она вдругъ, схвативъ меня за руку, воскликнула: „Стойте, не дѣлайте этого, подождите, пока я не закрою ставни и не запру на крючекъ двери“. Дрожащими руками она зажгла свѣчу, выбѣжала, закрыла ставни, заперла за собой дверь и сказала: „Вы совсѣмъ не привыкли къ атмосферѣ страха и заботъ, въ которыхъ мы живемъ. Вѣдь за вами могли слѣдить черезъ окно въ то время, какъ вы мнѣ передавали письмо“. Затѣмъ она взяла письмо съ тѣмъ-же выраженіемъ потрясенія и удивленія, которое не сходило съ ея лица съ той минуты, какъ я вошелъ въ комнату. Наконецъ, она сказала: „Какимъ образомъ вамъ удалось сюда попасть?“ Я отвѣтилъ, что изъ Стрѣтенска, переваливъ черезъ горы.

„Но какъ вы получили разрѣшеніе притти сюда?“

„Я никакого разрѣшенія и не имѣю, отвѣтилъ я, и никто не знаетъ, что я здѣсь. Уже съ недѣлю нахожусь я на Карѣ, и вотъ это — первый случай, представившійся мнѣ, выйти безъ надзора на улицу“.

Далѣе я разсказалъ ей, что пріѣхалъ въ Сибирь изучать жизнь политическихъ и далъ ей короткій очеркъ моихъ сибирскихъ наблюденій. Она посмотрѣла на меня, какъ человѣкъ, совершенно растерявшійся отъ внезапнаго сильнаго потрясенія. Наконецъ, она проговорила, прибѣгая въ первый разъ къ англійскому: „Извините, что я на васъ такъ упорно смотрю, и простите, что я не приняла васъ сердечнѣе; я чувствую себя, какъ во снѣ. Я такъ удивлена и возбуждена, что едва сознаю, что дѣлаю и говорю. Вы — первый ино-

странецъ, котораго мнѣ привелось видѣть съ тѣхъ поръ, какъ я въ ссылкѣ, и ваше внезапное появленіе здѣсь, въ моемъ домѣ—такое экстраординарное явленіе въ моей жизни, что я совершенно растерялась. Такъ, приблизительно, долженъ былъ себя чувствовать Ливингстонъ, когда Стэнли отыскалъ его въ Центральной Африкѣ. Какъ пришли вы къ удивительной мысли отправиться въ Сибирь изучать ссылку?"

Въ то время, какъ я по англійски отвѣчалъ на ея вопросы, изъ-за печки раздался надломленный голосъ, спрашивавшій по-русски: „Кто здѣсь, Натали? Съ кѣмъ это ты разговариваешь?"

„Это—американскій путешественникъ, мама, нашедшій способъ отыскать насъ здѣсь въ рудникахъ".

Г-жа Армфельдъ, спавшая за печкой и разбуженная нашимъ разговоромъ, подошла, чтобы поздороваться со мною. Это была исхудавшая, измученная женщина лѣтъ 60, съ мягкими сѣдыми волосами, одухотвореннымъ тонкимъ лицомъ, носившимъ отпечатокъ тяжелыхъ страданій и заботъ; ея опухшіе глаза были обведены темными кругами, которые бываютъ у людей, проведшихъ въ слезахъ долгія, безсонныя ночи. Мое сердце переполнилось симпатіей и состраданіемъ къ этой женщинѣ; никогда еще до сихъ поръ не видѣлъ я такого печальнаго, безнадежнаго, скорбнаго лица. Я остался еще съ полчаса, обѣщавъ притти позже вечеркомъ. Г-жа Армфельдъ сказала мнѣ, что я тогда найду у нея всѣхъ политическихъ вольной команды. Весь горя отъ нервнаго возбужденія, я поспѣшилъ домой, гдѣ меня ожидали съ обѣдомъ. Г-жа Потулова смѣрила меня испытующимъ взоромъ, какъ-бы желая разузнать, что я дѣлалъ весь день, но открыто спросить она не рѣшалась. Это избавило мою преступную совѣсть отъ еще большей тяжести.

Въ 7 часовъ вечера я возвратился обратно къ Армфельдъ, гдѣ засталъ одного политическаго, Куртѣева, и блѣдную хрупкую молодую женщину, по фамиліи Колѣнкина. Это имя напомнило мнѣ ту революціонерку, которая, какъ участница въ заговорѣ противъ генерала Мезенцева, петербургскаго шефа жандармовъ, была сослана на каторгу, хотя участіе ея въ этомъ дѣлѣ было мнимое.

Какъ мнѣ неоднократно уже случалось и раньше, я былъ пораженъ, какой она выглядитъ молодой, нѣжной и невинной, Женщины, въ послѣдніе 15 лѣтъ, принимавшія дѣятельное участіе въ самыхъ тяжелыхъ трагедіяхъ Петербурга, Москвы,

Кіева и Одессы, выказали такую выносливость, такую непоколебимую твердость характера, какъ это рѣдко встрѣчается даже у мужчинъ. Это были хрупкія дѣвушки отъ 18 до 25 лѣтъ, которыхъ я скорѣе принялъ-бы за учительницъ воскресныхъ школъ или робкихъ воспитанницъ какого-нибудь женскаго института. Постепенно въ домикъ г-жи Армфельдъ стали стекаться всѣ политическіе вольной команды. Какъ только раздавался легкій стукъ въ ставни, г-жа Армфельдъ осторожно подходила къ двери, спрашивала, кто тамъ, и, если это оказывался кто-нибудь изъ товарищей, открывала ее и впускала послѣдняго.

Маленькое, тускло освѣщенное помѣщеніе, сдержанное молчаніе, полное страха и тревоги, таинственный стукъ въ ставни, негромкая, но оживленная бесѣда, группа блѣдныхъ мужчинъ и женщинъ, разсматривавшихъ меня съ такимъ напряженнымъ интересомъ, какъ выходца съ того свѣта, все это производило на меня впечатлѣніе какого-то фантастическаго сна. Ничто въ окружающей обстановкѣ не напоминало обыденной жизни. Когда-же политическіе начали разсказывать мнѣ ужасные случаи жестокости, страданія, безумія и самоубійствъ въ рудникахъ, мнѣ чудилось почти, что я прошелъ черезъ тѣ темныя врата, надъ которыми Данте прочелъ угрожающее предупрежденіе: „входящіе сюда, оставьте надежду“. Часовъ около девяти, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я вынулъ свою записную книжку, собираясь записывать въ нее, мы услыхали громкій стукъ въ одну изъ ставенъ. Г-жа Колѣнкина проговорила яснымъ шопотомъ: „Это—жандармы! Не впускай ихъ, скажи имъ, кто здѣсь; можетъ быть, они этимъ удовлетворятся“. Всѣ замолчали, и мнѣ казалось, что я слышу біеніе своего сердца, когда г-жа Армфельдъ подошла къ дверямъ и со спокойнымъ самообладаніемъ сказала жандармамъ: „мы всѣ здѣсь, моя мать, я, Куртѣевъ, госпожа Колѣнкина и...“ другихъ именъ я не разобралъ. Поговоривъ нѣсколько минутъ о томъ и о семъ, жандармы, кажется, удалились; госпожа Армфельдъ закрыла и заперла на задвижку двери и, когда вернулась въ комнату, сказала, улыбаясь: „они удовлетворились; они не настаивали на томъ, чтобы войти въ комнату“. Затѣмъ она прибавила по англійски, обращаясь ко мнѣ; „жандармы посѣщаютъ насъ три раза въ день, чтобы посмотрѣть, чѣмъ мы занимаемся, и удостовѣриться, что мы не убѣжали. Теперь, однако, ихъ посѣщенія скорѣе формальность; они не всегда входятъ въ домъ“.

Прерванный разговоръ скоро снова завязался; больше чѣмъ втеченіи двухъ часовъ я со вниманіемъ слушалъ всевозможные разсказы изъ жизни арестантовъ въ тюрьмѣ на большомъ сибирскомъ трактѣ, въ рудникахъ, и, насколько могъ, отвѣчалъ на неотступные вопросы каторжанъ относительно развитія революціоннаго движенія въ Россіи. Во время разговора мое вниманіе привлекъ одинъ мужчина, котораго до тѣхъ поръ я не замѣчалъ, и который мнѣ не былъ представленъ. Онъ казался лѣтъ тридцати на видъ, съ безцвѣтнымъ своеобразнымъ, безъ всякаго выраженія лицомъ и большими голубыми глазами на выкатъ. Онъ присѣлъ какъ разъ противъ меня на низкую деревянную скамейку, оперся локтями о колѣни, положилъ подбородокъ на ладони и, не спуская съ меня глазъ, пристально смотрѣлъ на меня какимъ-то пустымъ, неестественнымъ взглядомъ. Воспользовавшись первой паузой въ разговорѣ, онъ вдругъ совершенно ни съ того, ни съ сего, беззвучнымъ тономъ, съ разстановкой произнесъ: „У—насъ—есть—здѣсь—наше—собственное—кладбище.—Хотите—Вы—его—посмотрѣть?“

Его манера говорить и содержаніе его вопроса до того поразили меня, что минуту я не находилъ никакого отвѣта; затѣмъ у меня мелькнула мысль, что онъ, должно быть, помѣшанъ. D'Quincey казалось, что стукъ въ ворота послѣ убійства Макбета усиливалъ производимое трагедіей впечатлѣніе и сгущалъ мракъ надо всѣмъ, что предшествовало убійству,—также подѣйствовалъ и на меня этотъ странный ни съ чѣмъ не связанный, внезапный вопросъ, съ напоминаніемъ о безуміи и смерти: подъ вліяніемъ его, разсказы о человѣческихъ страданіяхъ, которые я слышалъ, показались мнѣ еще гораздо болѣе ужасными, и волненіе, овладѣвшее мною передъ лицомъ великой трагедіи каторжной работы, сдѣлалось еще сильнѣе.

Только послѣ полуночи я разстался съ политическими каторжанами и поспѣшилъ домой, но даже морозный воздухъ холодной ночи не могъ охладить моей пылающей крови. Всѣ легли уже спать, кромѣ господина Фроста, который съ тревогой ждалъ моего возвращенія. Я бросился на диванъ у себя въ комнатѣ и пробовалъ заснуть, но все, что я только что видѣлъ и слышалъ, то и дѣло вставало въ моемъ воображеніи, и только подъ утро я, наконецъ, задремалъ.

ГЛАВА V

Государственные преступники въ Карійскихъ рудникахъ

На другой день утромъ мы вмѣстѣ съ Фростомъ отправились къ Армфельдъ. Вечеромъ долженъ былъ вернуться маіоръ Потуловъ изъ Усть-Кары, и я зналъ, что съ его пріѣздомъ видѣться съ политическими мнѣ будетъ очень трудно. Поэтому для меня было очень важно возможно лучше использовать оставшіеся двѣнадцать - четырнадцать часовъ свободы. Конечно, мои сношенія съ политическими долгое время не могли оставаться неизвѣстными администраціи, — рано или поздно они должны были открыться; но я надѣялся получить нужныя мнѣ свѣдѣнія, прежде чѣмъ послѣдуетъ неизбѣжный протестъ со стороны начальства. Заходить днемъ въ дома вольной команды съ нашей стороны было очень рискованно, но мы не могли терять времени и я обѣщалъ г-жѣ Армфельдъ придти къ ней утромъ, если меня не задержатъ непредвидѣнныя обстоятельства.

Въ 15—20 минутъ мы были уже тамъ, и г-жа Армфельдъ сама открыла намъ дверь. При яркомъ солнечномъ свѣтѣ яснаго холоднаго зимняго утра маленькая комната съ ея плохо выбѣленными деревянными стѣнами и окнами безъ занавѣсей показалась мнѣ еще печальнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Посреди комнаты стоялъ мольбертъ съ картиной, нарисованной масляными красками, который рѣзко выдѣлялся изъ всей обстановки и какъ бы придавалъ ей еще болѣе убогій видъ. Въ этомъ соединеніи каторжной работы и искусства, въ этомъ смѣшеніи крайней бѣдности и роскоши было столько противорѣчія, что я, поздоровавшись съ г-жей Армфельдъ, не могъ удержаться, чтобъ не бросить вопросительнаго взгляда на картину, а потомъ и на нее самое. Она поняла мое не-

доумѣніе и, повернувъ мольбертъ ко мнѣ, сказала: „я пробовала нарисовать портретъ своей матери. Она ради другихъ дѣтей въ этомъ году должна вернуться въ Россію. И я чувствую, что больше ея не увижу; она слишкомъ стара и слаба, чтобъ еще разъ пріѣхать сюда, и мнѣ хочется имѣть хоть что-нибудь, что напоминало бы о ней, когда ея здѣсь не будетъ. Я знаю, что это очень плохой портретъ, и мнѣ даже совѣстно Вамъ его показывать, но я хочу съ Вами посовѣтоваться. У меня не хватаетъ красокъ, и достать ихъ здѣсь нельзя; можетъ быть, мистеръ Фростъ дастъ мнѣ указанія, какъ лучше использовать мой скудный матеріалъ“.

Молча, съ симпатіей и съ болью въ душѣ я смотрѣлъ на эту жалкую, пожалуй, даже ужасную картину. Хотя сходства съ оригиналомъ нельзя было не признать, и чувствовалась даже талантливая кисть художницы, но грубый совсѣмъ неподходящій холстъ и жесткія, простыя краски портили впечатлѣніе; каждый штрихъ картины, казалось, говорилъ, что художницѣ, работавшей при очень тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, приходилось бороться съ непреодолимыми трудностями. Больно было видѣть, сколько усилій стоило дочери нарисовать портретъ любимой матери, которую она скоро должна была потерять; но еще тяжелѣе было сознавать, что прежде, чѣмъ пройдетъ годъ, дочь въ изгнаніи останется одна съ нѣмой бездушной картиной—ея единственнымъ утѣшеніемъ. Недостатки портрета сразу бросились въ глаза, но я былъ не въ состояніи критиковать, его, зная, съ какою любовью, при какихъ трудныхъ обстоятельствахъ онъ рисовался. Я предоставилъ это Фросту и, обратившись къ m-me Армфельдъ, спросилъ ее, какъ могла она, въ ея годы, рѣшиться предпринять такое длинное путешествіе—отъ Петербурга въ Карійскіе рудники.

„Я не могла иначе“, сказала она просто. „Богъ знаетъ, сколько оскорбленій здѣсь приходится испытывать несчастнымъ людямъ. Наташу солдаты избили прикладами; другимъ приходилось умирать съ голоду. Въ Петербургъ до меня доходили только неопредѣленные тревожные слухи, и вотъ я пріѣхала сюда, чтобъ увидѣть все собственными глазами. Мысль, что Наташа живетъ одна среди такихъ ужасовъ страшно мучила меня“.

„Когда же все это было?“

„Въ 1882 и 1883 году“, отвѣтила она. „Въ маѣ 1882 года

убѣжало восемь арестантовъ; послѣ этого жизнь политическихъ каторжанъ сдѣлалась невыносимой, такъ что они принуждены были объявить голодовку и тринадцать дней не принимали никакой пищи".

Во время нашего разговора въ комнату вошли Викторъ Кастюринъ, m-me Колѣнкина и двое или трое другихъ политическихъ; m-elle Армфельдъ принесла самоваръ, налила всѣмъ чаю, и между присутствующими завязался оживленный разговоръ. Мнѣ хотѣлось бы читателю нарисовать подробную картину жизни въ Карійскихъ тюрьмахъ, но пока приходится ограничиться разсказами о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ и набросать краткій очеркъ жизни политическихъ каторжанъ въ Карійскомъ округѣ въ теченіе 1880—1885 годовъ.

На слѣдующій день, 7 ноября, послѣ обѣда, я зашелъ къ Армфельдъ съ прощальнымъ визитомъ. Я зналъ, что больше никогда не увижу этихъ несчастныхъ людей, а онѣ, сознавая, что это былъ послѣдній случай поговорить съ тѣмъ, кто вернется на родину и встрѣтится съ ихъ родственниками и друзьями, въ этотъ день были ко мнѣ до трогательности внимательны. Я обѣщалъ имъ повидаться съ графомъ Львомъ Толстымъ и описать ему, въ какихъ условіяхъ онѣ живутъ *), далъ имъ свой адресъ, чтобъ онѣ могли мнѣ написать, если представится возможность, и взялъ отъ нихъ письма къ ихъ родственникамъ въ Европейскую Россію.

Иной читатель, можетъ быть, подумаетъ, что съ моей стороны было непростительнымъ легкомысліемъ брать на себя обязанность почтальона политическихъ каторжниковъ, такъ какъ это считалось преступленіемъ, караемымъ закономъ, и если бы

---

*) Я сдержалъ свое обѣщаніе и разсказалъ Графу Толстому о несчастномъ положеніи семьи Армфельдъ; но онъ и слышать не хотѣлъ о страданіяхъ политическихъ каторжанъ въ Восточной Сибири и даже не взглянулъ на мой дневникъ, который я намѣренно принесъ ему, и прямо сказалъ, что, хотя многіе изъ политическихъ вызываютъ у него сожалѣніе, но онъ не можетъ ничѣмъ помочь имъ и не сочувствуетъ ихъ дѣятельности. Они, продолжалъ онъ, дѣйствовали насиліемъ и отъ насилія же страдаютъ. Въ Москвѣ мнѣ разсказывали, что г-жа Успенская, жена одного политическаго каторжанина съ Кары, просила у графа Толстого денегъ для облегченія положенія политическихъ, сосланныхъ въ рудники, но получила отказъ. Графъ, видимо, не хотѣлъ даже оказать благотворительность тѣмъ людямъ, съ поступками которыхъ онъ былъ не согласенъ.

оно открылось, насъ могли бы арестовать, отобрать наши бумаги и, въ лучшемъ случаѣ, выслать насъ за предѣлы царскаго государства. Я вполнѣ сознавалъ опасность, но не могъ отказаться отъ порученія. Представь себѣ, дорогой читатель, если бы ты былъ политическимъ каторжаниномъ и оставилъ жену или мать на родинѣ, которымъ въ теченіи многихъ годовъ ты не могъ бы дать о себѣ вѣсточки; и къ тебѣ пріѣхалъ бы американскій путешественникъ, который овладѣлъ твоимъ довѣріемъ настолько, что ты ему все разсказалъ, подвергаясь за это опасности снова быть брошеннымъ въ оковахъ въ тюрьму; и вдругъ онъ отказался бы передать письма твоимъ близкимъ,—несомнѣнно, ты считалъ бы его или очень трусливымъ или очень черствымъ человѣкомъ. Я не могъ иначе поступить. Если ссыльные рѣшались писать письма, я не могъ не взять ихъ съ собой. Иногда я самъ даже предлагалъ свои услуги, хотя мнѣ хорошо было извѣстно, что я подвергаюсь, благодаря этому, большому риску.

Съ наступленіемъ сумерекъ я распрощался съ Армфельдъ и другими членами вольной команды и обѣщалъ, если возможно, посѣтить ихъ еще разъ, хотя добавилъ, что мнѣ это кажется почти неосуществимымъ. Маіоръ Потуловъ возвратился въ полночь, и мы увидѣлись только на слѣдующее утро за завтракомъ. При встрѣчѣ онъ былъ вѣжливъ, но холоденъ и даже не пожалъ, какъ обыкновенно, мнѣ руку; я сразу почувствовалъ перемѣну въ нашихъ отношеніяхъ. Поздоровавшись, онъ не сказалъ ни слова и съ озабоченнымъ видомъ принялся за чай. Я ожидалъ подобной встрѣчи и обдумалъ, какъ мнѣ поступить. Маіоръ Потуловъ за время нашего короткаго знакомства успѣлъ внушить мнѣ искреннее уваженіе; онъ дружески принялъ насъ и оказывалъ намъ возможное содѣйствіе, и я хорошо понималъ, что поставилъ его въ очень непріятное положеніе, поэтому мнѣ хотѣлось открыто и чистосердечно передъ нимъ высказаться. Я первый прервалъ молчаніе и разсказалъ, какъ я во время его отсутствія познакомился съ политическими изъ вольной команды.

„Да“, сказалъ онъ, не глядя на меня, „я слышалъ объ этомъ, и“, продолжалъ онъ послѣ короткой паузы „долженъ замѣтить Вамъ, что Вы поступили очень необдуманно“.

„Почему?“ спросилъ я.

„Потому“, продолжалъ онъ, „что иностранцы, имѣющіе тайныя сношенія съ политическими каторжниками, возбу-

ждаютъ подозрѣніе правительства. Это не разрѣшается закономъ, и Вы наживете себѣ большія непріятности".

„Но", возразилъ я, „я ни отъ кого не слышалъ, чтобъ это было запрещено, и, какъ иностранецъ, даже не предполагалъ, что нельзя говорить съ людьми, которые свободно ходятъ по улицамъ и могли тамъ встрѣчаться со мной каждый день. Выпущенные въ вольную команду живутъ не въ тюрьмѣ, они разговариваютъ со всѣми, почему же я не имѣю права съ ними познакомиться?"

„Я получилъ телеграмму отъ губернатора Барабаша" (губернаторъ Забайкальской области, гдѣ находятся Карійскіе рудники)—серьезно сказалъ онъ, „чтобъ не давать Вамъ разрѣшенія на осмотръ политической тюрьмы, и, конечно, въ его желанія также входило, чтобъ Вы не встрѣчались съ политическими каторжанами".

„Вы мнѣ объ этомъ ничего не говорили. Если-бъ я зналъ это раньше, то былъ бы осмотрительнѣе; но я не помню, чтобы вы хоть разъ даже намекнули бы мнѣ, что я не долженъ бывать у политическихъ изъ вольной команды".

„Я и не подозрѣвалъ, что вы замышляете что либо подобное", возразилъ онъ. „Вы никогда не говорили объ этомъ. Впрочемъ", продолжалъ онъ, „это—дѣло капитана Николина; онъ отвѣчаетъ за политическихъ. Я могу васъ только предостеречь и увѣрить, что вы поступили очень неблагоразумно и подвергли себя большой опасности".

Я откровенно объяснилъ маіору Потулову, почему я умолчалъ о своемъ намѣреніи и воспользовался для его осуществленія его отъѣздомъ, добавивъ при этомъ, что я не хотѣлъ его впутывать и навлекать на него даже малѣйшее подозрѣніе. „Никто Васъ не можетъ обвинить, что Вы чѣмъ либо содѣйствовали моему знакомству. Васъ не было, и ясно, что я воспользовался вашимъ отъѣздомъ".

Мои объясненія, видимо, немного успокоили его, и онъ мало-по-малу сдѣлался милъ и любезенъ, но еще разъ повторилъ предостереженіе, что мои сношенія съ политическими могутъ мнѣ повредить.

Вскорѣ послѣ завтрака пришелъ капитанъ Николинъ, начальникъ политической тюрьмы, и сказалъ, что ему нужно переговорить по дѣлу съ маіоромъ Потуловымъ; они ушли въ кабинетъ и бесѣдовали тамъ съ полчаса. Я пошелъ къ себѣ и сталъ приводить въ порядокъ свои записки, а Фростъ

рисовалъ силуэты съ дѣтей маіора въ гостинной, находившейся рядомъ съ кабинетомъ. По уходѣ капитана Николина Фростъ розыскалъ меня и шопотомъ сообщилъ, что ему удалось слышать часть разговора, который ничего хорошаго не предвѣщаетъ. Капитанъ Николинъ, въ виду моихъ сношеній съ политическими, считаетъ необходимымъ произвести обыскъ моихъ бумагъ и записныхъ книжекъ, но маіоръ защищалъ насъ и старался отговорить отъ этого жандармскаго офицера, во избѣженіе скандала. На это Николинъ возразилъ ему, что, если не здѣсь, то все равно въ другомъ мѣстѣ обыскъ будетъ произведенъ. Фростъ былъ очень взволнованъ, но и я чувствовалъ себя не много лучше. Обыскъ въ домѣ Потулова мнѣ представлялся, по меньшей мѣрѣ, невѣроятнымъ; но я боялся, что маіоръ при первомъ же удобномъ случаѣ мнѣ скажетъ: „Егоръ Ивановичъ, капитанъ Николинъ открылъ ваши отношенія съ политическими; онъ знаетъ, что они поручили вамъ передать письма въ Россію. Онъ сегодня утромъ предложилъ мнѣ обыскать ваши вещи. Но вы—мой гость, и я обязанъ былъ заступиться за васъ; къ счастію, мнѣ удалось отговорить его. А теперь я попросилъ бы васъ успокоить меня—дать мнѣ честное слово, что вы не везете отъ нихъ никакихъ писемъ".

Тогда мнѣ пришлось-бы или обмануть своего гостепріимнаго хозяина, или выдать людей, которые мнѣ довѣрились, и къ которымъ я чувствовалъ искреннюю симпатію. И то, и другое было невозможно; однако я сейчасъ же долженъ былъ на что-нибудь рѣшиться—медлить нельзя было ни минуты. Я зналъ, что если найдутъ у меня письма, то г-жу Армфельдъ и другихъ снова могутъ вернуть въ тюрьму, и несчастная m-me Армфельдъ останется одна, съ новымъ горемъ; и кромѣ того эта исторія можетъ послужить причиной обыска и другихъ моихъ бумагъ, въ результатѣ чего пострадаетъ еще много ссыльныхъ и чиновниковъ, снабдившихъ меня различными документальными данными. Подъ вліяніемъ всевозможныхъ предложеній я былъ страшно взволнованъ и всячески избѣгалъ встрѣчи одинъ на одинъ съ маіоромъ Потуловымъ, потому нарочно рано легъ спать, подъ предлогомъ головной боли; но не могъ уснуть всю ночь, обдумывая планъ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, и только къ утру, наконецъ, перешелъ къ рѣшенію—уничтожить письма. Спросить позволенія у ихъ авторовъ я не могъ, но, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства, былъ увѣренъ, что они одобрили бы мой образъ

дѣйствій. Конечно, съ моей стороны было очень жестоко уничтожать эти рукописи, на которыя несчастныя возлагали столько надеждъ,—письма, имѣющія безконечную цѣнность для многихъ отцовъ, матерей, сестеръ и братьевъ, живущихъ въ Россіи;—но другого выхода не было.

Теперь оставалось рѣшить, какимъ образомъ уничтожить письма? Съ тѣхъ поръ какъ мои сношенія съ политическими стали извѣстны, за мной былъ установленъ еще болѣе строгій надзоръ, чѣмъ раньше. Моя комната отдѣлялась отъ столовой и передней только портьерами и находилась въ нижнемъ этажѣ; большое окно безъ занавѣсей въ любой моментъ могло обратить вниманіе вооруженнаго часового, стоявшаго день и ночь у крыльца. Если-бы я разорвалъ письма,—ихъ можно-бы было снова составить; если бы я ихъ сжегъ, то запахъ жженой бумаги выдалъ бы меня и, кромѣ того, я могъ быть застигнутъ врасплохъ, ибо маіоръ часто заходилъ ко мнѣ безъ предупрежденія. Черезъ полчаса послѣ того, какъ я всталъ, въ комнату вошелъ солдатъ и затопилъ большую изразцовую печь. Тогда у меня мелькнула мысль—улучить моментъ, пока маіоръ будетъ въ сосѣдней комнатѣ разговаривать съ Фростомъ, а часового не будетъ по близости, и незамѣтно бросить письма въ огонь. Выйдя въ переднюю, я удостовѣрился, что оттуда не грозитъ никакой опасности, и осторожно отворилъ желѣзную дверцу печки, затѣмъ, осмотрѣвшись кругомъ и убѣдившись, что часовой не смотритъ въ окно, быстро кинулъ письма на горящіе уголья. Черезъ пять минутъ они исчезли безслѣдно. Потомъ я зачеркнулъ нѣкоторыя имена въ своей записной книжкѣ или записалъ ихъ шифромъ и приготовился къ обыску.

Вспоминая теперь о своемъ пребываніи на Карѣ, я не могу себѣ простить два поступка. Первый—это исторія съ письмами. Послѣ я не видался съ политическими и не имѣлъ возможности имъ объяснить, что меня заставило сжечь письма;—теперь для многихъ изъ нихъ мои объясненія уже не нужны. Наталья Армфельдъ умерла черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего отъѣзда отъ скоротечной чахотки, и письма, посланныя ею со мной и сожженныя, можетъ быть, были послѣдними, которыя ей удалось написать. Честнаго слова никто отъ меня не требовалъ, никто не обыскивалъ моихъ вещей, и я свободно могъ эти письма довезти до мѣста назначенія, какъ и многія другія.

Второй печальный случай въ моихъ воспоминаніяхъ о Карѣ, который я хотѣлъ бы совсѣмъ вычеркнуть изъ своей жизни, это то, что я не навѣстилъ Эдуарда Веймара, одного выдающагося политическаго каторжанина изъ вольной команды, который во время моего пріѣзда на Кару лежалъ въ послѣднемъ градусѣ скоротечной чахотки. Онъ былъ врачъ, лѣтъ 35, изъ богатой знатной семьи, до ссылки жилъ въ Петербургѣ, занимая большую квартиру на Невскомъ проспектѣ, вблизи Адмиралтейской площади, и нѣкоторое время былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ теперешней императрицей. Въ русско-турецкую кампанію 1877—78 г. г. онъ занималъ должность главнаго врача при военномъ госпиталѣ, за отличную службу получилъ кавалерскій орденъ Анны и три или четыре креста за храбрость во время сраженія; генералъ Гурко, съ которымъ онъ переходилъ Балканы, чрезвычайно цѣнилъ его. На основаніи ничтожныхъ уликъ, послѣ годичнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости, онъ былъ осужденъ, какъ революціонеръ, и сосланъ въ Карійскіе рудники. По поводу его процесса лондонская газета „Times“ въ своей передовой статьѣ пишетъ слѣдующее: „Нашъ петербургскій корреспондентъ сообщаетъ намъ въ телеграммѣ, которую мы публикуемъ сегодня утромъ, приговоръ, вынесенный вчера преступникамъ, принимавшимъ участіе въ нигилистическомъ заговорѣ. Эти, такъ называемые, политическіе процессы, съ точки зрѣнія западно-европейскаго наблюдателя, являются ничѣмъ инымъ, какъ гнусной пародіей на правосудіе, и доказываютъ, что военное положеніе даетъ просторъ самому возмутительному произволу. Военный судъ въ другихъ странахъ имѣетъ то преимущество, что быстро и строго наказываетъ преступленія; но военные суды въ Россіи отличаются ужасной медлительностью, крайне нелогичны въ своемъ методѣ и возмутительно жестоки по своимъ приговорамъ...

Среди обвиняемыхъ былъ докторъ Веймаръ, человѣкъ, который могъ быть гордостью своего отечества. Съ виду онъ— истый джентльменъ. Какъ врачъ, онъ отдалъ всю свою жизнь и всѣ знанія на пользу страдающаго человѣчества. Грудь его украшена русскимъ и румынскимъ орденами, медалью за турецкую войну (впрочемъ, это можно было сказать до вчерашняго дня— теперь онъ только рабъ въ смертоносныхъ рудникахъ). Онъ принималъ участіе въ переходѣ русскихъ войскъ черезъ Балканы подъ командой Гурко,—въ этомъ

блестящемъ геройскомъ подвигѣ. При составленіи противъ него обвиненія факты были до того раздуты и умышленно извращены, что въ самомъ отчаянномъ фарсѣ они показались бы преувеличенными.

Если вѣрить отчетамъ о процессѣ, всѣ фантастическія измышленія Mr. Iustise Hatedood Bunyans'a и Grippeminaud Rabelais стушевались бы передъ фантастичностью дѣйствительности.

Для дачи показаній относительно характера д-ра Веймара были вызваны свидѣтели. Всѣ они отзывались съ большой похвалой, какъ о его нравственныхъ качествахъ, такъ и о его храбрости на войнѣ. Это было не въ интересахъ обвиненія. Если даже обвиненія противъ доктора Веймара и были справедливы, то можно было только сказать, что этотъ выдающійся человѣкъ и заслужившій всеобщее уваженіе гражданинъ настолько безнадежно смотрѣлъ на положеніе своего отечества, что былъ вовлеченъ нѣкоторыми злодѣями, какъ Соловьевъ, въ заговоръ и содѣйствовалъ другимъ убійцамъ. На судѣ противъ него не было ни одного показанія, которое освѣщало бы его личность въ невыгодномъ свѣтѣ или, по крайней мѣрѣ, опровергало бы вышеприведенную характеристику. Прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи сказалъ: „Милостивые государи, я могъ бы привести цѣлый рядъ свидѣтелей, показанія которыхъ оказались бы какъ разъ противоположными даннымъ. Но къ несчастью они всѣ не явились". Конечно, для военнаго суда слово предсѣдательствующаго генерала имѣло рѣшающее значеніе... Этотъ процессъ наглядно показываетъ, въ какомъ ужасномъ состояніи находится русское общество и русское правосудіе. Или грубый произволъ былъ причиной, что такой честный и во всѣхъ отношеніяхъ безупречный гражданинъ сдѣлался измѣнникомъ, или докторъ Веймаръ былъ осужденъ невинно. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ этотъ процессъ, если свѣдѣнія о немъ вѣрны, былъ позоромъ даже для военнаго суда".

Великая княгиня Дагмара, теперешняя императрица, больницей которой д-ръ Веймаръ завѣдывалъ во время русско-турецкой войны, чувствовала къ нему большую симпатію и была увѣрена въ его невинности; но даже она не могла его спасти. Сдѣлавшись императрицей въ 1881 году, она отправила полковника Порда въ Карійскіе рудники, чтобъ даровать свободу д-ру Веймару подъ условіемъ, что онъ дастъ честное

слово не предпринимать ничего враждебнаго противъ правительства. Докторъ Веймаръ заявилъ, что онъ не можетъ дать такого обѣщанія, пока не узнаетъ, въ какомъ положеніи находится его родина при новомъ императорѣ (Александрѣ III). Если правительство отпуститъ его въ Петербургъ на честное слово или подъ конвоемъ, тогда онъ, познакомившись съ состояніемъ дѣлъ въ Россіи, дастъ окончательный отвѣтъ; а пока онъ не можетъ себя связывать обѣщаніемъ, не видавъ, какъ управляется теперь Россія. Полковникъ Нордъ много разъ съ нимъ видѣлся и всячески старался повліять на него, но напрасно.

Когда мы съ Фростомъ пріѣхали въ Карійскіе рудники, д-ръ Веймаръ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, но лежалъ въ послѣднемъ періодѣ чахотки, которую онъ получилъ, благодаря ужаснымъ условіямъ сибирскихъ тюремъ. Его товарищи просили меня зайти къ нему въ ту ночь, когда я былъ у г-жи Армфельдъ; причемъ сказали, что онъ настолько слабъ, что еле говоритъ и каждый моментъ можетъ умереть. Но я побоялся своимъ внезапнымъ посѣщеніемъ въ полночный часъ испугать умирающаго человѣка, зная, что мои визиты на г-жу Армфельдъ и другихъ политическихъ, чувствовавшихъ себя сравнительно хорошо, производили страшно сильное впечатлѣніе. Впослѣдствіи я горько и искренно раскаивался въ этомъ. Докторъ Веймаръ умеръ, и я такъ и не видалъ его. Черезъ шесть мѣсяцевъ, когда я на обратномъ пути изъ Сибири былъ въ Петербургѣ, меня посѣтила одна очень образованная и интересная дама—невѣста д-ра Веймара, съ которой онъ обручился передъ ссылкой. Она слышала, что я былъ на Карѣ во время смерти ея жениха и пришла ко мнѣ, надѣясь, что я привезъ ей отъ него письмо или, по крайней мѣрѣ, послѣдній привѣтъ. Въ ноябрѣ прошлаго года, когда она собиралась ѣхать въ Сибирь, чтобы на Карѣ сдѣлаться женой доктора Веймара, пришла телеграмма отъ капитана Николина съ краткимъ извѣстіемъ о его смерти. Хотя съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ шесть мѣсяцевъ, она ничего болѣе не слыхала. Ни д-ръ Веймаръ передъ своей смертью, ни его друзья послѣ того, какъ онъ умеръ, не получили разрѣшенія написать ей; я былъ ея послѣдней надеждой. Читатель, вѣроятно, можетъ себѣ представить, какъ тяжело было мнѣ ей сказать, что передъ смертью я могъ его видѣть и могъ бы привезти ей послѣднюю вѣсточку, но что я не былъ

у него. Мнѣ пришлось пережить много грустнаго въ своей жизни, но это была самая тяжелая обязанность, какая когда либо выпадала на мою долю.

Потомъ я самъ былъ у этой дамы и провелъ у нея цѣлый вечеръ. Она разсказала мнѣ исторію геройской и самоотверженной жизни д-ра Веймара, читала мнѣ письма, которыя онъ писалъ ей изъ Болгаріи, съ поля сраженія, и наконецъ показала мнѣ, заливаясь слезами, самую священную и дорогую для нея вещь, сдѣланную имъ самимъ въ Карійской тюрьмѣ, которую онъ тайно прислалъ ей на память, въ знакъ своей любви.

Это была полоса грубаго холста, который обыкновенно употреблялся для арестантскихъ рубашекъ,—около трехъ дюймовъ ширины и почти въ пятнадцать футовъ длины; вдоль всей ея, съ одного конца до другого, со вкусомъ были вышиты грубыми дешевыми цвѣтными нитками геометрическія фигуры.

„Какія мысли вылились въ этой работѣ“, сказала она, едва сдерживая рыданія.

Послѣ нашего послѣдняго визита къ г-жѣ Армфельдъ мы оставались еще пять дней на Карѣ, но за это время намъ не удалось ничего болѣе сдѣлать, такъ какъ за нами былъ установленъ самый строгій надзоръ. Теперь я попытаюсь систематизировать всѣ полученныя мною на мѣстѣ свѣдѣнія и разсказать читателю въ этой и слѣдующихъ главахъ длинную и ужасную исторію исправительной колоніи на Карѣ *).

---

*) Достовѣрность почти всѣхъ нижеприведенныхъ фактовъ тщательно провѣрена, большая часть ихъ заимствована изъ оффиціальныхъ источниковъ. Можетъ быть, въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ и вкралась маленькая ошибка, но отъ этого сущность дѣла не мѣняется: мы имѣемъ достаточно данныхъ, истинность которыхъ можетъ быть доказана даже передъ русскимъ судомъ,—являющихся прекраснымъ матеріаломъ для исторіи Кары. Факты относительно полковника Кононовича и его отношенія къ Карійскимъ рудникамъ и тюрьмамъ получены частью отъ политическихъ каторжанъ, частью отъ чиновниковъ въ Карѣ, Читѣ, Иркутскѣ и Петербургѣ. Письмо, въ которомъ Кононовичъ отказывается отъ должности губернатора Карійской исправительной колоніи, имѣется и въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и всѣ подробности его отставки извѣстны не только политикамъ, но и многимъ чиновникамъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя соображенія удерживаютъ меня огласить источники, которыми я пользовался. Мои разсказы произвели бы еще болѣе сильное внечатлѣніе, если бы я считалъ

Первая небольшая партія государственныхъ преступниковъ была отправлена на Кару еще въ 1873 году, но только съ 1879 года ссылка политиковъ въ Карійскіе рудники стала практиковаться регулярно русскимъ правительствомъ. До 1879 года большинство политическихъ, осужденныхъ въ каторжныя работы, содержалось въ одиночномъ заключеніи или въ казематахъ „каторжнаго отдѣленія“ Петербургской Петропавловской крѣпости или въ центральной Харьковской каторжной тюрьмѣ. Но, съ развитіемъ революціоннаго движенія, когда тюрьмы въ Европейской Россіи буквально переполнились политическими преступниками, министръ внутреннихъ дѣлъ началъ отправлять наиболѣе важныхъ изъ нихъ, приговоренныхъ къ каторгѣ, въ Карійскіе рудники, гдѣ они помѣщались въ тюрьмахъ, предназначавшихся первоначально для уголовныхъ каторжанъ *).

Въ декабрѣ 1880 года въ тюрьмахъ Кары находилось около 80 политическихъ, кромѣ того, девять человѣкъ отбыли „срокъ испытанія“ и жили въ вольной командѣ въ маленькихъ избахъ. Большинство мужчинъ должно было работать вмѣстѣ съ уголовными на золотыхъ пріискахъ; но рабочій день тамъ не былъ слишкомъ длиненъ, поэтому они смотрѣли на работу въ рудникахъ, какъ на удовольствіе, и предпочитали вмѣсто того, чтобы дышать скверной зараженной атмосферой тюремныхъ камеръ, работать 6—8 часовъ на свѣжемъ воздухѣ.

Начальникомъ Карійской исправительной колоніи въ то время былъ полковникъ Кононовичъ,—очень образованный, умный и симпатичный человѣкъ, котораго еще и теперь государственные преступники Восточной Сибири вспоминаютъ съ благодарностью и уваженіемъ. Онъ былъ не революціонеръ

возможнымъ доказать, что своими свѣдѣніями я обязанъ весьма компетентнымъ лицамъ, общественное положеніе которыхъ даетъ достаточную гарантію ихъ безпристрастности.

*) Политической тюрьмы тогда еще не существовало, и государственные преступники размѣщались въ уголовныхъ тюрьмахъ, гдѣ были устроены такъ называемыя секретныя или одиночныя камеры. Спустя нѣкоторое время политики были переведены на Среднюю Кару въ старое зданіе, выстроенное вдали отъ селеній, и жили тамъ всѣ вмѣстѣ въ одной большой камерѣ. Какъ и уголовные, они должны были ежедневно работать на золотыхъ пріискахъ, а по истеченіи „срока испытанія“ ихъ выпускали изъ тюрьмы и зачисляли въ вольную команду.

и не сочувствовалъ даже революціи, но онъ понималъ, что многіе изъ „политическихъ преступниковъ“, мужчины и женщины, были образованные и интеллигентные люди, которыхъ несправедливость и произволъ довели до отчаянія; онъ зналъ, хотя и порицалъ ихъ способъ дѣйствій, что побудительной причиной ихъ дѣятельности была самоотверженная любовь къ родинѣ и человѣчеству. Поэтому онъ относился къ нимъ съ симпатіей и уваженіемъ и старался по возможности облегчить ихъ судьбу. Въ Карійскихъ тюрьмахъ тогда было много политическихъ, которые по распоряженію жандармовъ, въ наказаніе были прикованы къ тачкѣ *).

Полковникъ Кононовичъ считалъ безчеловѣчнымъ примѣнять такое позорное наказаніе къ людямъ съ сильнымъ характеромъ и большимъ образованіемъ; и хотя безъ предписанія изъ Петербурга онъ не могъ его отмѣнить, но распорядился во время обхода имъ тюремъ освобождать заключенныхъ отъ тачекъ, чтобы самому, по крайней мѣрѣ, не видѣть этой тяжелой картины. Гуманность и сочувствіе къ страданіямъ другихъ, выразившееся въ этомъ распоряженіи, вообще характеризовали отношенія полковника Кононовича къ политическимъ преступникамъ за все время его пребыванія на Карѣ; и, поскольку было въ его власти, онъ относился къ нимъ съ рѣдкой добротой и уваженіемъ, понимая, что ихъ жизнь и безъ того очень тяжела.

Къ концу 1880 года министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ цѣлый рядъ циркуляровъ, которые явно имѣли цѣлью лишить политическихъ нѣкоторыхъ ихъ привиллегій и усилить ихъ наказаніе. Прежде всего имъ запрещалась какая бы то ни было переписка съ ихъ родственниками. Это ничѣмъ неоправдываемое запрещеніе было страшнымъ лишеніемъ для тѣхъ, у которыхъ остались въ Европейской Россіи жены, дѣти, отцы и матери.

*) Это наказаніе еще и теперь допускается закономъ и примѣняется къ преступникамъ, ссылаемымъ на пожизненную каторгу. Арестантъ приковывается цѣпью, соединенной съ ножными кандалами, къ небольшой рудничной тачкѣ. Эта цѣпь настолько длинна, что даетъ ему возможность свободно двигаться, но безъ тачки онъ не можетъ никуда уйти, не можетъ даже пройти по своей камерѣ. Даже ложась спать, онъ остается прикованнымъ къ тачкѣ. На Карѣ четверо политическихъ были наказаны такимъ образомъ: Попеко, Березникъ, Фомичевъ и Щедринъ. Послѣдній былъ освобожденъ отъ тачки только въ 1884 г. Подвергались ли другіе потомъ такому унизительному наказанію,—я не знаю.

Потомъ они не должны были больше работать на золотыхъ пріискахъ и такимъ образомъ лишались единственной возможности входить въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, дышать и двигаться на свѣжемъ воздухѣ. Наконецъ, въ серединѣ декабря 1880 года губернаторъ получилъ приказъ упразднить вольную команду и всѣхъ выпущенныхъ на свободу снова водворить въ тюрьму, заковать ихъ въ цѣпи и остричь имъ половину головы *).

Полковникъ Кононовичъ считалъ это приказаніе безсмысленнымъ и жестокимъ и пробовалъ всѣми способами добиться его отмѣны или, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго измѣненія. Но его ходатайства остались безрезультатными; 28 декабря онъ созвалъ членовъ вольной команды, прочелъ имъ циркуляръ министра и сказалъ, что всѣ его усилія повліять на смягченіе циркуляра ни къ чему не повели, но онъ на свою личную отвѣтственность даетъ имъ еще три дня свободы для приведенія въ порядокъ своихъ домашнихъ дѣлъ. Утромъ 1-го января 1881 года они должны были явиться въ тюрьму. Это извѣстіе для многихъ членовъ вольной команды было страшнымъ ударомъ. Въ продолженіи двухъ лѣтъ они пользовались относительной свободой и жили въ своихъ собственныхъ избушкахъ, многіе съ женами и дѣтьми, которыя пріѣхали къ нимъ за пять тысячъ миль. Черезъ какіе-нибудь три дня они должны будутъ разстаться съ своими семьями и въ кандалахъ снова будутъ брошены въ тюрьму. Нѣкоторые

*) Всѣ эти предписанія исходили отъ либеральнаго министра Лорисъ-Меликова, и я никакъ не могу понять противорѣчіе въ его отношеніяхъ къ либеральной партіи и къ осужденнымъ государственнымъ преступникамъ. Нѣкоторые чиновники, съ которыми я бесѣдовалъ по этому поводу въ Сибири, высказывались откровенно, что министръ поставилъ себѣ цѣлью сдѣлать жизнь политическихъ невыносимой. Другіе держались того мнѣнія, что онъ былъ человѣкъ, недостаточно освѣдомленный и дѣйствовалъ по недоразумѣнію, предполагая, что теперешніе политическіе заслуживали не большей симпатіи, чѣмъ декабристы 1828 года. Съ декабристами—хотя они были и родовитые дворяне—поступали очень жестоко, и съ современными нигилистами, стало быть, не слѣдуетъ обращаться лучше. Многіе политическіе ссыльные, которыхъ я встрѣчалъ въ Сибири, считали сочувственное отношеніе Меликова къ либеральнымъ и прогрессивнымъ партіямъ неискреннимъ и лицемѣрнымъ; а я думаю, что всѣ его циркуляры были изданы подъ вліяніемъ какого-либо другого лица, а самъ онъ мало задумывался о ихъ значеніи.

оставляли въ исправительной колоніи женъ и дѣтей на произволъ судьбы, другіе, измученные физически, заранѣе знали, что тяжелое заключеніе ускоритъ ихъ конецъ, и всѣ съ ужасомъ думали объ оковахъ, зараженномъ воздухѣ, насѣкомыхъ и о другихъ безчисленныхъ мученіяхъ тюремной жизни.

Въ вольной командѣ жилъ тогда одинъ молодой юристъ, 33 лѣтъ, нѣкто Евгеній Семеновскій. Онъ былъ сыномъ извѣстнаго Кіевскаго врача, отличался благороднымъ характеромъ и выдающимися способностями; до ареста онъ жилъ въ Петербургѣ и занимался адвокатурой; къ каторжнымъ работамъ былъ приговоренъ за то, что имѣлъ какое-то отношеніе въ революціонной газетѣ „Впередъ“. Послѣ четырехъ или пяти лѣтъ жизни на каторгѣ его здоровье настолько расшаталось, что его выпустили изъ тюрьмы и перевели въ вольную команду. Наканунѣ новаго года, на прощальной вечеринкѣ, Семеновскій казался очень грустнымъ и, прощаясь съ товарищами, былъ какъ то неестественно возбужденъ и растроганъ. Около двухъ часовъ утра Чарушинъ,—политическій каторжанинъ, въ домѣ котораго жилъ Семеновскій—былъ разбуженъ ружейнымъ выстрѣломъ. Онъ поспѣшилъ въ комнату Семеновскаго и нашелъ его съ простр ѣленной головой. Семеновскій жилъ еще около часу и, не приходя въ сознаніе, скончался. На столѣ лежало письмо къ его отцу и записка Чарушину, гдѣ онъ просилъ, если возможно, отправить поскорѣе письмо по адресу. Письмо было слѣдующаго содержанія:

Ночь, канунъ 1880—1881 года.

„Мой милый отецъ. Только что я вернулся отъ товарищей, съ которыми проводилъ старый годъ. Новый начинается для насъ при очень грустныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ. Ты, навѣрно, получилъ письмо отъ жены одного изъ моихъ товарищей, которую я просилъ тебѣ сообщить, что намъ запретили писать письма даже своимъ родителямъ. Какъ не безсмысленно и не безчеловѣчно было это запрещеніе, но насъ ожидало еще худшее, о чемъ я еще не зналъ, когда писалъ то письмо. Спустя приблизительно десять дней, намъ сообщили, что мы должны будемъ всѣ вернуться въ тюрьму и снова носить цѣпи и кандалы. Насъ девять человѣкъ: Шишко, Чарушинъ, Квятковскій, Успенскій, Союзовъ, Богдановъ, Терентьевъ, Тевдуль и я, мы всѣ въ теченіе двухъ лѣтъ поль-

зовались относительной свободой. Съ тѣхъ поръ, какъ Лорисъ-Меликовъ запретилъ намъ писать письма, чего либо хорошаго ожидать было трудно; въ каждомъ параграфѣ были видны намеки, что насъ не оставятъ въ покоѣ. Завтра утромъ мы должны вернуться въ тюрьму. Если бы не довѣріе, оказанное намъ полковникомъ Кононовичемъ, мы сейчасъ же, по полученіи этого приказанія, были бы арестованы и заключены въ тюрьму. Но онъ далъ намъ отсрочку еще на нѣсколько дней для устройства нашихъ дѣлъ. Въ послѣдній разъ мы воспользовались нашей свободой, чтобы вмѣстѣ проводить старый годъ и встрѣтить новый. Я хочу ее использовать еще для другой цѣли. Не будетъ ли это нарушеніемъ довѣрія полковника Кононовича!? но если это даже и такъ, то все-таки я долженъ исполнить свое намѣреніе.

Иной, прочтя слова „они возвращаются въ тюрьму“, сравнитъ насъ съ овцами, которыя добровольно идутъ на бойню; но такое сравненіе было бы совершенно невѣрно. Бѣгство—единственное средство для насъ,—но какъ и куда бѣжать при температурѣ 35° холода и безъ всякихъ приготовленій? Почему ничего не сдѣлано въ этомъ отношеніи ты, навѣрно, знаешь, если получилъ мое письмо въ августѣ.

Я рѣшилъ, во что бы то ни стало, бѣжать, разсчитывая, что приказъ вернуться въ тюрьму придетъ весной; тогда у меня была еще надежда на успѣхъ, ибо къ тому времени я могъ ды сдѣлать нужныя приготовленія къ побѣгу. Но судьба рѣшила иначе. Я чувствую, что мои силы слабѣютъ съ каждымъ днемъ, и знаю, что физическое нездоровье скоро повліяетъ и на мои умственныя способности, такъ что въ перспективѣ мнѣ грозитъ полнѣйшій идіотизмъ; еще теперь я живу на свободѣ. А что станетъ со мной въ тюрьмѣ? У меня была единственная надежда, которая поддерживала во мнѣ желаніе жить, это вернуться на родину и служить тому великому дѣлу, которому я посвятилъ свою жизнь. Но какую пользу дѣлу можетъ принести человѣкъ, разбитый нравственно и физически? Что можетъ быть впереди? Въ чемъ найти удовлетвореніе? Личное самоусовершенствованіе? Но и это не удовлетворило бы меня, а безчеловѣчныя притѣсненія начальства измучаютъ меня прежде, чѣмъ успѣешь чего либо достигнуть. Поэтому я убѣдился, что у меня нѣтъ цѣли жизни, и я имѣю право прекратить безсмысленныя, никому ненужныя страданія. Я давно уже страшно усталъ, только мысль о ро-

динѣ до сихъ поръ удерживала меня отъ самоубійства. Я знаю, милый Саша *), что тебѣ и всѣмъ близкимъ я доставляю большое горе; но неужели Ваша любовь не такъ велика, чтобы простить самоубійство человѣку, у котораго нѣтъ силъ больше жить. Поймите же, что я за послѣдній годъ такъ измучился, что съ радостью жду смерти. Ради всего дорогого Вамъ умоляю простить меня. Поймите, что мои послѣднія мысли были о Васъ,—я остался бы жить, чтобы не причинять Вамъ горя, если бы у меня были силы, но ихъ нѣтъ. Безуміе или смерть,—вотъ единственная альтернатива, которая стоитъ передо мной; я предпочитаю послѣднее.

Прощай навсегда, мой дорогой, добрый отецъ и другъ! Прощай, Саша! и ты мой младшій братъ, котораго я почти не знаю. Поймите, что лучше умереть такъ, какъ я умираю, чѣмъ прозябать и влачить жалкое существованіе. Еще разъ прощайте. Не думайте дурного о Вашемъ сынѣ и братѣ, который въ своей смерти нашелъ утѣшеніе.

Евгеній".

Прахъ Евгенія Семеновскаго покоится на политическомъ кладбищѣ въ Восточной Сибири, на одинокомъ холмѣ, называемомъ „каторжной головой". Простой деревянный крестъ на его могилѣ скоро сгніетъ, и никто не будетъ знать, гдѣ нашелъ себѣ послѣднее успокоеніе этотъ талантливый, самоотверженный человѣкъ, который могъ бы быть прекраснымъ работникомъ въ борьбѣ за свободу и справедливость. Полковникъ Кононовичъ былъ внѣ себя, когда узналъ о самоубійствѣ Семеновскаго; но это было только начало цѣлаго ряда трагедій на Карѣ послѣ правительственныхъ репрессій.

Вскорѣ послѣ самоубійства Семеновскаго отравился Радинъ растворомъ сѣрныхъ спичекъ. Успенскій повѣсился въ банѣ, а г-жа Ковалевская, сестра извѣстнаго русскаго экономиста**), сошла съ ума; она постоянно кричала, била окна въ своей камерѣ, и припадки буйства до того бывали сильны, что на нее приходилось надѣвать смирительную рубашку.

Полковникъ Кононовичъ глубоко былъ потрясенъ этими страшными картинами человѣческихъ страданій и рѣшилъ

*) Братъ Семеновскаго.

**) Г-нъ В. Воронцовъ; авторъ книги „Судьбы капитализма въ Россіи"; и цѣлаго ряда экономическихъ статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы", „Отечественныхъ запискахъ" и „Русской Мысли".

отказаться отъ мѣста начальника Карійской исправительной колоніи какія бы послѣдствія это для него не повлекло. Онъ написалъ генералъ-губернатору Восточной Сибири и министру внутреннихъ дѣлъ откровенное и смѣлое письмо, гдѣ называетъ новыя распоряженія относительно политическихъ преступниковъ не только неблагоразумными, но и жестокими, и между прочимъ говоритъ, что жизнь для политическихъ при новомъ режимѣ будетъ равносильна казни. Онъ не палачъ и не можетъ исполнять приказанія, противорѣчащія его совѣсти; поэтому онъ подаетъ въ отставку. Отставка была принята; лѣтомъ 1881 года полковникъ Кононовичъ оставилъ Карійскіе рудники и, спустя нѣкоторое время, отправился въ Петербургъ. Проѣздомъ въ Иркутскѣ, онъ имѣлъ разговоръ съ генералъ-губернаторомъ Анучинымъ, который въ отвѣтъ на всѣ его объясненія презрительно замѣтилъ: „Человѣкъ съ Вашими взглядами, полковникъ Кононовичъ, конечно, не годится для должности начальника Карійскихъ тюремъ и рудниковъ; я сомнѣваюсь, можетъ ли такой человѣкъ, какъ Вы, вообще оставаться на государственной службѣ“.—„Прекрасно“, отвѣтилъ Кононовичъ, „тогда я совсѣмъ выхожу въ отставку“.

Въ Петербургѣ, вскорѣ по пріѣздѣ, полковникъ Кононовичъ видѣлся съ г. Дурново, секретаремъ министра Внутреннихъ Дѣлъ и ему, между прочимъ, сказалъ: „Съ моей стороны не было никакихъ противозаконныхъ дѣйствій и попустительствъ, я никогда не отрицалъ необходимости дисциплины. Если вы хотите, чтобъ политическіе преступники на Карѣ подчинялись дисциплинѣ и относились съ уваженіемъ къ правительству, то посылайте туда людей съ моими взглядами на вещи. Доказательствомъ того, что я не преслѣдовалъ никакихъ личныхъ цѣлей служитъ мое поведеніе, которое было опасно для меня самого. Къ Вамъ, вѣроятно, поступало на меня не мало доносовъ отъ моихъ же коллегъ. Но я этого не боюсь и руководствуюсь только своей совѣстью; противъ нея я никогда не пойду. Послѣднія правительственныя распоряженія сдѣлали для меня невозможнымъ дольше оставаться начальникомъ Карійскихъ тюремъ, и я подалъ въ отставку. Если бы мнѣ пришлось еще разъ попасть въ такія обстоятельства, я поступилъ бы также“. Дальнѣйшая исторія Карійской исправительной колоніи, которую я разскажу въ слѣдующей главѣ, я думаю не разъ заставила г. Дурново вспоминать правдивыя и смѣлыя слова Кононовича.

Къ сожалѣнію, у меня мало отрадныхъ воспоминаній о сибирскихъ тюрьмахъ и тюремной администраціи, и поэтому я съ особеннымъ удовольствіемъ могу сказать, что о полковникѣ Кононовичѣ я слышалъ только хорошее. Среди политическихъ и лучшей части чиновничества и мѣстнаго общества господствовало мнѣніе, что онъ гуманный, симпатичный, сердечный человѣкъ и неподкупный, интеллигентный и безстрашный чиновникъ. Почти всѣ реформы, введенныя въ Карійской исправительной колоніи за послѣднія 25 лѣтъ, совпадаютъ съ тѣмъ временемъ, когда полковникъ Кононовичъ былъ начальникомъ. Поэтому искренно приходится пожалѣть, что онъ буквально былъ выгнанъ изъ Сибири гнусной продажной бандой русскаго чиновничества. Они обвиняли его въ „слабости“, „сентиментальности“ и называли „соціалистомъ“, сочувствующимъ взглядамъ политическихъ преступниковъ. Нерчинскій исправникъ въ клубѣ одного города публично хвастался, что онъ заставитъ полковника Кононовича прогуляться въ Якутскую губернію съ бубновымъ тузомъ на спинѣ. Слѣдующій анекдотъ показываетъ, что даже высшее начальство охотно пользовалось всякими мелкими доносами, чтобы его скомпрометтировать. Въ послѣдній годъ его службы на Карѣ туда былъ присланъ одинъ молодой политикъ—Бибиковъ. Постоянныя оскорбленія и безконечныя мытарства по этапу сдѣлали юношу дикимъ и недовѣрчивымъ; онъ смотрѣлъ травленнымъ волкомъ и, казалось, всюду видѣлъ своихъ враговъ, при встрѣчѣ съ каждымъ чиновникомъ онъ сразу какъ-то съеживался, точно ожидая удара, и въ тоже время принималъ воинственный видъ. Полковникъ встрѣтилъ его вѣжливо и ласково, послалъ ему черезъ жену одного изъ политическихъ чистаго бѣлья, позаботился о его здоровьѣ и увѣрялъ, что его здѣсь никто не будетъ ни бить, ни оскорблять. Молодой каторжанинъ былъ очень удивленъ такимъ пріемомъ и въ одномъ письмѣ къ своему другу въ Европейской Россіи писалъ: „Послѣ знакомства съ полковникомъ Кононовичемъ я, къ своему удовольствію, убѣдился, что русскій полковникъ не всегда бываетъ звѣремъ“. Это письмо въ Россіи попало въ руки полиціи и было отослано министромъ Внутреннихъ Дѣлъ губернатору Забайкалья—генералу Ильяшевичу, а послѣдній перепроводилъ его полковнику Кононовичу съ требованіемъ дать объясненія. Повидимому, это письмо въ глазахъ высшей администраціи служило письменнымъ доказательствомъ, что

отношенія начальника Кары къ политическимъ носили подозрительно дружескій характеръ. Кононовичъ не счелъ нужнымъ вступать по этому поводу въ переписку и отвѣта не послалъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ по дѣламъ службы былъ въ Читѣ и видѣлся съ губернаторомъ Ильяшевичемъ; тотъ спросилъ его, получилъ ли онъ извѣстное письмо.

„Разумѣется“, сказалъ Кононовичъ, „но какого же отвѣта Вы ждали отъ меня? Можетъ быть, я долженъ былъ извиниться, что меня считаютъ человѣкомъ, а не звѣремъ?“

Губернаторъ не нашелся ничего возразить на такое остроумное замѣчаніе и сказалъ, что тутъ, очевидно, какое-нибудь недоразумѣніе, въ которомъ виноватъ его секретарь; дѣло было прекращено.

Послѣ Кары полковникъ Кононовичъ былъ назначенъ командующимъ казачьими войсками Забайкальскаго округа. Въ самомъ же началѣ ему пришлось тамъ натолкнуться на цѣлый рядъ злоупотребленій: нѣкоторые изъ офицеровъ съ исправникомъ во главѣ систематически брали съ новобранцевъ взятки, освобождая ихъ отъ военной службы за 200—300 рублей. Онъ рѣшилъ привлечь виновныхъ къ отвѣтственности и возбудилъ противъ нихъ дѣло; но у послѣднихъ были хорошія связи въ Иркутскѣ, и они съ своей стороны возбудили противъ него такое же обвиненіе. Была назначена слѣдственная коммиссія изъ лицъ, завѣдомо причастныхъ къ дѣлу, которыя приложили всѣ усилія къ тому, чтобъ обвинить полковника и упечь его въ Якутскъ, что было давнишней мечтой исправника. Но, къ счастью, у Кононовича были вліятельные друзья въ Петербургѣ, и онъ немедленно по телеграфу снесся съ ними и министромъ внутреннихъ дѣлъ; послѣ этого дѣло было передано для разслѣдованія новой коммиссіи, и въ концѣ концовъ исправникъ вмѣстѣ со своими присными очутился въ тюрьмѣ, ибо ихъ виновность была установлена путемъ письменныхъ доказательствъ. Но противники Кононовича не оставили его въ покоѣ: однажды въ холодную зимнюю ночь они подожгли его домъ, и онъ чуть было не сгорѣлъ со всей своей семьей. Выскочивъ въ одной рубашкѣ и увидѣвъ, что жена и дѣти въ безопасности, онъ бросился обратно, чтобъ спасти документы, относящіеся къ дѣлу исправника съ компаніей. Но домъ уже былъ весь объятъ пламенемъ, и онъ не могъ туда проникнуть; большинство документовъ сгорѣло. Послѣ этого ему было противно оставаться въ Сибири, гдѣ

честный человѣкъ не можетъ добросовѣстно исполнять свои служебныя обязанности, не подвергаясь опасности сгорѣть живымъ. Онъ отрясъ прахъ ея отъ ногъ своихъ и возвратился въ Петербургъ. Въ Петербургѣ онъ получилъ мѣсто представителя Забайкальскихъ казачьихъ войскъ въ генеральномъ штабѣ; а лѣтомъ 1888 года, былъ произведенъ въ генералы и назначенъ начальникомъ самой большой и важной исправительной колоніи въ Сибири на островѣ Сахалинѣ. Это назначеніе, какъ и устройство новой тюрьмы въ Верхне-Удинскѣ, дѣлаетъ честь русскому правительству и доказываетъ что царь относится все же не совсѣмъ безразлично къ сибирскимъ ссыльнымъ и каторжникамъ. До тѣхъ поръ пока генералъ Кононовичъ былъ начальникомъ тюремъ и рудниковъ Сахалина, можно было быть увѣреннымъ, что они находятся въ вѣдѣніи интеллигентнаго, справедливаго и гуманнаго человѣка.

Однимъ изъ послѣднихъ улучшеній, введенныхъ Кононовичемъ на Карѣ, было устройство новой политической тюрьмы на нижнихъ золотыхъ пріискахъ. Капитанъ Николинъ не хотѣлъ разрѣшить мнѣ осмотрѣть это зданіе. По его разсказамъ, оно мало отличается отъ обыкновенной каторжной тюрьмы, но больше, свѣтлѣе, чище и вообще благоустроеннѣе. Оно состоитъ изъ больницы и четырехъ камеръ; каждая изъ камеръ имѣетъ три окна, большой столъ, изразцовую печь и нары приблизительно на 25 человѣкъ. Кровати есть только въ лазаретѣ, а въ общихъ камерахъ арестантамъ разрѣшается имѣть только постельныя принадлежности, которыя они покупаютъ на свои деньги. Сначала кругомъ тюремнаго зданія не было никакой ограды, и преступники изъ оконъ могли видѣть часть Карійской долины съ ея окрестностями. Генералъ-губернаторъ Анучинъ, пріѣхавъ однажды на Кару, остался этимъ очень недоволенъ и, цинично замѣтивъ, что „тюрьма не дворецъ“, приказалъ ее обнести высокой деревянной стѣной, чтобъ изъ тюрьмы ничего нельзя было видѣть. Несомнѣнно, приказаніе жестокаго начальника всецѣло было направлено къ тому, чтобъ сдѣлать жизнь политическихъ арестантовъ возможно болѣе несносной и мучительной. На Карѣ всѣ тюрьмы, безъ исключенія, устроены такъ, что изъ оконъ видны ближайшія окрестности; каждый убійца и мошенникъ изъ своей камеры можетъ видѣть что-нибудь изъ внѣшняго міра. Но политическіе, по мнѣнію генералъ-губер-

натора, не имѣютъ права жить во „дворцѣ“, изъ оконъ котораго виднѣются зеленыя деревья, отраженіе солнца въ водѣ и далекіе холмы, залитые пурпуровымъ отблескомъ восходящаго солнца. Они должны быть совершенно отрѣзаны отъ окружающаго міра; свѣжій живительный воздухъ горъ не долженъ проникать черезъ рѣшетчатыя окна ихъ камеръ, и никого, кромѣ тюремщиковъ, не должны видѣть ихъ печальные тоскующіе глаза. Я бы очень хотѣлъ, чтобъ его превосходительство,—генералъ-губернаторъ Анучинъ, посидѣлъ съ годъ въ политической Карійской тюрьмѣ и испыталъ удовольствіе, 365 дней созерцать гнилые столбы высокой тюремной ограды, 365 ночей спать на голыхъ, кишащихъ насѣкомыми, нарахъ и 52 недѣли днемъ и ночью вдыхать спертый воздухъ, насыщенный запахомъ открытой „параши“. Тогда бы онъ, дѣйствительно, понялъ, что „тюрьма—не дворецъ“.

ГЛАВА VI

Исторія политической тюрьмы на Карѣ

Преемникомъ полковника Кононовича, оставившаго въ 1881 году мѣсто начальника Карійской исправительной колоніи, былъ маіоръ Потуловъ, который еще раньше имѣлъ какое-то оффиціальное отношеніе къ тюремному управленію Нерчинскихъ серебряныхъ рудниковъ. Вскорѣ послѣ назначенія Потулова всѣ политическіе каторжники (ихъ было около ста человѣкъ) были переведены въ новую тюрьму на нижнихъ золотыхъ пріискахъ, устроенную полковникомъ Кононовичемъ, и размѣщены по 25 человѣкъ въ 4 большихъ камерахъ. Ихъ жизнь, судя по письмамъ *) къ друзьямъ, посланнымъ нѣкоторыми изъ нихъ тайнымъ образомъ, была крайне тяжела и безотрадна, если нельзя сказать—абсолютно невыносима. Имъ было разрѣшено каждый день гулять на дворѣ, получать небольшія суммы денегъ отъ родныхъ, имѣть ограниченный выборъ книгъ, которыя имъ присылали изъ Европейской Россіи или они покупали себѣ сами,—и работать въ столярной и кузнечной мастерской на тюремномъ дворѣ, что вносило нѣкоторое разнообразіе въ ихъ жизнь. Но, съ другой стороны, гигіеническія условія, при которыхъ они жили, были крайне сомнительнаго свойства; нѣкоторые днемъ и ночью были закованы въ наручни и кандалы; двое или трое прикованы къ тачкамъ, здоровые психически при-

*) У меня есть нѣсколько такихъ писемъ самаго разнообразнаго содержанія, изъ которыхъ я и заимствовалъ факты, приведенные на слѣдующихъ страницахъ. Было-бы крайне неосновательно думать, что въ этихъ письмахъ факты описаны пристрастно, съ цѣлью возбудить сочувствіе общества и повліять на общественное мнѣніе, такъ какъ авторы ихъ даже и не предполагали, что они когда либо будутъ опубликованы.

нуждены были постоянно слушать болтовню и бредъ своихъ психически больныхъ товарищей; монотонность ихъ жизни не нарушалась больше работой въ золотыхъ рудникахъ. Кромѣ того, они лишились привиллегіи выйти въ вольную команду по истеченіи „срока испытанія“, лишились и всякихъ письменныхъ сношеній съ родными и друзьями. Вся ихъ жизнь проходила за высокой тюремной стѣной. Мнѣ кажется, самый безразличный сибирскій чиновникъ согласится, что ихъ существованіе было очень тяжелымъ. Въ мартѣ 1882 года генералъ-губернаторъ Анучинъ въ секретномъ донесеніи царю о положеніи дѣлъ въ восточной Сибири писалъ, между прочимъ, слѣдующее о политическихъ каторжникахъ на Карѣ: „Заканчивая эту часть своего отчета (о тюрьмахъ и системѣ ссылки), я долженъ еще обратить вниманіе Вашего Императорскаго Величества на политическихъ преступниковъ, живущихъ теперь въ восточной Сибири. Къ 1-му января 1882 года ихъ было всего 430 человѣкъ, именно:

а) Сосланныхъ въ Сибирь по судебному приговору и находящихся теперь
   1. на каторгѣ 123
   2. на поселеніи 49
   3. въ опредѣленномъ мѣстѣ жительства. . 41

в) Сосланныхъ административнымъ порядкомъ
   1. въ опредѣленномъ мѣстѣ жительства . 217

Всего . . 430 *)

Всѣ государственные преступники, относящіеся къ категоріи каторжниковъ, въ округѣ золотыхъ рудниковъ охраняются отрядомъ двухсотъ забайкальскихъ казаковъ. Разрѣшить этимъ преступникамъ работать въ рудникахъ вмѣстѣ съ обыкновенными каторжниками—невозможно **). А изолировать ихъ

*) Въ оффиціальномъ отчетѣ генералъ-губернатора обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что изъ 430 политическихъ, сосланныхъ въ восточную Сибирь, 217—т. е. болѣе половины—были высланы безъ суда и всякаго судебнаго слѣдствія. Я рекомендую этотъ оффиціально признанный фактъ вниманію сторонниковъ русско-американскаго соглашенія.

**) Генералъ-губернаторъ не говоритъ, почему это невозможно, и не упоминаетъ о томъ, что при полковникѣ Кононовичѣ политическіе всегда работали въ рудникахъ, и за это время не было ни одного побѣга и никакихъ непріятныхъ инцидентовъ.

отъ уголовныхъ очень трудно, такъ какъ для этого нѣтъ ни подходящаго мѣста, ни конвоя; да и вообще они не пригодны для тяжелаго физическаго труда. Если я еще прибавлю, что у насъ не существуетъ непродуктивнаго тяжелаго труда, какой практикуется въ другихъ мѣстахъ, для того только, чтобы заставить арестанта напрягать свои физическія силы,— то будетъ ясно, что этотъ разрядъ преступниковъ не несетъ у насъ каторжной работы; мѣстныя власти, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за ними, и которыя строго отвѣчаютъ за каждый побѣгъ, волей-неволей принуждены по отношенію къ такимъ преступникамъ ограничиваться тѣмъ, чтобъ содержать ихъ подъ строгимъ надзоромъ въ тюрьмѣ и употреблять для случайныхъ работъ въ тюрьмѣ или по близости отъ нея. Такое занятіе не только не носитъ характера каторжнаго труда, но даже еще способствуетъ сохраненію ихъ здоровья. Впрочемъ, освобожденіе отъ тяжелаго физическаго труда не улучшаетъ участи государственныхъ преступниковъ. Наоборотъ, полнѣйшая изоляція и постоянное нахожденіе ихъ въ собственной средѣ дѣлаетъ ихъ жизнь „невыносимой“.

... Нѣкоторые изъ нихъ покончили жизнь самоубійствомъ, а на дняхъ одинъ сошелъ съ ума. Нѣсколько другихъ находятся въ состояніи, близкомъ къ помѣшательству. Я получилъ разрѣшеніе отъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ переводить душевно-больныхъ, если возможно, въ наемныя помѣщенія въ Читу *), такъ какъ въ Сибири нѣтъ ни одной психіатрической

*) Во время нашего пребыванія на Карѣ, спустя три съ половиной года, этотъ проектъ еще не былъ приведенъ въ исполненіе. Сумасшедшіе политическіе находились все еще въ однѣхъ камерахъ со своими здоровыми товарищами и своимъ присутствіемъ увеличивали ихъ страданія. Въ тюрьмахъ восточной Сибири изоляціи или ухода за психически-больными арестантами не было почти никакого. Осматривая тюрьмы Забайкалья, мы неоднократно были свидѣтелями самыхъ ужасныхъ сценъ, такъ, напр., во многихъ переполненныхъ тюрьмахъ, едва мы входили въ камеры, на насъ набрасывались сумасшедшіе съ дикими криками и истерическимъ смѣхомъ. Причины этого отчасти указаны въ докладѣ генералъ-губернатора. Во всей Сибири не было ни одного сумасшедшаго дома, и для администраціи было удобнѣе и дешевле, чтобъ арестанты сами заботились о душевно-больныхъ, чѣмъ имѣть для нихъ отдѣльныя помѣщенія и прислугу. Интеллигентнымъ политическимъ заключеннымъ, для которыхъ ничего не было ужаснѣе безумія, конечно, крайне тяжело было быть постоянными свидѣтелями

лѣчебницы, а въ Европейской Россіи онѣ всѣ переполнены“ *).

Не слѣдуетъ забывать, что жизнь политическихъ на Карѣ, которую даже генералъ-губернаторъ Анучинъ называетъ „невыносимой“, сдѣлалась таковой благодаря прямымъ, хорошо обдуманнымъ распоряженіямъ правительства. По предписанію Анучина, передъ окнами тюрьмы былаустроена высокая стѣна, которая изолировала заключенныхъ отъ внѣшняго міра и превратила тюрьму въ огромный ящикъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ безъ всякаго повода уничтожилъ вольную команду и приказалъ держать политическихъ въ „полной изоляціи“, послѣдствіемъ чего были самоубійства и сумасшествія, по поводу которыхъ генералъ-губернаторъ высказываетъ сожалѣніе. При полковникѣ Кононовичѣ положеніе государственныхъ преступниковъ не было „невыносимымъ“, оно сдѣлалось такимъ только вслѣдствіе предписаній, повлекшихъ за собой отставку полковника.

Ошибочно было думать, что молодые энергичные люди спокойно подчинятся такимъ условіямъ, которыя оффиціально были признаны невыносимыми и наиболѣе слабыхъ доводили до сумасшествія и самоубійства. Въ апрѣлѣ 1882 года, меньше, чѣмъ черезъ годъ послѣ ухода полковника Кононовича, и приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ доклада Анучина царю, нѣсколько отважныхъ смѣльчаковъ изъ политическихъ Кары рѣшили бѣжать, выкопавъ ходъ подъ тюремной стѣной. Но предпріятіе окончилось неудачей: подземный ходъ, прорытый подъ поломъ въ одной изъ камеръ, хотя и не былъ обнаруженъ, но, благодаря тому, что зданіе стояло на болотистой почвѣ, сталъ наполняться водой, и работу пришлось прекратить. Тогда одинъ изъ заключенныхъ внесъ предложеніе: спрятаться днемъ, во время работъ въ мастерскихъ и ночью съ крыши этого зданія спуститься черезъ тюремную стѣну. Самое большое затрудненіе представляла

мученій своихъ больныхъ товарищей, мученій, которыя, можетъ быть, ожидали и ихъ въ будущемъ.

*) Докладъ генералъ-губернатора Анучина Александру III, глава V, отдѣлъ 3, подъ заглавіемъ; „Ссылка, каторжная работа и тюремныя помѣщенія“. У меня есть копія съ этого доклада, и я надѣюсь въ будущемъ опубликовать его полностью. Въ оригиналѣ сдѣлана на поляхъ рукой царя очень характерная надпись: „Грустная, но не новая картина“.

вечерняя повѣрка. Каждый вечеръ, послѣ ужина, арестантовъ пересчитывали во всѣхъ камерахъ; поэтому, чтобъ отсутствіе нѣсколькихъ человѣкъ не обнаружилось раньше, чѣмъ они успѣли бѣжать, необходимо было изъ тряпокъ сдѣлать куклы. Во время вечерней повѣрки, когда арестанты уже спали, надзиратели ихъ считали безъ переклички, стоя въ дверяхъ, и въ полумракѣ плохо освѣщенныхъ камеръ невозможно было разсмотрѣть, что лежавшіе лицомъ къ стѣнѣ, были куклы, а не настоящіе люди. Если бы эта военная хитрость удалась, то бѣглецы добрались бы Амурской долиной до Тихаго океана и тамъ сѣли бы на какой-нибудь американскій корабль. Товарищи, оставшіеся въ тюрьмѣ, должны были при каждой повѣркѣ класть на нары куклы, чтобъ возможно дольше скрывать побѣгъ и дать бѣглецамъ время добраться до берега, прежде чѣмъ поднимется тревога, и будетъ отправлена погоня. Однажды въ апрѣлѣ вечеромъ, когда всѣ приготовленія были сдѣланы, двое политическихъ, Мышкинъ и Хрущевъ, спрятались въ тюремныхъ мастерскихъ, а на нарахъ были положены двѣ искусно сдѣланныя куклы въ арестантской одеждѣ. Тюремщики не замѣтили ничего подозрительнаго; а Мышкинъ и Хрущевъ ночью выбрались изъ своего убѣжища, вскарабкались на крышу, перелѣзли черезъ ограду и благополучно достигли лѣса. Спустя нѣсколько дней, убѣжало еще двое арестантовъ такимъ же образомъ. Черезъ двѣ недѣли тюремные надзиратели утромъ и вечеромъ пересчитывали, принимая за людей уже не менѣе шести куколъ, а шесть бѣглецовъ стремились въ это время къ берегу Тихаго океана. На третьей недѣлѣ ушла четвертая пара бѣглецовъ, а число нѣмыхъ тюремныхъ жителей возросло до 8. Къ несчастью, одинъ изъ послѣднихъ бѣглецовъ, перелѣзая черезъ стѣну, упалъ въ канаву съ водой, и плескъ воды обратилъ вниманіе сосѣдняго часового; раздался выстрѣлъ, и поднялась тревога. Въ какихъ-нибудь десять минутъ вся тюрьма пришла въ движеніе. При тщательной провѣркѣ всѣхъ арестантовъ обнаружилось отсутствіе 8 человѣкъ. За нѣсколько дней передъ этимъ Галкинъ-Врасскій, главный чиновникъ русскаго тюремнаго управленія, и губернаторъ Забайкалья—генералъ Ильяшевичъ—производили ревизію этой тюрьмы и въ то время, когда открылся побѣгъ арестантовъ, были на обратномъ пути въ Читу. Получивъ отъ маіора Потулова извѣщеніе объ этомъ событіи, они вернулись обратно въ

нижніе золотые пріиски и организовали энергичные розыски бѣглецовъ. Во всѣ гавани Тихаго океана и мѣстности, лежащія по Амуру, были отправлены телеграммы, и во всѣ полицейскія управленія восточной Сибири немедленно были разосланы фотографическія карточки съ подробными описаніями бѣглецовъ; велѣно было задерживать всѣхъ неизвѣстныхъ или подозрительныхъ лицъ; мѣстнымъ жителямъ была обѣщана большая награда за поимку бѣглецовъ и приказано обыскать въ Забайкальѣ лѣса по всѣмъ направленіямъ. Конечно, люди, истощенные физически продолжительнымъ заключеніемъ, незнавшіе мѣстности, не имѣвшіе ни проводниковъ, ни карты, ни компаса, были совершенно безсильны укрыться отъ такого преслѣдованія. Хотя двое изъ нихъ, Мышкинъ и Хрущевъ, ушли дальше, чѣмъ за тысячу миль, и добрались до Владивостока,—но въ концѣ концовъ всѣ были доставлены въ наручняхъ и кандалахъ на Кару *).

Между тѣмъ тюремная администрація, устраивала приготовленія, чтобъ „сдѣлать внушеніе“ **) политическимъ каторжникамъ „и возстановить порядокъ въ тюрьмѣ“.

Она надѣялась достигнуть этого, лишивъ политическихъ всѣхъ привиллегій, которыми они пользовались до сихъ поръ,—книгъ, денегъ, бѣлья, постельныхъ принадлежностей и даже всего, что правительствомъ разрѣшалось имѣть обыкновеннымъ арестантамъ; затѣмъ рѣшено было разселить ихъ небольшими группами среди уголовныхъ на Верхней, Средней и Усть-Карѣ и перевести на „карцерное положеніе“ ***).

---

*) Изъ политическихъ въ неудачномъ побѣгѣ участвовали: Мышкинъ, Хрущевъ, Воломецъ, Левшенко, Юрковскій, Диковскій, Крижановскій и Минаковъ.

**) Это было подлинное выраженіе маіора Потулова, когда онъ мнѣ разсказывалъ о событіяхъ, слѣдовавшихъ за побѣгомъ. Многіе политическіе на Карѣ утверждали, что въ цѣляхъ тюремной администраціи было вызвать со стороны политическихъ насильственныя дѣйствія, чтобъ имѣть поводъ примѣнить тѣлесное наказаніе и искусственно вызвать бунтъ въ тюрьмѣ, который отвлекъ бы вниманіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ ея собственныхъ упущеній, содѣйствовавшихъ побѣгу.

***) Арестантъ, состоящій на карцерномъ положеніи, лишается своихъ денегъ, книгъ, письменныхъ принадлежностей, нижняго и постельнаго бѣлья, табаку и всѣхъ другихъ удовольствій; онъ не пользуется прогулкой и не имѣетъ никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ; пища его состоитъ изъ чернаго хлѣба и воды, и

Ильяшевичъ и Галкинъ-Врасскій, ожидая, что эти мѣры вызовутъ протестъ или возмущеніе,—по крайней мѣрѣ, подъ этимъ предлогомъ,—стянули на нижніе золотые пріиски семь „сотенъ“ казаковъ. Въ теченіе десяти дней ничего не предпринималось, очевидно, съ разсчетомъ, чтобы арестанты успокоились, увѣрившись въ своей безопасности. Потомъ вдругъ ночью отдается приказъ напасть на тюрьму. Это гнусное нападеніе на спящихъ и безоружныхъ людей въ исторіи политической Карійской тюрьмы извѣстно подъ именемъ „погрома 11 мая“.

Три или четыре сотни вооруженныхъ казаковъ, съ обнаженными штыками, подъ начальствомъ подполковника Руденко входятъ неслышно на тюремный дворъ, проникаютъ въ корридоръ и одновременно во всѣхъ четырехъ камерахъ бросаются на спящихъ политическихъ, стаскиваютъ ихъ съ наръ, обыскиваютъ съ невѣроятной жестокостью, отбираютъ у нихъ всѣ вещи, срываютъ верхнее платье и волокутъ на дворъ. Всѣ протесты и увѣщанія несчастныхъ встрѣчались насмѣшками и оскорбленіями; а когда нѣкоторые изъ нихъ, возмущенные такой грубой расправой, вооружившись досками отъ лавокъ, пробовали защищаться, казаки безпощадно избивали ихъ ружейными прикладами. Во время этого побоища всего больше пострадали: Волошенко, Родіоновъ, Кобылянскій, Бобоховъ и Орловъ. Мнѣ кажется излишнимъ описывать подробности этого гнуснаго насилія, представить его ужаснѣе, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, я не смогъ бы. Утромъ 11 мая 1882 года избитые, израненные политическіе преступники, лишенные всѣхъ своихъ вещей, сапогъ и бѣлья, купленныхъ на собственныя деньги, были отправлены безъ завтрака пѣшкомъ, тремя партіями, въ каторжныя тюрьмы Верхней, Средней и Усть-Кары. Ихъ конвоировало 50—100 казаковъ, которымъ генераломъ Ильяшевичемъ было приказано не жалѣть ружейныхъ прикладовъ. Партія, назначенная въ Усть-Кару, гдѣ находился одинъ арестантъ, прикованный къ тачкѣ, просила разрѣшенія сдѣлать остановку для отдыха послѣ 15 верстъ пути безъ ѣды и питья съ самаго утра. Но конвойные солдаты отказали въ этомъ и погнали арестантовъ штыками впередъ. Тогда политическіе, не закованные въ на-

---

изрѣдка ему даютъ немного ячменнаго супа, который арестанты называютъ „баландой“.

ручни, стали бросать въ солдатъ камнями. Завязалась неравная борьба, которая окончилась тѣмъ, что оказывавшихъ сопротивленіе избили ружейными прикладами и всѣмъ, незакованнымъ въ наручни, скрутили руки на спинѣ. Разбитые нравственно и физически, усталые, измученные голодомъ и жаждой, они поздно вечеромъ пришли на Усть-Кару и послѣ тщательнаго обыска были по двое заперты въ темныя, грязныя „секретныя камеры“ *) каторжной тюрьмы, гдѣ они въ изнеможеніи повалились на сырой, холодный полъ, чувствуя себя счастливыми, что, наконецъ, прошелъ день.

Политическихъ, отправленныхъ въ Амурскую тюрьму и

---

*) „Секретныя камеры“ въ сибирскихъ тюрьмахъ предназначаются для одиночнаго заключенія преступниковъ, совершившихъ убійство или другое тяжкое преступленіе. Эти камеры при осмотрѣ тюремъ намъ обыкновенно не показывали, но полковникъ Маковскій позволилъ мнѣ осмотрѣть „секретныя камеры“ въ Иркутской тюрьмѣ. Въ нихъ не было ни коекъ, ни наръ, вообще ничего, кромѣ „параши“, или лохани для испражненій. Арестантамъ не полагалось ни тюфяковъ, ни постельнаго бѣлья, и они днемъ и ночью должны были лежать или сидѣть на голомъ каменномъ полу или ходить по камерѣ. Въ Иркутской тюрьмѣ въ такихъ камерахъ я видѣлъ преступниковъ, содержавшихся въ нихъ до суда. Если бы я имѣлъ возможность вызвать свидѣтелями низшихъ служащихъ дома предварительнаго заключенія въ Петербургѣ, то я бы доказалъ передъ русскимъ судомъ, что даже въ этой образцовой тюрьмѣ царскаго государства имѣлись „карцеры“, или исправительныя камеры, въ которыхъ не было даже и параши, и полъ былъ покрытъ испражненіями. Конечно, высшая администрація русскаго тюремнаго управленія, какъ гг. Галкинъ-Врасскій и Коковцевъ, ничего не знали объ этихъ фактахъ, но я не сомнѣваюсь въ ихъ достовѣрности, ибо не допускаю, чтобъ политическіе арестанты и тюремное начальство меня обманывали. Политическій преступникъ Дическуло послѣ бунта въ домѣ предварительнаго заключенія, который произошелъ вслѣдствіе избіенія Боголюбова, былъ посаженъ въ одну изъ такихъ камеръ. „Секретныя камеры“ въ Карійскихъ тюрьмахъ мнѣ не пришлось видѣть, но я не имѣю никакихъ основаній предполагать, что онѣ находятся въ лучшемъ состояніи, чѣмъ осмотрѣнныя мною, о которыхъ я говорилъ выше. Мнѣ не хотѣлось-бы, чтобъ читатель изъ моихъ разсказовъ вынесъ ошибочное впечатлѣніе, что въ русскихъ тюрьмахъ всѣ арестантскія помѣщенія или даже всѣ „секретныя камеры“ находятся въ такомъ ужасномъ состояніи, и что высшая тюремная администрація всегда за это отвѣтственна. Я хочу только указать, въ какихъ условіяхъ иногда приходится жить въ русскихъ тюрьмахъ интеллигентнымъ политическимъ преступникамъ.

на Среднюю Кару, постигла не лучшая участь,—только развѣ они не были избиты своими охранителями. Такимъ образомъ Галкинъ-Врасскій и губернаторъ Ильяшевичъ подавили „бунтъ“. который могли устроить, проснувшись, сто спящихъ арестантовъ, и сдѣлали „зачинщикамъ“ должное вразумительное „внушеніе“, сообщивъ затѣмъ министру внутреннихъ дѣлъ, что энергичными мѣрами они сумѣли заблаговременно предупредить угрожающую опасность. Въ политической тюрьмѣ снова былъ водворенъ „порядокъ“,—это былъ „порядокъ, когда то царившій въ Варшавѣ“.

Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ политическіе преступники въ каторжныхъ тюрьмахъ содержались подъ строгимъ арестомъ, не видя почти никого изъ своихъ и не зная, что дѣлается на волѣ. Испорченный воздухъ, плохое и недостаточное питаніе и полнѣйшее отсутствіе движенія совершенно расшатали ихъ здоровье; среди нихъ начались заболѣванія цынгой, и черезъ мѣсяцъ нѣсколько человѣкъ, Тихоновъ *), Жуковскій и др., были на краю могилы, а многіе настолько ослабли, что все время лежали и не могли вставать даже при перекличкѣ. Хотя у нихъ были все это время свои деньги, но они не имѣли возможности ими распорядиться, такъ какъ администрація, въ рукахъ которой деньги находились, не позволяла ихъ расходовать даже на самыя необходимыя вещи, какъ бѣлье, постельныя принадлежности и улучшенную пищу, которая для больныхъ была необходима.

Маіоръ Халтуринъ, жестокій жандармскій офицеръ изъ Иркутска, бывшій преемникомъ маіора Потулова, только тогда позволилъ арестантамъ имѣть постельныя принадлежности, когда цынга начала принимать эпидемическій характеръ.

Въ женской тюрьмѣ на Усть-Карѣ условія были не многимъ лучше. Женщины, конечно, не имѣли никакого отношенія ни къ побѣгу, ни къ искусственно устроенному „бунту“, но тѣмъ не менѣе послѣдствія его отразились и на нихъ. Новый начальникъ—маіоръ Халтуринъ для всѣхъ безъ исключенія ввелъ строгую дисциплину и смотрѣлъ на существовавшее раньше обыкновеніе, разрѣшать женщинамъ носить свои платья, какъ на глупую сентиментальность. Онъ велѣлъ отобрать у нихъ собственныя платья и заставить ихъ надѣть арестантскую одежду. Нѣкоторыя изъ заключенныхъ были

*) Тихоновъ вскорѣ умеръ.

настолько больны, что не могли переодѣться, другія отказались исполнить требованіе, надѣясь, что изъ этого не выйдетъ никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Но начальство рѣшилось прибѣгнуть къ силѣ. Сцены, разыгравшіяся на этой почвѣ, были настолько ужасны, что г-жа Лешернъ покончила жизнь самоубійствомъ.

На нижнихъ золотыхъ пріискахъ жило нѣсколько женщинъ, пріѣхавшихъ на каторгу добровольно, вмѣстѣ со своими мужьями. До побѣга и „погрома“ онѣ одинъ или два раза видѣлись со своими мужьями и получали отъ нихъ деньги на содержаніе. Но послѣ того, какъ въ тюрьмѣ былъ возстановленъ „порядокъ“, и политическіе преступники переведены на карцерное положеніе, свиданья супруговъ прекратились; а такъ какъ деньги ихъ мужей находились у тюремнаго начальства, то бѣдныя женщины и дѣти очутились въ страшной нуждѣ и чуть не умирали съ голода. Вѣра Рогачева, жена молодого артиллерійскаго поручика, сосланнаго на каторгу, осталась въ такомъ ужасномъ и безвыходномъ положеніи, что съ отчаянія застрѣлилась.

6-го іюня 1882 года восемь политическихъ, которыхъ правительство считало почему-то особенно опасными, были отправлены съ Кары въ цѣпяхъ въ Петербургъ, чтобъ навсегда исчезнуть въ мрачныхъ камерахъ Шлиссельбурга *).

Спустя нѣсколько дней, около половины іюля, всѣхъ остальныхъ государственныхъ преступниковъ перевели обратно въ политическую тюрьму на нижнихъ золотыхъ пріискахъ, гдѣ для нихъ было приготовлено семь или восемь маленькихъ камеръ,—каждая изъ прежнихъ была раздѣлена на три части. Почти все помѣщеніе было занято нарами, и проходъ между ними и стѣной былъ настолько узокъ, что въ немъ не могли помѣститься, стоя, двое человѣкъ; двигаться совершенно было негдѣ, такъ что заключеннымъ, при полномъ отсутствіи какого либо дѣла, ничего не оставалось, какъ лежать или сидѣть на нарахъ. Чтобъ положеніе арестантовъ сдѣлать еще болѣе

*) Этими „опасными“ преступниками были: Геллисъ, Волошенко, Бучинскій, Павелъ Орловъ, Малявскій, Поповъ, Щедринъ и Кобылянскій. О дальнѣйшей судьбѣ ихъ ничего неизвѣстно. Г-жа Геллисъ, съ которой я познакомился въ Забайкальѣ, разсказывала мнѣ, что ей не дали даже проститься со своимъ мужемъ, и она о немъ никогда больше не слыхала и не знаетъ, живъ онъ или нѣтъ.

невыносимымъ, въ этихъ маленькихъ камерахъ ставилась параша, которая настолько портила воздухъ, что, выражаясь словами одного изъ нихъ въ письмѣ ко мнѣ, „отъ одной вони можно было сойти съ ума“. Единственнымъ отвѣтомъ на всѣ ихъ прошенія и заявленія были угрозы Халтурина, что, если они не успокоятся, къ нимъ будетъ примѣнено тѣлесное наказаніе. Чтобъ ихъ запугать, Халтуринымъ былъ присланъ врачъ для медицинскаго осмотра одного изъ политическихъ, который долженъ былъ удостовѣрить, можетъ ли онъ перенести наказаніе плетьми безъ опасности для жизни. Тогда чаша терпѣнія ихъ переполнилась и они рѣшили поднять послѣдній отчаянный протестъ противъ жестокихъ репрессій, извѣстный въ русскихъ тюрьмахъ подъ именемъ „голодовки“ или „голодной стачки“. Маіору Халтурину ими было послано заявленіе, что жизнь ихъ сдѣлалась настолько невыносима, что они предпочитаютъ умереть и отказываются принимать пищу, пока не наступитъ конецъ, или правительство принуждено будетъ пойти на уступки и обращаться съ ними человѣчнѣе. На ихъ заявленіе не обратили никакого вниманія, но съ этого момента они болѣе не прикасались къ пищѣ, которая приносилась имъ въ камеры. Проходилъ день за днемъ, и со стороны начальства не принималось никакихъ мѣръ. Голодающіе преступники становились слабыми и апатичными: они лежали, какъ мертвецы, на нарахъ, не говоря ни слова другъ съ другомъ. Гробовая тишина царила въ тюрьмѣ, нарушавшаяся лишь мѣрными шагами часовыхъ и безсвязнымъ бредомъ сумасшедшихъ. На пятый день „голодовки“ явился маіоръ Халтуринъ, который, убѣдившись, что голодная стачка въ тюрьмѣ приняла серьезный характеръ, спросилъ заключенныхъ, на какихъ условіяхъ они согласны прекратить ее. Они отвѣчали, что будутъ голодать, пока не будутъ исполнены ихъ требованія, которыя сводились къ слѣдующему: убрать параши изъ камеръ, разрѣшить имѣть книги, пользоваться ежедневной прогулкой и тратить свои деньги на пищу и одежду, какъ это допускается тюремными правилами; кромѣ того, Халтуринъ долженъ дать клятвенное обѣщаніе, что къ нимъ не будетъ примѣнено тѣлесное наказаніе. Начальникъ увѣрялъ, что серьезно никто и не думалъ о примѣненіи къ нимъ плетей, что болтовня объ этомъ нелѣпа, и, когда они прекратятъ голодовку, онъ посмотритъ, что можно сдѣлать для улучшенія ихъ матеріальнаго положенія. Но арестанты

въ его словахъ не видѣли никакихъ положительныхъ уступокъ своимъ требованіямъ и продолжали голодать. На десятый день положеніе въ тюрьмѣ стало внушать опасенія: всѣ заключенные дошли до крайней степени физическаго истощенія, а нѣкоторые были наканунѣ смерти. Графъ Дмитрій Толстой, министръ внутреннихъ дѣлъ, которому было дано знать о голодовкѣ, телеграфировалъ начальнику, чтобъ онъ аккуратно слѣдилъ за всѣми симптомами у голодающихъ и тотчасъ же сообщалъ ему о каждомъ измѣненіи ихъ состоянія *).

Послѣ этого каждый день сталъ проходить фельдшеръ по камерамъ, пробовалъ пульсъ и измѣрялъ температуру у заключенныхъ. На тринадцатый день маіоръ Халтуринъ велѣлъ сказать женамъ политическихъ, что онъ разрѣшитъ имъ навѣстить своихъ мужей,—въ первый разъ, спустя два слишкомъ мѣсяца—если онѣ постараются уговорить ихъ прекратить голодовку. Послѣднія, конечно, согласились и были допущены въ тюрьму. Одновременно съ ними къ умирающимъ пріѣхалъ самъ Халтуринъ и увѣрялъ ихъ честнымъ словомъ, что онъ сдѣлаетъ все, что въ его власти, чтобъ исполнить ихъ требованія, если они начнутъ принимать пищу. Умоляю-

*) Мнѣ всегда казалось непонятнымъ, почему правительство, допуская самое жестокое обращеніе съ заключенными, не рѣшается дать имъ спокойно умереть и такимъ образомъ избавиться отъ нихъ. Въ этихъ случаяхъ власти всегда проявляли безпокойство и наконецъ уступали, если политическіе голодающіе имѣли мужество настаивать на своихъ требованіяхъ. Это одно изъ многихъ противорѣчій русской карательной системы. Правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ проявляетъ необыкновенную чуткость, хотя въ то-же время въ остальныхъ бываетъ грубымъ и безчувственнымъ. Такъ оно уничтожило смертную казнь въ гражданскомъ законодательствѣ, но одновременно съ этимъ военнымъ судамъ предоставляетъ право постоянно выносить смертные приговоры гражданскимъ лицамъ. Оно отмѣнило кнутъ, но наказываетъ „плетьми“, отъ которыхъ, по свидѣтельству одного русскаго офицера, послѣ 100 ударовъ можетъ послѣдовать смерть. Оно боится дать умереть политическимъ преступникамъ добровольной голодной смертью, но предоставляетъ имъ медленно умирать въ казематахъ Шлиссельбургской крѣпости. По моему, было-бы безопаснѣе и гуманнѣе перестрѣлять всѣхъ политическихъ преступниковъ на тюремномъ дворѣ, чѣмъ медленно замучивать ихъ до смерти тяжелымъ заключеніемъ. Быстрыя казни не могли бы такъ возмутить общество, какъ самоубійства, голодовки и подобныя доказательства невыносимыхъ страданій, которымъ подвергаются политическіе въ тюрьмахъ и рудникахъ.

щія просьбы несчастныхъ измученныхъ женщинъ и обѣщанія начальника поколебали наконецъ рѣшеніе заключенныхъ, и на тринадцатый день закончилась первая и упорная голодовка въ политической Карійской тюрьмѣ.

Во время этихъ событій, одна молодая замужняя женщина, лѣтъ 24-хъ, приговоренная къ каторжнымъ работамъ за революціонную пропаганду въ Одессѣ, была выпущена изъ тюрьмы и сослана на поселеніе въ южную часть Забайкалья, въ маленькую деревушку Акча около монгольской границы. Она была свидѣтельницей жестокой расправы при возстановленіи „порядка“ Руденко и Потуловымъ, присутствовала при избіеніи политическихъ ружейными прикладами и сама испытала чувство позора и отчаянія, которое довело г-жу Лешернъ и г-жу Рогачеву до самоубійства. Причины и исторія только что закончившейся продолжительной отчаянной голодовки были ей хорошо извѣстны и возмутили ее до глубины души. Она рѣшила убить губернатора Забайкалья—генерала Ильяшевича и такимъ образомъ обратить вниманіе общества на жестокости, совершавшіяся его именемъ и отчасти по его распоряженію на Карѣ. Она знала, что, если ей удастся исполнить свое намѣреніе, бѣгство невозможно; знала также, что она должна пожертвовать за это собственной жизнью и, можетъ-быть, жизнью своего будущаго ребенка. Но все, видѣнное и пережитое ею на Карѣ, настолько возмутило ее, что она рѣшилась совершить убійство и умереть сама, надѣясь, что ея поступокъ и послѣдующее слѣдствіе разоблачатъ несправедливость и насилія, которыя перенесла она и ея товарищи. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Акчу, какъ только у нея оказалось достаточно денегъ для путешествія, она купила у уголовнаго ссыльно-поселенца небольшой револьверъ, незамѣтно вышла изъ деревни, по дорогѣ у крестьянъ наняла лошадь и направилась въ Читу, гдѣ жилъ губернаторъ. Такъ какъ въ Сибири вообще не принято, чтобъ молодыя интеллигентныя женщины ѣздили однѣ, то она скоро обратила на себя вниманіе и возбудила любопытство крестьянъ, и недалеко отъ цѣли своего путешествія была арестована однимъ деревенскимъ полицейскимъ чиновникомъ. Ей удалось уговорить его доставить ее въ Читу къ лично знакомому ей исправнику; послѣднему она сказала, что уѣхала изъ мѣста ссылки не для того, чтобы бѣжать, но чтобъ только получить аудіенцію у губернатора. Послѣ непродолжительнаго разговора исправ-

никъ согласился отвести ее въ губернаторскій домъ и, оставивъ ее въ пріемной, пошелъ доложить Ильяшевичу о ней и о ея желаніи.

„Вы обыскали ее?“ спросилъ недовѣрчивый губернаторъ. „Нѣтъ“, отвѣтилъ исправникъ, „я объ этомъ не подумалъ“. „Ну не бѣда“, сказалъ Ильяшевичъ. „Что можетъ сдѣлать мнѣ женщина?“ Съ этими словами онъ вышелъ въ пріемную, гдѣ г-жа Кутитонская ждала его съ револьверомъ въ рукѣ, спрятавъ его подъ носовымъ платкомъ. Какъ только онъ подошелъ къ ней, она выстрѣлила ему въ грудь со словами: „Это за 11-е мая“ *). Рана была не смертельна, но онъ упалъ на полъ и нѣсколькими лакеями былъ вынесенъ изъ комнаты, между тѣмъ исправникъ обезоружилъ Кутитонскую, приказавъ связать ее и подъ строгимъ конвоемъ отвести въ Читинскую тюрьму. Она была посажена въ холодную грязную „секретную камеру“, которая по словамъ окружного архитектора Забайкалья, „была такой длины, что въ ней едва лишь можно было лежать, и такой высоты, что стоять не было возможности“. Вмѣсто своего платья и бѣлья она должна была носить старую, кишащую насѣкомыми, арестантскую одежду; ее содержали подъ „строгимъ“ арестомъ, и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ей пришлось спать на голомъ полу. Когда она отъ этихъ лишеній захворала и попросила постлать на полъ соломы, то полицейскій чиновникъ Мельниковъ сказалъ ей, что „для нея соломы не полагается“. Если бы уголовные арестанты тихонько не носили ей пищи, то она, навѣрное, умерла бы раньше окончанія дознанія по ея дѣлу. Послѣ трехмѣсячнаго тяжелаго заключенія, военный судъ приговорилъ ее къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Цѣлый мѣсяцъ она ждала исполненія приговора и долгими безсонными ночами думала о томъ, должна ли она сказать начальству о своемъ положеніи. Она знала, что результатомъ этой отсрочки, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, можетъ быть, будетъ замѣна смертнаго приговора какимъ либо другимъ наказаніемъ. Но для себя она не ждала уже больше ничего отъ жизни; а между тѣмъ, если бы ее повѣсили при такихъ обстоятельствахъ, то фактъ ея беременности,—который не могъ остаться неизвѣстнымъ послѣ ея смерти,—долженъ былъ бы усилить трагизмъ происшедшаго, содѣйствовать распростра-

*) День погрома.

ненію слуховъ объ этомъ событіи въ широкихъ кругахъ, и во всѣхъ честныхъ и гуманныхъ людяхъ вызвать еще болѣе глубокую и непримиримую ненависть къ правительству. Всего болѣе ее мучила мысль о томъ, что она будетъ убійцей своего неродившагося еще ребенка, и неизвѣстность, будетъ или нѣтъ этотъ ребенокъ жить нѣкоторое время послѣ ея смерти. Но, несмотря на эти мучительныя сомнѣнія, она рѣшила скрыть свою тайну и не препятствовать приведенію приговора въ исполненіе. Въ началѣ января 1883 года правительство помиловало ее, и не имѣя понятія о ея беременности, приговорило къ пожизненной каторжной работѣ *). Ее этапомъ отправили въ Иркутскъ.

Несмотря на суровую зимнюю стужу, она не получила ни овчиннаго полушубка, ни валенокъ и погибла бы дорогою отъ холода, если бы уголовные преступники не сжалились надъ нею и въ ущербъ собственнымъ удобствамъ не снабдили бы ее теплой одеждою. Въ Иркутскъ она прибыла въ такомъ состояніи, что ее должны были вынести изъ саней на рукахъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ продолжительныхъ физическихъ и душевныхъ страданій, вскорѣ послѣ того въ Иркутской тюрьмѣ ребенокъ у нея родился мертвымъ. Когда въ 1886 году мы уѣзжали изъ Сибири, она была еще жива. Единственное, что мнѣ удалось впослѣдствіи узнать о ней, это тотъ фактъ, что она умерла.

Когда одинъ изъ разсказывавшихъ мнѣ о г-жѣ Кутитонской, познакомился съ ней впервые въ Одессѣ, она была счастливой безпечной дѣвочкой, и никто не могъ бы предположить, что черезъ десять лѣтъ эта дѣвочка превратится въ женщину такой необыкновенной энергіи, такую смѣлую, съ такимъ самообладаніемъ и силой воли; но подъ гнетомъ деспотизма и одинокаго заключенія такія превращенія встрѣчаются не рѣдко.

Свѣдѣнія о событіяхъ, вызвавшихъ покушеніе на Илья-

*) Изъ заслуживающихъ довѣрія источниковъ, я узналъ, что о замѣнѣ наказанія г-жѣ Кутитонской ходатайствовалъ тотъ самый губернаторъ Ильяшевичъ, на жизнь котораго она покушалась. Овладѣло-ли имъ въ концѣ концовъ состраданіе, заговорила-ли въ немъ совѣсть, или онъ захотѣлъ разыграть роль великодушнаго, чтобы создать убѣжденіе, что слухи о его жестокости въ округѣ Карійскихъ рудниковъ были преувеличены и ослабить этимъ ихъ впечатлѣніе,—я не могу сказать.

шевича, я почерпнулъ изъ моихъ разговоровъ съ участвовавшими въ немъ политическими каторжанами и изъ трехъ различныхъ, независящихъ другъ отъ друга документовъ — о побѣгѣ, „погромѣ“ и голодномъ бунтѣ. Покушеніе и жизнь госпожи Кутитонской въ тюрьмѣ описана мною на основаніи ея писемъ изъ Иркутска. Что же касается до мыслей и намѣреній ея въ періодъ ожиданія казни въ Читѣ, то свѣдѣніями объ этомъ я обязанъ разсказамъ одной ссыльной дамы, которая много съ ней разговаривала въ Иркутской тюрьмѣ и съ которой я впослѣдствіи познакомился. Въ главныхъ своихъ чертахъ вся эта исторія извѣстна политическимъ ссыльнымъ по всей Сибири. Всѣ усилія, къ которымъ я прибѣгалъ, чтобы узнать что-нибудь и со стороны администраціи объ этомъ фактѣ, не увѣнчались успѣхомъ. Чиновники, къ которымъ я обращался за свѣдѣніями,—за немногими исключеніями или выказывали такую неохоту говорить на эту тему, что я долженъ былъ прекращать свои разспросы, или же прибѣгали къ нелѣпѣйшимъ попыткамъ обмануть меня. Одинъ молодой врачъ Иркутской тюрьмы, котораго я спрашивалъ о госпожѣ Кутитонской, такъ испугался моихъ разспросовъ, что старался, какъ можно скорѣе, избавиться отъ меня, и не отвѣтилъ даже на мой визитъ. Исправникъ съ Нерчинскаго завода, доставившій нѣсколькихъ пойманныхъ бѣглецовъ обратно на Кару, рисовалъ мнѣ политическихъ каторжанъ, какъ „ловкихъ мошенниковъ“, пройдохъ, которые не заслуживаютъ ни состраданія, ни уваженія. Большинство изъ нихъ, сказалъ онъ, „сыновья священниковъ или исключенные семинаристы“. Оберъ-лейтенантъ Новиковъ, который втеченіе трехъ лѣтъ, или даже больше того, былъ командиромъ казацкаго батальона на Карѣ, увѣрялъ меня, что политическіе преступники—пустые „мальчишки“, презрѣнные, ничтожные малые, безъ опредѣленныхъ цѣлей и убѣжденій; изъ стапятидесяти, которыхъ онъ зналъ на Карѣ, можетъ быть, только трое или четверо получили порядочное воспитаніе, а покушеніе г-жи Кутитонской было „безумной фантазіей“: „она сама не знала, зачѣмъ она это дѣлала“. Внимательный читатель пойметъ, что не трудно было сдѣлать выборъ между такими нелѣпыми утвержденіями и ясными, связными и устанавливающими всѣ подробности разсказами политическихъ. Если мой очеркъ политической тюрьмы на Карѣ страдаетъ односторонностью, то это только потому, что дру-

гая сторона или прямо отказывала мнѣ въ свѣдѣніяхъ или была слишкомъ невѣжественна, чтобы придать своимъ словамъ, хотя бы видимость правдоподобія.

Чтобы показать, до чего далеки отъ истины были тѣ характеристики, которыя чиновники давали политическимъ арестантамъ на Карѣ,—я хочу привести краткія біографическія свѣдѣнія о трехъ или четырехъ мужчинахъ и женщинахъ, которые принимали дѣятельное участіе въ описанныхъ мною событіяхъ или имѣли извѣстное отношеніе къ позднѣйшей исторіи тюрьмы. Одна изъ способнѣйшихъ и выдающихся изъ нихъ, Анна Павловна Корба, была дочерью русскаго дворянина Павла Менгарта и родилась въ Тверской губерніи, недалеко отъ Москвы, въ 1849 году. Подъ руководствомъ своей матери, образованной и кроткой женщины она получила тщательное воспитаніе; 18 или 19 лѣтъ она вышла замужъ за одного проживавшаго въ Россіи швейцарца, Виктора Корба. Благодаря своей красотѣ и талантамъ, она скоро сдѣлалась душою общества; супругъ ея былъ человѣкъ богатый, очень гордился ея успѣхами въ обществѣ, и нѣкоторое время она была исключительно свѣтской дамой. Однако, при ея умѣ и серьезномъ характерѣ, такая жизнь недолго могла доставлять ей удовлетвореніе, и въ 1869 году, когда ей едва исполнилось 20 лѣтъ, она рѣшила подготовиться къ чему-нибудь болѣе цѣнному.

Въ то время въ Петербургѣ открылось заведеніе для высшаго образованія благородныхъ дѣвицъ, и госпожа Корба тотчасъ же поступила туда, намѣреваясь впослѣдствіи завершить еще свои научныя занятія въ Цюрихѣ и Парижѣ. Въ 1870 году, такъ какъ ея мужъ обанкрутился, она должна была отказаться отъ своего проекта завершить образованіе заграницей и, вскорѣ послѣ того, отправилась съ мужемъ въ маленькій провинціальный городъ Минскъ, гдѣ онъ получилъ работу. Здѣсь она впервые вступила на поприще общественной дѣятельности: организовала общество для содѣйствія народному образованію и для вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ и завѣдывала имъ. Русско-Турецкая война въ 1876 году открыла для ея великодушной натуры новую арену полезной дѣятельности. Вначалѣ она въ московскомъ госпиталѣ ухаживала за возвращавшимися изъ Болгаріи ранеными солдатами, затѣмъ, въ качествѣ сестры милосердія отъ Краснаго Креста, поѣхала въ полевой лазаретъ за Дунай.

Кто видѣлъ картины Верещагина можетъ составить себѣ понятіе, что ей пришлось пережить и выстрадать за время этой кампаніи. Переживанія за этотъ періодъ оказали неизгладимое вліяніе на ея характеръ. Ее охватила глубокая любовь къ русскому крестьянину и удивленіе передъ его судьбою: его, который несетъ на своихъ усталыхъ плечахъ всю тяжесть русскаго государства и проливаетъ свою кровь за отечество,—его обманываютъ, грабятъ, угнетаютъ! Она рѣшила посвятить всю свою остальную жизнь просвѣщенію и освобожденію этого угнетеннаго класса своего народа. Когда война окончилась, она вернулась въ Россію, и немедленно заболѣла тифомъ, который схватила въ переполненномъ тифозными госпиталѣ. Наконецъ, послѣ долгой и опасной болѣзни она получила возможность приступить къ осуществленію той великой задачи, которую поставила себѣ. Но на каждомъ шагу она наталкивалась на препятствія со стороны полиціи и бюрократовъ—чиновниковъ, интересы которыхъ требовали сохраненія существующаго положенія вещей. Мало-по-малу она дошла до убѣжденія, что предварительнымъ условіемъ возможности произвести какія-бы то ни было улучшенія въ положеніи народа должно быть сверженіе существующаго правительства. Вскорѣ послѣ этого она вступила въ партію „Народной воли“ и за періодъ съ 1879 по 1882 годъ принимала дѣятельное участіе во всѣхъ покушеніяхъ, пробизведенныхъ съ цѣлью свергнуть самодержавное правительство и поставить у власти конституціонное. 5-го іюня 1882 года она была арестована, заключена въ Петропавловскую крѣпость, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ должна была держать отвѣтъ передъ сенатомъ, обвинявшимъ ее въ терроризмѣ.

Когда въ концѣ судебнаго процесса ее спросили, имѣетъ ли она что-нибудь сказать въ свою защиту, она отвѣтила:

„Я не считаю себя виновной, хотя и признаю свою принадлежность къ революціонной партіи,—къ партіи Народной воли,—вѣрю въ ея основные принципы и раздѣляю ея взгляды. Что касается до организаціи, которая исключительно путемъ кровопролитія желаетъ достичь своей цѣли, то подобной организаціи я не знаю, и сомнѣваюсь въ самомъ существованіи таковой. Можетъ быть, она и образуется когда-нибудь со временемъ, когда революціонное движеніе разрастется, но я, во всякомъ случаѣ, никогда, еслибъ и была къ тому времени еще жива,—не принадлежала бы къ ней.

Если партія Народной воли переходитъ къ политикѣ террора, то не потому, что она имѣетъ пристрастіе къ терроризму, а потому что терроръ является единственнымъ средствомъ достигнуть тѣхъ цѣлей, которыя ставитъ передъ ней историческое развитіе русской жизни".—Въ этихъ печальныхъ роковыхъ словахъ развертывалась страшная перспектива будущаго...—„Господа сенаторы! Вы знаете основные законы русскаго государства. Вы знаете, что никто не только не имѣетъ права требовать какихъ-либо измѣненій существующей самодержавной формы правленія, но не имѣетъ права даже и думать объ этомъ. Даже подача коллективной петиціи на имя царя запрещена—но, все-же страна растетъ и развивается; условія соціальной жизни съ каждымъ днемъ становятся для нея все болѣе и болѣе невыносимыми, и моментъ, когда русскій народъ разорветъ, наконецъ, тѣ рамки, которыя его стѣсняютъ, близокъ".

Предсѣдатель суда прерываетъ: „Это ваши личные взгляды".

Госпожа Корба продолжаетъ: „Расширить эти рамки и завоевать для Россіи независимость и свободу — историческая задача партіи Народной Воли. Средства къ достиженію этой цѣли зависятъ отъ правительства. Мы вовсе не держимся за терроръ во что бы то ни стало. Рука, занесенная для удара, мирно опустится, какъ только измѣнится политика правительства. Наша партія въ достаточной мѣрѣ обладаетъ патріотической самоотверженностью, чтобы не мстить за свои кровавыя раны; но если она не хочетъ измѣнить себѣ самой и русскому народу, она не можетъ сложить своего оружія раньше, чѣмъ завоюетъ для народа свободу и благосостояніе. Въ доказательство того, что цѣли нашей партіи совершенно мирныя, я попрошу Васъ прочесть письмо, которое вскорѣ послѣ 1-го Марта *) было послано Александру III. Вы увидите изъ него, что мы добиваемся только реформъ, но реформъ нелицемѣрныхъ, радикальныхъ и жизненныхъ".

Слова госпожи Корба не смягчили сердецъ ея судей; этого она, конечно, и не ждала. Ее признали виновной и приговорили къ 20 годамъ каторжной работы съ лишеніемъ всѣхъ гражданскихъ правъ, а по истеченіи этого срока къ ссылкѣ на вѣчное поселеніе въ Сибирь. Когда я получилъ послѣднее извѣстіе изъ Карійскихъ рудниковъ, она была

*) День убійства Александра II.

еще жива, но такъ была измучена, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, скоро падетъ жертвою жестокихъ лишеній каторжной жизни.

Среди мужчинъ политическихъ на Карѣ, судьба которыхъ меня въ особенности интересовала, былъ Ипполитъ Мышкинъ. Въ 1864 году хорошо извѣстный писатель и политико-экономъ, Чернышевскій,—знаменитый романъ котораго: „Что дѣлать?“ недавно переведенъ на англійскій языкъ,—былъ, въ качествѣ революціонера осужденъ въ Петербургѣ и сосланъ въ Сибирь. Сначала онъ содержался въ Александровской центральной тюрьмѣ въ Иркутскѣ, затѣмъ много лѣтъ находился подъ строжайшимъ надзоромъ полиціи въ городкѣ Вилюйскѣ, въ Якутской губерніи. Когда въ 1870 году разразилось новое революціонное движеніе, мечтой всѣхъ молодыхъ русскихъ революціонеровъ было освободить Чернышевскаго, устроить ему побѣгъ изъ царской имперіи, чтобы онъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ могъ безпрепятственно продолжать свои труды. Различныя попытки освобожденія не удались и въ концѣ концовъ отъ этого предпріятія какъ неисполнимаго, отказались. Тогда въ 1875 году одному студенту Петербургскаго Технологическаго Института пришла мысль поѣхать въ Сибирь, переодѣвшись жандармскимъ капитаномъ и представиться вилюйскому исправнику въ качествѣ имѣющаго порученіе перевезти Чернышевскаго въ Петербургъ, для заточенія въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ то время часто бывало, что опасныхъ политическихъ ссыльныхъ переводили изъ Сибири въ русскія крѣпости. Мышкинъ надѣялся на успѣхъ своего плана; отправился, какъ частный путешественникъ, въ Иркутскъ, прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, добился принятія въ жандармскій корпусъ и скоро сдѣлался въ немъ настолько полезнымъ, что пріобрѣлъ тамъ всеобщее довѣріе и былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Тогда онъ запасся необходимыми документами; вписалъ туда довѣренность, возлагавшую на него, какъ жандармскаго офицера, обязанность сопровождать ссыльнаго Чернышевскаго въ Петербургъ; поддѣлалъ подписи, приложилъ для удостовѣренія печать; раздобылъ себѣ капитанскую форму и оставилъ свое мѣсто подъ предлогомъ, что въ силу полученныхъ имъ извѣстій, онъ долженъ вернуться въ Европейскую Россію. Съ первою возможностью, онъ отправился въ Вилюйскъ. Мышкинъ былъ образцовый заговорщикъ, обладалъ большимъ краснорѣчіемъ и привлекательной наружностью, и когда онъ представился

какъ жандармскій офицеръ, исправнику, тотъ принялъ его съ почтеніемъ. Но кое-что Мышкинъ все-таки упустилъ изъ виду, и какъ разъ это обстоятельство и послужило причиной крушенія его плана. Онъ забылъ запастись конвоемъ. Въ Сибири не принято, чтобы состоящіе на службѣ офицеры путешествовали безъ свиты, а въ данномъ случаѣ это было тѣмъ болѣе страннымъ, что Мышкинъ долженъ былъ взять на свое попеченіе выдающагося политическаго преступника. Это возбудило прежде всего недовѣріе исправника, и чѣмъ болѣе онъ раздумывалъ надъ этимъ обстоятельствомъ, тѣмъ болѣе подозрительнымъ оно ему казалось. На слѣдующій день за завтракомъ онъ сообщилъ Мышкину, что безъ разрѣшенія Якутскаго губернатора Черняева, его начальника, онъ не можетъ выдать такого ссыльнаго, какъ политико-экономъ Чернышевскій; поэтому онъ пошлетъ курьера съ бумагами Мышкина къ Черняеву и, сообразно съ рѣшеніемъ этого послѣдняго, будетъ такъ или иначе дѣйствовать.

„Хорошо“, спокойно сказалъ Мышкинъ. „Я не думалъ, чтобы вполнѣ яснаго приказа царской полиціи было недостаточно и требовалось бы еще одобреніе его губернаторомъ, но если это такъ, то я хочу самъ съѣздить за разрѣшеніемъ и привезти его“.

Исправникъ предложилъ ему въ провожатые двухъ казаковъ, строжайше наказавъ имъ, не терять его изъ виду. Отказаться отъ этихъ провожатыхъ Мышкину было невозможно. По отъѣздѣ Мышкина исправникъ написалъ о своемъ подозрѣніи губернатору и отправилъ съ письмомъ третьяго казака, который долженъ былъ постараться достичь мѣста назначенія раньше Мышкина. Курьеръ по дорогѣ нагналъ казаковъ, сопровождавшихъ Мышкина, и изъ разговора солдатъ Мышкинъ догадался, что третій казакъ ѣдетъ съ письмомъ отъ исправника къ губернатору. Онъ понялъ, что его дѣло проиграно, и при первой возможности скрылся въ лѣсу. Казаки погнались за нимъ; одного изъ нихъ онъ ранилъ изъ своего револьвера и убѣжалъ. Въ теченіи недѣли онъ бродилъ въ первобытномъ лѣсу по берегамъ Лены, но, въ концѣ концовъ, полумертвый отъ стужи, голода и истощенія, былъ пойманъ и послѣ многихъ мѣсяцевъ заключенія въ Иркутскѣ, перевезенъ въ Петербургъ въ Петропавловскую крѣпость. Почти цѣлыхъ три года, въ крѣпкихъ стѣнахъ казематовъ Трубецкаго бастіона онъ ожидалъ своего приговора. Все, что мнѣ

извѣстно относительно этой части его жизни, я узналъ отъ одного ссыльнаго въ Сибири, который помѣщался въ камерѣ рядомъ съ Мышкинымъ. Этотъ господинъ разсказывалъ мнѣ, что у Мышкина подъ вліяніемъ лихорадки, постояннаго раздраженія и долгаго одиночнаго заключенія часто бывали припадки буйства; онъ часто слышалъ, какъ Мышкинъ кричалъ, когда на него надѣвали смирительную рубашку или привязывали его къ постели.

Въ Октябрѣ 1878 года, наконецъ, Мышкинъ, въ числѣ „193-хъ“, долженъ былъ предстать передъ судомъ сената. Всѣ политическіе преступники, которые въ то время были преданы суду, требовали публичности судопроизводства и собственныхъ стенографовъ. Оба требованія были отклонены, и большинство политическихъ вслѣдствіе этого отказалось отъ какой бы то ни было защиты. Когда въ концѣ процесса Мышкина спросили, имѣетъ ли онъ еще что-либо сказать, онъ произнесъ пламенную рѣчь, въ которой порицалъ устраненіе публичности; увѣрялъ, что никто изъ нихъ и не желалъ и не ожидалъ оправданія,—но что имъ будетъ отказано и въ правѣ публичнаго судопроизводства и въ оглашеніи ихъ дѣла въ прессѣ, они все-таки не предполагали. Какъ только Мышкинъ задѣлъ правительство, предсѣдатель попросилъ его замолчать; когда же онъ сталъ настаивать на своемъ правѣ быть выслушаннымъ, жандармамъ было приказано увести его: Его послѣднія слова были: „этотъ судъ хуже, чѣмъ домъ терпимости: тамъ отдаются на поруганіе только тѣла, здѣсь же происходитъ поруганіе вашей чести, справедливости и закона“.

За свое преступленіе и оскорбленіе суда Мышкинъ былъ приговоренъ къ 10 годамъ каторжной работы съ лишеніемъ всѣхъ гражданскихъ правъ, и вскорѣ послѣ того переведенъ въ центральную тюрьму въ Харьковѣ. Я не имѣю возможности описать здѣсь даже самымъ краткимъ образомъ тѣ страданія, которыя приходилось переносить политическимъ арестантамъ въ этой тюрьмѣ. Исторія этихъ страданій описана однимъ изъ политическихъ и тайно отпечатана въ Россіи подъ многозначительнымъ заглавіемъ: „Надгробное слово Александру II“. Я надѣюсь когда-нибудь впослѣдствіи опубликовать этотъ документъ на англійскомъ языкѣ; пока же скажу только, что мнѣ извѣстны имена шести мужчинъ, сошедшихъ съ ума за тотъ короткій періодъ, въ теченіе котораго эта тюрьма служила мѣстомъ заключенія для политическихъ.

Мышкина посадили въ маленькую камеру нижняго этажа, въ которой раньше содержался одинъ выдающійся политическій преступникъ, князь Цицiановъ. Мышкинъ, со свойственной ему смѣлостью и энергіей, скоро началъ изобрѣтать планъ бѣгства, и раньше, чѣмъ истекъ первый годъ его заключенія, онъ уже выкопалъ—при помощи собственныхъ рукъ и маленькой доски—ходъ подъ тюремной стѣной; лишнюю землю онъ спряталъ подъ поломъ своей камеры. У князя Цицiанова, его предшественника, научно образованнаго человѣка, было нѣсколько большихъ географическихъ картъ, которыя, какъ старый хламъ, валялись теперь на печкѣ. Мышкинъ отдѣлилъ бумагу отъ матеріи, на которую наклеены были карты, и сшилъ изъ этой матеріи рубашку и пару штановъ, намѣреваясь надѣть ихъ при бѣгствѣ. Всѣ приготовленія были сдѣланы, и онъ ждалъ только благопріятнаго случая, какъ вдругъ въ необычный часъ къ нему вошелъ тюремный надзиратель. Мышкинъ, какъ разъ былъ въ это время въ туннелѣ, а на кровати у него лежала набитая кукла, какъ будто бы онъ спалъ. Надзиратель замѣтилъ этотъ обманъ, поднялъ тревогу; подземный ходъ былъ открытъ, и Мышкинъ вытащенъ оттуда, какъ крыса изъ своей норы. Ему отвели другую камеру, изъ которой убѣжать было невозможно. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, почти на границѣ безумія, онъ рѣшилъ сдѣлать что-нибудь такое, за что бы его разстрѣляли. Онъ попросилъ разрѣшенія присутствовать въ воскресенье при богослуженіи въ тюремной церкви; получилъ его, подошелъ къ начальнику и, когда тотъ прикладывался къ кресту, который священикъ держалъ въ рукахъ, онъ ударилъ его по физіономіи. При обыкновенныхъ условіяхъ онъ былъ бы разстрѣлянъ за этотъ проступокъ; но какъ разъ въ это время необычайное число смертныхъ случаевъ и душевныхъ заболѣваній среди политическихъ привлекло вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ на центральную тюрьму въ Харьковѣ, и для разслѣдованія ея санитарныхъ условій изъ Петербурга въ качествѣ эксперта былъ посланъ въ Харьковъ профессоръ Доброславинъ. Онъ сообщилъ въ своемъ докладѣ, что тюрьма была настолько непригодна для пребыванія въ ней человѣческихъ существъ, что количеству смертныхъ случаевъ и распространенности сумасшествія нечего было удивляться, и рекомендовалъ, по крайней мѣрѣ, политическихъ арестантовъ перевести куда-нибудь въ другое мѣсто. На основаніи этого

доклада вывели заключеніе, что Мышкинъ ударилъ начальника въ припадкѣ безумія и обошли это дѣло молчаніемъ. Немного времени спустя, онъ, вмѣстѣ со всѣми своими политическими товарищами по несчастію, былъ отправленъ въ Карійскіе рудники. По дорогѣ туда одинъ изъ нихъ, Левъ Дмокховскій, умеръ въ Иркутскѣ. Всѣмъ было разрѣшено присутствовать при отпѣваніи въ тюремной церкви, и Мышкинъ чувствовалъ себя обязаннымъ сказать умершему товарищу маленькую надгробную рѣчь. Онъ говорилъ о строго нравственномъ характерѣ усопшаго, о его достойной любви личности, привелъ цитату изъ стихотворенія либеральнаго русскаго поэта Некрасова и сказалъ: „Изъ пепла этого героическаго человѣка и другихъ ему подобныхъ взойдутъ ростки свободы для Россіи“.

Тутъ полицейскій попросилъ его замолчать и велѣлъ отвести его въ его камеру. За эту „революціонную“ рѣчь въ священномъ мѣстѣ, въ церкви и въ присутствіи „иконъ святыхъ“, Мышкинъ былъ приговоренъ еще къ пятнадцати годамъ каторжной работы. Нѣкоторые изъ товарищей Мышкина, разсказывавшіе мнѣ о немъ, рисовали его какъ прирожденнаго оратора, которому, однако, только два раза въ жизни удалось примѣнить свой талантъ; первый опытъ принесъ ему десять лѣтъ, второй пятнадцать лѣтъ каторжной работы. Мышкинъ какъ-то сказалъ въ Карѣ, что онъ раскаивается только въ одномъ въ своей жизни, именно, въ произнесеніи рѣчи въ память товарища Дмокховскаго въ Иркутскѣ. Общество не слыхало ея, она не принесла никакой пользы, была лишь удовлетвореніемъ личной потребности, а, между тѣмъ, на столько удлинила срокъ его наказанія, что, если бы даже онъ и выжилъ его, онъ былъ бы уже слишкомъ старъ, чтобы служить дѣлу русской свободы.

Мышкинъ былъ однимъ изъ первыхъ среди тѣхъ восьми арестантовъ, которые въ апрѣлѣ 1882 года бѣжали изъ политической тюрьмы въ Карѣ; какъ уже сказано, онъ былъ снова арестованъ, въ приморской гавани Владивостока. Въ 1883 году онъ въ обществѣ другихъ „опасныхъ“ политическихъ былъ переведенъ въ Петербургъ и заключенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ въ 1885 году его разстрѣляли за то, что онъ ударилъ тюремнаго врача.

Въ январѣ 1882 года, мѣсяца за три до побѣга восьми политическихъ заключенныхъ изъ Карійской тюрьмы, двѣ замужнихъ женщины, госпожа Ковальская и госпожа Бого-

молецъ, убѣжали съ дороги, изъ Иркутской тюрьмы, во время слѣдованія въ рудники. Ихъ поймали еще въ чертѣ города, притащили назадъ въ тюрьму и подвергли, по обычаю, обыску. Эти обыски всегда производятся мужчинами, но, обыкновенно, безъ нарушенія приличій и безъ особыхъ оскорбленій человѣческаго достоинства. Въ этомъ же случаѣ обыскомъ руководилъ присутствовавшій какъ разъ въ то время въ тюрьмѣ адъютантъ генералъ-губернатора, полковникъ Соловьевъ, человѣкъ съ дурной репутаціей; онъ не удовольствовался тѣмъ, что всячески словесно поносилъ этихъ женщинъ, но, въ довершеніе всего, въ своемъ присутствіи велѣлъ ихъ раздѣть до-нага. Потомъ въ камерѣ политическихъ арестантовъ— мужчинъ онъ имѣлъ наглость хвастаться своимъ геройскимъ поступкомъ и сдѣлать презрительное замѣчаніе:

„А ваши политическія женщины особенной красотой не отличаются".

Среди арестантовъ этой камеры былъ одинъ учитель, по фамиліи Щедринъ; до крайности возмущенный мерзкимъ хвастовствомъ и издѣвательствомъ полковника, онъ бросился на него, назвалъ его презрѣннымъ трусомъ и лжецомъ и ударилъ его въ физіономію.

Щедринъ за это оскорбленіе офицера и за попытку бѣгства при своемъ прибытіи въ Кару былъ прикованъ къ тачкѣ. Въ іюлѣ 1882 года его, вмѣстѣ съ другими опасными политическими, отправили въ Петербургъ, т. е. въ Шлиссельбургъ. Даже при пересылкѣ онъ былъ прикованъ къ тачкѣ, но такъ какъ дороги были плохія и постоянные толчки тачки причиняли ему раны, его, наконецъ, освободили отъ этого орудія пытки, привязавъ тачку сзади къ экипажу. Оберъ-лейтенантъ Винокуровъ, пересылочный инспекторъ въ Западной Сибири, разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ въ Тобольской губерніи Щедрина съ тачкой, привязанной къ его повозкѣ.

Послѣ голодовки лѣтомъ 1882 года, жизнь арестантовъ въ политической тюрьмѣ въ Карѣ стала на нѣкоторое время нѣсколько сноснѣе. Они опять могли имѣть книги, деньги и теплую одежду и два часа въ день могли гулять по тюремному двору. Но санитарныя условія все-таки были плохи, на больныхъ обращалось мало вниманія, и смертность была очень велика *).

*) Я не могъ добыть полнаго списка заключенныхъ, умершихъ,

Въ промежутокъ времени между отказомъ полковника Кононовича въ 1881 году и назначеніемъ капитана Николина въ 1885 году смѣнилось семь *) начальниковъ и, въ зависимости отъ настроенія лица, стоявшаго у власти, мѣнялся и режимъ тюрьмы. Арестантамъ то разрѣшалось имѣть книги и деньги, ежедневно гулять и переписываться съ родственниками, то нѣтъ. Устроенныя въ 1882 году для уменьшенія камеръ перегородки, въ 1884 году были снова уничтожены; уничтоженная въ 1881 году вольная команда—въ 1885 году снова возстановлена. Съ каждымъ новымъ офицеромъ мѣнялись порядки и вмѣсто закона дѣйствовали произволъ начальства и его минутныя фантазіи. Лучшимъ начальникомъ, по свидѣтельству арестантовъ, былъ Бурлей. Халтуринъ былъ грубъ и жестокъ, Шубинъ—человѣкъ безхарактерный, а Минаевъ былъ не только пьяница, но и воръ, уничтожившій сотни писемъ и присвоившій тысячу девятьсотъ рублей, посланныхъ заключеннымъ отъ ихъ родственниковъ и друзей изъ Европейской Россіи. Всѣ эти офицеры принадлежали къ Иркутской жандармеріи. 16-го января 1884 года политическая тюрьма была подчинена исключительному контролю царской полиціи, и въ началѣ 1885 года присланъ изъ Петербурга капитанъ Николинъ и ему ввѣрено было начальствованіе политической тюрьмой.

Событія подтвердили все то, что въ 1881 году полковникъ Кононовичъ говорилъ секретарю министерства внутреннихъ дѣлъ Дурново относительно управленія политической тюрьмы.

Правительство принудило честнаго и гуманнаго человѣка къ отставкѣ, а на его мѣсто, одного за другимъ поставило

покончившихъ самоубійствомъ и сошедшихъ съ ума въ политической Карійской тюрьмѣ за періодъ отъ 1879 до 1886 года. Мнѣ извѣстны только слѣдующіе случаи: случаи смерти (за исключеніемъ одного,—всѣ отъ скоротечной чахотки): Ишутиковъ, Кривошеинъ, Жуковъ, Попеко, г-жа Лисовская, Тихоновъ, Рогачевъ, д-ръ Веймаръ, г-жа Армфельдъ и г-жа Кутитонская; самоубійства: Семеновскій (застрѣлился), Родичевъ (отравился), Успенскій (повѣсился). Сошли съ ума: Матвѣевъ, Зубковскій, Позенъ и госпожа Ковальская (послѣдняя поправилась). Во время нашего посѣщенія въ рудникахъ изъ одиннадцати женщинъ въ политической тюрьмѣ, восемь были больны.

*) Кононовичъ, Потуловъ, Халтуринъ, Бурлей, Шубинъ, Минаевъ, Бурлей (второй разъ) и Николинъ.

полдюжины неспособныхъ и жестокихъ людей, неминуемымъ послѣдствіемъ чего были трагедія за трагедіей, ужасъ за ужасомъ. Правительство все еще дѣйствуетъ по старому,— я покажу это въ другой статьѣ — и, слѣдовательно, не можетъ ожидать и другихъ результатовъ. Оно сѣетъ вѣтеръ и въ недалекомъ будущемъ пожнетъ бурю.

12-го ноября господинъ Фростъ и я съ радостью отправились домой. Когда мы съ маіоромъ Потуловымъ выѣзжали изъ мрачной колоніи, называемой нижними золотыми пріисками, насъ увидали и узнали двое политическихъ арестантовъ, въ своихъ длинныхъ сѣрыхъ халатахъ подходившіе въ это время къ политической тюрьмѣ, на разстояніи 150—200 метровъ отъ дороги; когда мы проѣзжали мимо нихъ, они остановились, сняли фуражки и низко поклонились намъ. Это было ихъ послѣднимъ нѣмымъ прощаніемъ съ путешественниками, высказавшими имъ свою симпатію и сочувствіе; это было также и моимъ прощаніемъ съ Карійскими рудниками.

Ночь мы провели въ домѣ тюремнаго смотрителя въ Усть-Карѣ, у устья рѣки того же имени; а на слѣдующее утро сѣли на лошадей, чтобы верхомъ ѣхать черезъ горы въ Стрѣтенскъ. Когда мы усаживались на лошадей, маіоръ Потуловъ откупорилъ бутылку бѣлаго крымскаго вина, налилъ три полныхъ стакана и выпилъ съ нами, сказавъ: „за счастливое возвращеніе въ Америку“. Мы опорожнили стаканы съ радостной надеждой счастливо вернуться на родину; поблагодарили маіора Потулова за его доброту и гостепріимство, обѣщали телеграммой извѣстить его о нашемъ прибытіи въ Стрѣтенскъ и помчались въ горы.

Область вдоль Шилки и вблизи Кары—необитаема; на нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки раскинуло свои юрты полудикое кочевое племя, которое русскіе называютъ „Орожанами“. Они признаютъ русскаго императора, платятъ налоги и считаются христіанами, но въ русскихъ поселкахъ появляются очень рѣдко, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ надо вымѣнять мѣха на ножи, котлы и табакъ.

За время своего двухдневнаго путешествія верхомъ, по дикимъ лѣсистымъ горамъ, окаймляющимъ Шилку, мы страшно прозябли, изголодались и ужасно устали. На третій день мы доѣхали до Боти, деревни, откуда были взяты нами лошади, и застали большинство населенія за молотьбой зерноваго

хлѣба на льду. Волненія за періодъ нашего житья на Карѣ и неудобства перевала верхомъ черезъ горы, въ сильный морозъ, такъ меня извели, что я едва держался на лошади. Къ счастью, рѣка отъ Боти вполнѣ замерзла, и мы могли продолжать свой путь по льду въ саняхъ. 16-го ноября, глухою ночью, мы, усталые, голодные и сильно промерзшіе, добрались до Стрѣтенска и въ маленькой избушкѣ молодого крестьянина Сабликова, у котораго мы оставили большую часть своего багажа нашли, наконецъ, пищу, пристанище и покой.

ГЛАВА VII

Въ серебряныхъ рудникахъ Восточной Сибири

Когда, на возвратномъ пути съ Карійскихъ рудниковъ, добрались мы съ г-номъ Фростомъ, наконецъ, до Срѣтенска, то были такъ измучены, что желали лишь полнаго покоя. Тревоги и лишенія всякаго рода, недостаточное питаніе при продолжительномъ пребываніи на морозѣ—все это сильно подорвало мои силы; я не могъ пройти ста шаговъ, не могъ надѣть шубы, не ощущая усталости и сильнаго сердцебіенія. Было-бы безразсудно ѣхать въ такомъ состояніи за 600 миль въ безрессорной телѣгѣ по дикому и безлюдному краю, среди котораго разбросаны Нерчинскіе серебряные рудники, и мы рѣшили дать себѣ трехдневный отдыхъ. Остановились мы у молодого крестьянина Сабликова, изба котораго стояла на берегу рѣки Шилки, спали въ эти дни какъ можно больше, ѣли все, что только могли тамъ достать и подкрѣплялись, кромѣ того, хиной и Либиховскимъ экстрактомъ.

Въ воскресенье утромъ я почувствовалъ себя нѣсколько окрѣпшимъ и рѣшился пройтись за рѣку, въ Срѣтенскъ. Тамъ зашелъ я къ засѣдателю (уѣздный глава полиціи), чтобы добыть себѣ лошадей.

Въ Нерчинскомъ горномъ округѣ почти нѣтъ казенныхъ почтовыхъ дорогъ, но губернаторъ далъ намъ по телеграфу полномочіе требовать содѣйствія полиціи при наймѣ лошадей да, кромѣ того, маіоръ Потуловъ снабдилъ меня рекомендательными письмами въ большую часть полицейскихъ управленій.

Засѣдатель принялъ меня любезно и сейчасъ же отдалъ распоряженіе достать лошадей, но сообщилъ мнѣ очень непріятную новость: въ мѣстности между Срѣтенскомъ и рудниками свирѣпствовала оспа, такъ что заходить въ крестьянскія

избы и, тѣмъ болѣе, ночевать въ нихъ, было-бы неразумной смѣлостью.

Путешествіе въ рудники, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, грозило намъ полнымъ лишеніемъ обычнаго комфорта въ пищѣ и помѣщеніи, когда же къ этому присоединялась необходимость оставаться постоянно на открытомъ воздухѣ при температурѣ неизмѣнно держащейся ниже нуля по Фаренгейту, то съ этимъ опасно было шутить! Поэтому мнѣ очень улыбалось проѣхать сейчасъ прямо въ Нерчинскъ и уже оттуда отправиться въ объѣздъ по рудникамъ. Но ворочаться въ рудники изъ Нерчинска—это значило дѣлать большой крюкъ, къ тому же г-нъ Фростъ не боялся заразы, и я рѣшился остаться вѣрнымъ своему прежнему плану.

Въ воскресенье же, послѣ обѣда, уложили мы нашъ багажъ на плоское дно маленькой телѣги, привязали къ ея задку мѣшокъ съ замороженнымъ хлѣбомъ и двинулись по дорогѣ къ Александровскому заводу и руднику Алгачи на парѣ лошадей, которыми правилъ оборванный и запуганный кучеръ.

Не надо думать, что Нерчинскіе серебряные рудники лежатъ возлѣ одноименнаго съ ними города; они раскинуты на пространствѣ болѣе, чѣмъ въ тысячу квадратныхъ миль, въ дикой, гористой мѣстности, угрюмой и печальной. Мѣстность эта называется Нерчинскимъ горно-серебрянымъ округомъ; она граничитъ на югѣ съ Монголіей и занимаетъ большую часть треугольника, образуемаго Аргунью и Шилкой передъ ихъ сліяніемъ въ Амуръ.

Верхніе слои серебряныхъ и свинцовыхъ залежей были извѣстны уже до-историческимъ обитателямъ Сибири и первые русскіе изслѣдователи нашли около Аргуни слѣды ихъ примитивныхъ сооруженій для выработки руды. Въ 1700 году, горный инженеръ, грекъ, состоявшій на русской службѣ, основалъ у монгольской границы селеніе Нерчинскъ, и, прежде чѣмъ, истекло столѣтіе, въ двадцати различныхъ мѣстахъ между Шилкой и Аргунью были вырыты шахты и выстроены восемь доменныхъ печей или „заводовъ“ для плавки руды.

Горныя работы сначала исполнялись крестьянами, которыхъ принудительно переселяли изъ другихъ частей Сибири туда, гдѣ была надобность въ ихъ работѣ, но въ 1722 году ихъ стали замѣнять каторжники, привозимые изъ тюремъ Европейской Россіи. Съ тѣхъ поръ рудники обслуживались

частью крестьянами, частью уголовными преступниками, осужденными на каторжныя работы. За исключеніемъ поляковъ и нѣсколькихъ декабристовъ-заговорщиковъ 1825 года—политическіе преступники въ Нерчинскій горный округъ не ссылались. Но послѣ неудачнаго польскаго возстанія 1863 года туда свезли тысячи повстанцевъ *), и вскорѣ стало правиломъ ссылать политическихъ преступниковъ въ этотъ округъ и именно въ Карійскіе рудники.

Ближайшей нашей цѣлью было селеніе Александровское, „Александровскій заводъ“ лежащій къ юго-западу отъ Нерчинска миляхъ въ 125. Доменныя печи, которымъ селеніе обязано своимъ именемъ и, отчасти, значеніемъ, много лѣтъ уже не работаютъ и пришли въ совершенный упадокъ, но поселокъ существуетъ и въ немъ еще есть небольшая тюрьма. Ее-то намъ и хотѣлось осмотрѣть, а такъ какъ селеніе Александровское было пунктомъ, съ котораго удобно было съѣздить въ оставленный, но извѣстный своимъ прошлымъ Акатуевскій рудникъ, то мы рѣшили тамъ остановиться.

Погода при нашемъ отъѣздѣ была холодная, небо облачно и дулъ ледяной нордостъ. Холмы, между которыми мы проѣзжали, покрывалъ легкій слой снѣга, но дорога была совершенно суха, такъ что скоро мы покрылись пылью, поднятой колесами нашего экипажа. Проѣхавъ миль двадцать, мы уже озябли, устали и проголодались, намъ хотѣлось освѣжиться и отдохнуть, но деревня, въ которой мы должны были мѣнять лошадей, глядѣла будто вымершая и производила впечатлѣніе скрывающей въ своихъ жилищахъ страшную болѣзнь, такъ что у насъ не хватило смѣлости вылѣзти изъ нашей телѣги: холодъ и голодъ не были еще настолько сильны, чтобы предпочесть имъ оспу. Кучеръ нашъ старался насъ успокоить. Между прочимъ, онъ увѣрялъ, что въ эту эпидемію оспа ходитъ легкая. На это г-нъ Фростъ остроумно возразилъ, что съ оспой можетъ выйти такъ же, какъ съ сибирскими пара-

*) По Максимову, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи оффиціальные отчеты, число поляковъ, сосланныхъ въ Сибирь между 1863 и 1866, равнялось 18.623. Изъ нихъ 8.199 (включая 4.252 дворянина) посланы въ Восточную Сибирь, а 7.109 присуждены къ каторжнымъ работамъ. Почти всѣ принадлежавшіе къ послѣднему разряду отправлены въ Нерчинскіе серебряные рудники (Максимовъ „Сибирь и каторга“ III. ст. 80, 81. Спб. А. Траншель, 1871).

зитами: мѣстными уроженцами они переносятся легко, но пріѣзжаго человѣка могутъ замучить до смерти. Когда мы доѣхали до слѣдующей остановки, деревни Копунъ, было уже темно. Термометръ упалъ почти до нуля Фаренгейта и я такъ замерзъ, что едва шевелилъ окоченѣлыми членами. „Я больше не могу выдержать", сказалъ я г-ну Фросту, „нечего сказать, пріятный выборъ: заразиться оспой или замерзнуть! Я постучу въ дверь ближайшаго дома и спрошу, есть ли въ немъ эта проклятая болѣзнь, если нѣтъ—я войду обогрѣться и велю дать намъ чего-нибудь поѣсть". Я постучалъ; дверь отворила блѣдная изнуренная женщина. „Скажите, пожалуйста, нѣтъ ли въ этомъ домѣ больныхъ оспой?" спросилъ я.—Есть...—гласилъ отвѣтъ. Я не сталъ дожидаться подробностей, бросился назадъ къ телѣгѣ и объявилъ г-ну Фросту, что мы находимся между двухъ огней и можемъ расчитывать только на нашъ мѣшокъ съ хлѣбомъ. Но съ хлѣбомъ тоже случилось несчастье, онъ оказался на-твердо замерзшимъ и кромѣ того щедро посыпаннымъ пескомъ и пылью, что летѣли изъ подъ колесъ нашей телѣги и проникали сквозь рѣдкую ткань мѣшка! Я далъ хлѣбецъ г-ну Фросту, взялъ самъ другой и сидѣли мы такъ въ полутьмѣ, грызя замерзшій хлѣбъ и дрожа отъ холода добрыхъ три четверти часа, пока дождались свѣжихъ лошадей. Чтобы впредь сберечь мѣшокъ съ хлѣбомъ отъ мороза и пыли, мнѣ пришло въ голову сѣсть на него самимъ. Попробовали такъ сдѣлать, но сидѣть на мѣшкѣ съ замерзшимъ хлѣбомъ, тоже было не особенно пріятно. Наконецъ привели лошадей и послѣ еще долгаго путешествія по морозу добрались мы въ 9 часовъ вечера до уютнаго станціоннаго дома на ст. Шеляпугино, на почтовой дорогѣ между Нерчинскомъ и Нерчинскимъ заводомъ. Я чувствовалъ что въ этотъ день я уже никуда больше не годенъ и такъ какъ почтмейстеръ увѣрялъ, что на станціи не было ни одного случая заболѣванія оспой, то мы втащили въ домъ наши вещи, напились чаю и растянулись, по обыкновенію, на полу комнаты для проѣзжающихъ, подстеливъ подъ себя наши овчинныя шубы. За ночь мы хорошо отдохнули, утромъ, въ понедѣльникъ, позавтракали чаемъ съ свѣжимъ хлѣбомъ, поѣли, кромѣ того, жирнаго супу и, подкрѣпившись такимъ образомъ, поѣхали дальше, на Александровскій заводъ. Весь день дорога шла по плоской равнинѣ, между безлѣсными, пустынными холмами. Небо было ясно, солнце ярко свѣтило, но тер-

мометръ показывалъ 15 градусовъ холода (по Фаренгейту). Лошади наши побѣлѣли отъ инея. Тряска телѣги не давала намъ какъ слѣдуетъ завернуться въ шубы и мы ужасно мерзли. Въ половинѣ седьмого вечера мы остановились пить чай въ деревнѣ, въ названіи которой я насчиталъ больше буквъ, чѣмъ въ ней было жителей: она звалась—Кафвикучигазамурская. Здѣсь мы встрѣтились съ однимъ молодымъ техникомъ, который былъ посланъ изъ Петербурга въ рудники, чтобы обучить каторжанъ употребленію динамита и возвращался теперь обратно. Онъ нарисовалъ намъ очень мрачную картину жизни горно-серебрянаго округа. Тюрьмы его онъ называлъ „худшими во всей имперіи“, должностныхъ лицъ „грубыми и неспособными“; каторжане, по его словамъ, содержатся плохо, бьетъ ихъ всякій за дѣло и безъ дѣла, ихъ заставляютъ работать даже во время болѣзни, они часто погибаютъ отъ взрывчатыхъ веществъ, потому что надзиратели слишкомъ невѣжественны и легкомыслены и не принимаютъ необходимыхъ предосторожностей. Объ высшемъ горномъ управленіи онъ говорилъ язвительно: повидимому, его личныя отношенія къ этому послѣднему были непріятнаго свойства. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, мнѣ казалось болѣе благоразумнымъ не принимать его сообщеній на вѣру, а сравнить ихъ впослѣдствіи съ своими собственными наблюденіями.

Въ полночь подъ вторникъ прибыли мы въ Макарово, деревню, лежащую въ 112 миляхъ отъ Срѣтенска. Ночь мы провели тамъ въ „земской квартирѣ“; это одна изъ жилыхъ крестьянскихъ избъ, въ которой проѣзжающіе чиновники имѣютъ право на помѣщеніе и продовольствіе. Тотчасъ послѣ чая отправились мы на покой. Г-нъ Фростъ легъ на полу, а я подъ окномъ на лавкѣ. Въ комнатѣ было невыносимо жарко. Отъ еловыхъ, бревенчатыхъ стѣнъ шелъ сильный смоляной запахъ. Воздухъ былъ такой спертый и тяжелый, что я долго не могъ уснуть. Только что, какъ мнѣ показалось, успѣлъ я забыться, какъ вдругъ меня разбудило громкое „кукареку!“ раздавшееся гдѣ то необычайно близко. Я изслѣдовалъ этотъ своеобразный феноменъ и открылъ, что пустое пространство подъ моей лавкой обращено съ помощью досокъ въ курятникъ. Большой пѣтухъ, вообразивъ очевидно, что скоро наступитъ день, просунулъ голову сквозь доски и кричалъ мнѣ буквально въ уши. Усердный сторожъ никакъ не могъ успокоиться; съ короткими промежутками

всю ночь раздавался его тревожный кличъ. Ища отъ него убѣжища я ушелъ въ самый дальній уголъ комнаты, гдѣ пришлось лечь на полу, но и тамъ не было мнѣ покоя. Мнѣ приходилось въ сибирскихъ деревняхъ спать въ обществѣ жеребятъ, собакъ, овецъ и даже рогатаго скота, но одинъ бдительный пѣтухъ въ маленькой комнатѣ можетъ причинить болѣе безпокойства, чѣмъ цѣлый ковчегъ четвероногихъ.

Въ воскресенье въ 10 часовъ утра пріѣхали мы въ Александровскій заводъ. Это—глухая сибирская деревня съ двумятремястами жителей, брошенная среди необработанныхъ степей, съ ветхимъ мостомъ на переднемъ планѣ и съ низкими, лишенными растительности, покрытыми снѣгомъ горами вдали. Тюрьма въ которую повелъ насъ директоръ ея, г-нъ Ѳоминъ, оказалась собственно богадѣльней, предназначенной для проживанія неспособныхъ къ работѣ или слабыхъ отъ старости каторжниковъ Нерчинскаго горнаго округа. Главное зданіе, одноэтажный бревенчатый домъ, вмѣщалъ во время нашего посѣщенія 137 заключенныхъ. Онъ простоялъ уже полъ столѣтія и, понятно, ему многаго не хватало въ санитарномъ отношеніи. Полы были грязны, воздухъ тяжелый и испорченный, корридоры наполнены запахомъ отхожихъ мѣстъ и невычищенныхъ „парашъ“. Въ двухъ камерахъ нашли мы душевно больныхъ, живущихъ среди своихъ здоровыхъ товарищей. Маленькая, соединенная съ тюрьмой больница не была, однако, черезъ-чуръ переполнена и показалась мнѣ довольно хорошо содержимой, только грубыя простыни на кроватяхъ были грязны; смотритель больницы увѣрялъ, что и это не его вина, такъ какъ бѣлье выдаютъ очень скупо; видно было, что онъ очень обрадовался, когда я сказалъ, что его госпиталь хотя и малъ, но содержится чище и лучше всѣхъ, видѣнныхъ мною въ Забайкальѣ. Послѣ осмотра тюрьмы мы съ г-номъ Фростомъ возвратились въ комфортабельный домъ г-на Ѳомина и нашли тамъ Нерчинскаго исправника, объѣзжавшаго свой уѣздъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ около 40, высокій, стройный и красивый. Онъ былъ очень разговорчивъ и отнесся къ намъ съ большимъ участіемъ. О Нерчинскихъ рудникахъ онъ высказывалъ очень „вольныя“ мнѣнія. По его мнѣнію, правительство вело дѣло ихъ эксплуатаціи неумѣло, съ крупными промахами и очень расточительно; правительственные инженеры большею частью продажные или бездарные люди, такъ что доходъ съ рудниковъ гораздо меньше того, чѣмъ могъ

бы быть и онъ считалъ бы болѣе выгоднымъ для страны сдать всѣ серебряные рудники этого округа частнымъ предпринимателямъ. Какъ образчикъ господствующей системы хозяйничанья, онъ разсказалъ мнѣ исторію двухъ золотыхъ розсыпей въ своемъ округѣ. Ихъ изслѣдовали царскіе инженеры *) и объявили неимѣющими никакой цѣнности, а вслѣдъ затѣмъ онѣ были проданы частнымъ лицамъ и—принесли имъ 600 пудовъ, т. е. болѣе 24.000 фунт.(?) чистаго золота. Исправникъ не сказалъ прямо, но далъ понять, что инженеры стакнулись съ покупателями золотыхъ розсыпей и подѣлили съ ними прибыль. Я нисколько не сомнѣваюсь, что такъ именно и было. Чиновники, которымъ царь ввѣрилъ управленіе своими личными сибирскими имѣньями, всегда будутъ его обманывать.

Послѣ отличнаго обѣда, который состоялъ изъ супа, рыбы, жареныхъ тетерекъ, овощей, фруктовъ, свареныхъ въ сахарѣ, водки и трехъ сортовъ вина, которое г-нъ Ѳоминъ досталъ въ честь гостей, поѣхали мы всѣ на Акатуйскій рудникъ, миль за 12. Рудникъ этотъ давно уже былъ заброшенъ администраціей и весь наполнился водой, но мнѣ было интересно осмотрѣть его мѣстоположеніе во-первыхъ потому, что это было когда-то самое страшное мѣсто наказанія во всей Сибири, во-вторыхъ потому, что какъ разъ въ это время правительство дѣлало приготовленія къ переводу всѣхъ политическихъ каторжанъ съ Кары на Акатуй. На разстояніи шести или восьми миль отъ завода шла наша дорога по однообразной степи, кончавшейся у подножія невысокаго горнаго хребта, потомъ по ровной долинѣ ограниченной безплодными, достигающими до 1.000 футовъ вышины, горами; ихъ крутые склоны загораживали горизонтъ со всѣхъ сторонъ. Долина становилась все уже и переходила въ угрюмое ущелье въ $1^1/_2$—2-хъ миляхъ за маленькой деревушкой Акатуй. Единственными признаками растительной жизни въ этомъ мѣстѣ было нѣсколько искривленныхъ буксовъ съ опавшими листьями;

*) Почти всѣ рудники въ этой части Забайкалья есть личная собственность царя и извѣстны подъ именемъ „Кабинетскихъ рудниковъ“. Какимъ способомъ были они пріобрѣтены, я не знаю. Одинъ знакомый мнѣ русскій интеллигентъ началъ трудъ, который долженъ былъ быть опубликованъ за границей, подъ заглавіемъ: „Происхожденіе богатствъ дома Романовыхъ“, но былъ сосланъ въ Сибирь раньше, чѣмъ окончилъ свое изслѣдованіе.

только эти буксы и прерывали кое-гдѣ однообразіе снѣжнаго покрова холмовъ. Кажется никогда въ жизни не видѣлъ я настолько уединеннаго, безотраднаго и отрѣзаннаго отъ всего остальнаго свѣта клочка земли. Можно было представить себя перенесеннымъ въ ледяныя поля Гренландіи или на сѣверный полюсъ. „Вотъ старая политическая тюрьма“: сказалъ исправникъ, когда мы остановились передъ наполовину разрушеннымъ зданіемъ своеобразной архитектуры; оно было бревенчатое, когда-то выштукатуренное и по серединѣ его были сводчатые ворота. По сторонамъ этого строенія находились двѣ кирпичныя тюрьмы, одна почти что безъ крыши и обѣ въ крайнемъ упадкѣ. Очевидно эти тюрьмы были раньше обнесены палисадомъ, а бревенчатый домъ съ воротами служилъ для входа и для помѣщенія стражи. Палисадъ давно исчезъ, желѣзныя рѣшетки оконъ были сняты и поверхностному наблюдателю было-бы трудно угадать по оставшимся обломкамъ, для какой цѣли служило раньше это зданіе. Я всталъ съ телѣги и вошелъ въ тюрьму стоящую по правую руку отъ караульни, надѣясь открыть гдѣ-нибудь на стѣнѣ надпись несчастнаго, одинокаго заключеннаго, или желѣзное кольцо въ стѣнѣ, къ которому приковывали строптивыхъ каторжанъ. Но всѣ желѣзныя части давно исчезли, полы прогнили, штукатурка обвалилась и не осталось ничего другого, что могло бы помочь воображенію вызвать картину изъ ненаписанной печальной исторіи этой тюрьмы, или, что свидѣтельствовало-бы о безчеловѣчіи и трагедіяхъ, которыми такъ обезславленъ Акатуй. Тюрьма на-лѣво отъ караульни была въ гораздо лучшемъ состояніи и внимательный осмотръ ея былъ бы, конечно, болѣе вознагражденъ; но окна ея были накрѣпко заперты и на тяжелой, изъ толстыхъ досокъ двери, висѣлъ замокъ, а директоръ увѣрялъ, что онъ не можетъ достать ключей и не знаетъ никакого способа туда проникнуть.

Входъ въ Акатуйскій рудникъ находится въ холмѣ на 500—600 футовъ выше уровня долины. Въ полумракѣ мы могли различить только маленькій навѣсъ надъ отверстіемъ шахты. Если бы это было пораньше, днемъ, я бы предложилъ осмотрѣть шахту, но ночь уже покрыла долину, было очень холодно, исправникъ и директоръ желали возвратиться на заводъ, и я принужденъ былъ ограничиться поверхностнымъ осмотромъ окрестностей тюрьмы.

Здѣсь жилъ и умеръ на каторгѣ Лунинъ, одинъ изъ дека-

бристовъ 1825 года и, впослѣдствіи, много польскихъ патріотовъ, сосланныхъ въ Акатуй послѣ возстанія 63 года, обрѣли здѣсь послѣдній и вѣчный покой. Найти ихъ могилы я былъ не въ состояніи. Русское правительство, конечно, вовсе не обнаруживаетъ охоты заботиться о памятникахъ политическимъ преступникамъ, которыхъ оно замучило въ сибирскихъ тюрьмахъ. По большей части надъ ихъ останками нѣтъ даже холмика.

При моемъ отъѣздѣ изъ Сибири въ печальной Акатуйской долинѣ строили новую тюрьму, куда должны были перевести съ Кары всѣхъ политическихъ каторжанъ. Правительство имѣло въ виду выкачать воду изъ заброшеннаго рудника и заставить политическихъ работать въ его сырыхъ корридорахъ. Понятно, что для послѣднихъ такая перемѣна есть ухудшеніе ихъ участи, ибо если есть въ Сибири еще одинъ столь же угрюмый, уединенный, самимъ Богомъ забытый кусокъ земли, какъ Кара, то это—засыпанная снѣгомъ котловина Акатуйской долины.

Поздно вечеромъ воротились мы на Александровскій заводъ. Хорошо выспавшись и великолѣпно позавтракавши, двинулись мы въ среду около полудня въ рудникъ Алгачи, отстоящій отъ Александровскаго завода на 22 мили. Мѣстность, по которой мы ѣхали, была ужасно однообразна. Ряды низкихъ, закругленныхъ холмовъ, съ безплодной почвой, слѣдовали одинъ за другимъ, какъ волны въ океанѣ, почти безъ всякаго признака жизни и растительности, кромѣ стоговъ сѣна, сложенныхъ внизу долины. Съ вершины послѣдней возвышенности, которую мы должны были переѣхать, чтобы достигнуть Алгачи, видна была мѣстность миль на 30 кругомъ и вся она имѣла видъ безграничнаго моря, внезапно превратившагося въ ледъ въ моментъ самаго разъяреннаго урагана. Далеко внизу, въ снѣжной котловинѣ между двумя могучими волнами этого моря, разглядѣли мы маленькую группу бревенчатыхъ домовъ. Кучеръ нашъ объявилъ, что это деревня при Алгачійскомъ рудникѣ. На всемъ пространствѣ, куда только хваталъ глазъ, не было ни одного дерева, не видно было никакого темнаго предмета, который прервалъ бы таинственную бѣлизну снѣжнаго океана и маленькая деревушка производила впечатлѣніе плывучаго бревна, которое на одну минуту остановилось въ водоворотѣ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ужасныя волны внезапно обратились въ снѣгъ и ледъ. Мы спу-

стились съ крутого горнаго склона по мощенной, идущей зигзагами, дорогѣ, на деревенскую улицу, грязную, забросанную соломой, съ двумя рядами избъ по сторонамъ. Навстрѣчу намъ шли съ пастбища (?) коровы, гналъ ихъ мальчикъ въ овчинной шубѣ. Наконецъ, окруженные большой толпой любопытныхъ, остановились мы передъ „земской квартирой",—домомъ для остановки оффиціальныхъ лицъ,—гдѣ мы рѣшили провести ночь. Было уже пять часовъ вечера, слѣдовательно, слишкомъ поздно для осмотра тюрьмы или рудника. Поэтому, перетаскавъ нашъ багажъ въ домъ и давъ обитателямъ этого послѣдняго необходимыя свѣдѣнія о нашихъ личностяхъ, мы стали приготовлять ужинъ. Наши запасы не представляли большого выбора, но хозяйка подала намъ кипящій самоваръ, немного молока и масло, г-нъ Фростъ торжественно принесъ ящикъ засахаренныхъ калифорнійскихъ персиковъ, которые онъ купилъ въ Срѣтенскѣ „для особенныхъ случаевъ", а на весело пылавшемъ огнѣ оттаяли мы, надѣвъ на палку, часть нашего замерзшаго, засыпаннаго пескомъ хлѣба. Ужинъ показался намъ такимъ великолѣпнымъ, что г-нъ Фростъ забылъ на этотъ разъ объ отсутствіи булокъ, а въ 9 часовъ, счастливые, что находимся въ тепломъ и удобномъ домѣ, легли мы на полу спать.

Въ среду утромъ, позавтракавъ, сдѣлали мы визиты: горному инженеру г-ну Нестерову и подполковнику Залтштейну, начальнику тюрьмы. Г-нъ Нестеровъ принялъ насъ съ торжественнымъ русскимъ гостепріимствомъ, настоялъ, чтобы мы еще разъ позавтракали и усердно наполнялъ наши стаканы водкой, крымскимъ виномъ и бостонскимъ лимонадомъ. Подполковникъ Залтштейнъ жилъ въ большомъ, удобномъ домѣ, наполненномъ цвѣтущими олеандрами, геранью и абутилонами. Онъ также принудилъ насъ осушить съ нимъ бутылку вина и въ третій разъ закусить, такъ что прошелъ цѣлый часъ, пока, наконецъ, двинулись мы по дорогѣ, ведущей къ тюрьмѣ и руднику. Подполковникъ Залтштейнъ, финнъ по происхожденію, говорившій по-русски съ нѣмецкимъ акцентомъ, показался мнѣ человѣкомъ честнымъ и заслуживающимъ довѣрія; мнѣнія свои выражалъ онъ съ большой самостоятельностью и не безъ юмора.

„Я боюсь", сказалъ онъ, когда мы шли по деревенской улицѣ, „что наша тюрьма окажется самой плохой, какую вы когда либо вообще видѣли. Она очень стара и плоха, а я

очень мало могу сдѣлать для ея улучшенія: мы живемъ слишкомъ далеко отъ Петербурга"!

Я отвѣтилъ, что навѣрно она не можетъ быть хуже смирительнаго дома для каторжанъ въ Усть-Карѣ и что я достаточно видѣлъ, чтобы понять нѣкоторую трудность тюремныхъ улучшеній. Онъ ничего на это не сказалъ, но съ сомнѣніемъ покачалъ головой, какъ бы предполагая, что осмотръ Алгачійской тюрьмы значительно обогатитъ мои свѣдѣнія на этотъ счетъ. Скоро мы остановились передъ высокимъ деревяннымъ палисадомъ, гдѣ были встрѣчены часовымъ, отдавшимъ честь, и дежурнымъ офицеромъ. Офицеръ впустилъ насъ на просторный дворъ, посрединѣ котораго помѣщалась тюрьма. Это было длинное, низкое, четыреугольное строеніе изъ обтесанныхъ, пригнанныхъ другъ къ другу балокъ, съ простой досчатой крышей и длиннымъ рядомъ оконъ съ прочными рѣшетками. На одномъ концѣ его была дверь подъ небольшимъ навѣсомъ. Въ цѣломъ все это произвело на меня впечатлѣніе полнаго разрушенія. Одна изъ продольныхъ стѣнъ такъ сильно погнулась, что отклонилась отъ перпендикулярной линіи, по крайней мѣрѣ, фута на два и, вѣроятно, давно бы обвалилась, если бы ее не подпирали по всей длинѣ крѣпкими балками. Стѣны были когда-то давно выштукатурены известью и выбѣлены; теперь большіе куски этой облицовки обвалились, что придаетъ зданію видъ совершенной запущенности. Подполковникъ Залтштейнъ не могъ точно опредѣлить возрастъ постройки, но считалъ вѣроятнымъ, что оно стоитъ съ 1817 г., когда впервые былъ открытъ рудникъ. Мы прошли въ темный, дурно пахнувшій корридоръ, который прорѣзывалъ зданіе во всю длину. Тотчасъ прямо у входа находилась аптека, а примыкающая къ ней большая камера служила лазаретомъ. Въ послѣдней стояло 8 или 10 низкихъ кроватей, на нихъ лежало столько же больныхъ и раненыхъ арестантовъ, подъ грязными, мѣстами окровавленными простынями. У больныхъ были такія блѣдныя, исхудалыя и страшныя лица, какихъ я еще никогда не видалъ. Смотритель разсказалъ намъ, что большая часть изъ нихъ была изувѣчена взрывомъ динамита въ рудникѣ. Воздухъ въ лазаретѣ былъ такъ невыносимо скверенъ, что я осмотрѣлъ все очень бѣгло и радъ былъ когда вышелъ обратно въ корридоръ. Первая камера, которую мы осмотрѣли, занимала площадь приблизи-

тельно въ 22 кв. фута, въ высоту равнялась 7-8-ми футамъ, имѣла два окна и большую кирпичную печь. По тремъ стѣнамъ комнаты тянулись нары (скамейки для сна). Вентиляціи не было никакого признака и воздухъ стоялъ на одной ступени съ атмосферой самой худшей изъ камеръ на Усть-Карѣ. Я вдыхалъ его только самое необходимое количество. Но что меня особенно поразило, когда я вошелъ въ камеру, были широкія полосы грязно-краснаго цвѣта, тянувшіяся въ видѣ пятнистаго бордюра по выбѣленной когда-то стѣнѣ, какъ разъ надъ нарами. Подполковникъ Залтштейнъ, который слѣдилъ за моимъ взглядомъ, сказалъ со своей обычной, полу-циничной, полу-юмористической манерой, что это арестанты старались „выкрасить свои стѣны въ красный цвѣтъ“. При ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что полосы эти состоятъ изъ безчисленнаго множества ползающихъ по стѣнкѣ клоповъ и маленькихъ кровавыхъ пятенъ. Это были слѣды паразитовъ, раздавленныхъ арестантами ночью на всемъ пространствѣ стѣны, которое можно достать рукою лежа. Я не смогъ бы опредѣлить, сколько лѣтъ и сколько тысячъ арестантовъ занимались этими попытками „окрасить стѣну въ красный цвѣтъ“, но хорошо понимаю, чего онѣ стоили, такъ какъ самъ достаточно страдалъ отъ сибирскихъ паразитовъ. Излишне было бы описывать отдѣльно другія камеры этой несчастной тюрьмы: онѣ вполнѣ походили на первую, различаясь между собою только объемомъ; всѣ были биткомъ набиты людьми, всѣ кишѣли паразитами и во всѣхъ воздухъ былъ испорченъ свыше всякой мѣры. Ко времени нашего прибытія тюрьма вмѣщала 169 преступниковъ, что составляетъ число вдвое большее, чѣмъ то, на которое расчитано было кубическ. содержаніе воздуха. При первомъ удобномъ случаѣ я высказалъ подполковнику Залтштейну, что не понимаю, какъ онъ терпитъ такую тюрьму: „У васъ“, говорилъ я, „169 человѣкъ арестантовъ, изъ которыхъ въ рудникѣ работаютъ 40, самое большое 50 человѣкъ, всѣ остальные лежатъ безъ дѣла въ своихъ прогнившихъ камерахъ; отчего бы не послать вамъ этихъ праздныхъ людей нарубить въ лѣсу деревьевъ, перетаскать ихъ въ деревню и выстроить изъ бревенъ новую, лучшую тюрьму? Они сдѣлаютъ это охотно, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, при ничтожныхъ издержкахъ, вы будете имѣть здѣсь зданіе, годное для людского жилища“. – „Нѣтъ, ба-

тюшка, отвѣтилъ онъ *),—я не могу посылать арестантовъ въ лѣсъ не имѣя на то приказанія. Если нѣсколько человѣкъ убѣгутъ оттуда, (а это болѣе чѣмъ вѣроятно), то отвѣтственнымъ лицомъ буду я, и навѣрное меня лишатъ за это должности. Я не смѣю дѣлать ничего, на что не получилъ приказанія отъ тюремнаго управленія. Да. Вы не думайте, что Петербургское начальство не достаточно освѣдомлено о состояніи нашей тюрьмы: годъ за годомъ я посылалъ объ этомъ отчеты. Лѣтъ пять тому назадъ, послѣ того, какъ я, въ высшей степени настойчиво, просилъ о прекращеніи такого положенія вещей, получилъ я приказъ обратиться къ уѣздному архитектору и представить расцѣнку новой тюрьмы и планъ.

Я сдѣлалъ все это тогда-же, но вы сами видѣли, какъ обстоитъ это дѣло до сихъ поръ. Письмо отсюда въ Петербургъ, идетъ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ. Если нашъ планъ и разсчетъ стоимости благополучно туда дошли, то попали въ тюремное вѣдомство. Тамъ лежатъ они съ сотнями другихъ бумагъ изъ сотенъ разныхъ тюремъ со всѣхъ концовъ имперіи и ждутъ, пока дойдетъ до нихъ очередь. Онѣ могутъ прождать мѣсяцы, пока ихъ прочтутъ, разсмотрятъ и положатъ какое нибудь рѣшеніе. Если же требуется значительная сумма, то смѣта должна быть представлена министрамъ Финансовъ и Внутр. Дѣлъ, или даже ждать составленія бюджета на слѣдующій годъ. Во всякомъ случаѣ пройдетъ, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать мѣсяцевъ прежде, чѣмъ будетъ принято окончательное рѣшеніе. Гдѣ нибудь, кто нибудь навѣрное сдѣлаетъ возраженіе относительно плана или смѣты и документы присылаются къ намъ обратно, чтобы быть передѣланными по выдумкѣ какого нибудь чиновника, очень мало или вовсе ничего не знающаго о здѣшнихъ нуждахъ и условіяхъ. Мы, конечно, стараемся, передѣлывая внѣшность, сохранить сущность сдѣланнаго нами плана и счета и посылаемъ ихъ назадъ въ Петербургъ. Тѣмъ временемъ персоналъ нашего вѣдомства перемѣнился. Новые чиновники заступили мѣсто старыхъ и пріобрѣли значеніе новые взгляды на тюрьму и тюремныя реформы. Планы и предположенія, которые удовлетворяли начальство въ 1880 г., въ 1882 кажутся недостаточными и неполными. По прошествіи 16—18 мѣсяцевъ снова являются къ намъ бумаги на просмотръ и передѣлку—и такъ

*) Если не буквальныя слова, то содержаніе рѣчи подполковника Залтштейна передано здѣсь достаточно точно.

идетъ годъ за годомъ. Въ настоящее время онѣ въ третій разъ въ Петербургѣ. Что тутъ подѣлаешь? Даже тогда, когда соизволеніе на постройку будетъ получено, она не скоро пойдетъ впередъ. Вотъ уже десять почти лѣтъ, какъ правительство предприняло постройку новой тюрьмы при рудникѣ Горный Зерентуй, а крыша еще не покрыта, полъ и внутренняя отдѣлка еще не начаты".—„Но вѣдь это безуміе управлять чѣмъ либо такимъ образомъ", возразилъ я подполк. Залтштейну, „у васъ все перевернуто вверхъ ногами; зачѣмъ долгими годами сноситься съ равнодушными чиновниками въ Петербургѣ по поводу такой вещи, которую можетъ разрѣшить въ 24 часа губернаторъ, или даже любой исправникъ?.

По всей Восточной Сибири видѣлъ я негодныя, заброшенныя, пришедшія въ полный упадокъ деревянныя тюрьмы и именно въ такихъ содержится наибольшее число сильныхъ арестантовъ, проводящихъ время въ полной праздности. Страна богата строевымъ лѣсомъ, работа ничего не будетъ стоить: каждый русскій крестьянинъ умѣетъ срубить избу,—почему вообще не заведено, чтобы ваши ничего не дѣлающіе арестанты сами строили свои тюрьмы"?—„Существующихъ карауловъ не хватитъ, чтобы сторожить каторжниковъ въ лѣсу и они будутъ убѣгать", отвѣчалъ смотритель. „Это плохая отговорка", продолжалъ настаивать я, „Правительство можетъ безъ затрудненія увеличить гарнизонъ на время валки лѣса. Да хоть бы и ушли нѣсколько арестантовъ! На мой взглядъ лучше пусть половина ихъ разбѣжится, чѣмъ будутъ они сидѣть, ничего не дѣлая, въ такихъ тюрьмахъ"!—На это смотритель только пожалъ плечами съ многозначительной русской манерой и не продолжалъ разговора. Я же не нашелъ никакого основанія мѣнять свое мнѣніе относительно Алгачійской тюрьмы. Стыдъ для цивилизованнаго государства помѣщать людей въ подобныя жилища, хотя бы люди эти были самыми худшими изъ преступниковъ, и безпечность, равнодушіе и неспособность правительства, которыя неопровержимо доказываются подобными фактами, рѣшительно непростительны.

Вскорѣ мы разстались съ подполковникомъ Залтштейномъ поблагодарили его на прощанье и поднялись въ сопровожденіи г-на Нестерова къ руднику, который лежитъ на сѣверной сторонѣ одной изъ цѣпей горъ, образующихъ долину; отъ деревни рудникъ удаленъ приблизительно на милю. День былъ ясный, пріятный, но морозный и земля всюду была покрыта снѣгомъ.

Въ нѣсколькихъ стахъ метровъ отъ деревни вниманіе наше было привлечено какими то темными предметами на бѣломъ склонѣ одного изъ холмовъ.

„Право, мнѣ кажется, что это верблюды“! сказалъ г-нъ Фростъ, который разсматривалъ ихъ болѣе внимательно. — „Верблюды?“ воскликнулъ я недовѣрчиво, „верблюды въ Нерчинскомъ горномъ округѣ! Это изумительно! какъ могутъ они переносить этотъ климатъ?“ Когда мы подошли ближе, не оставалось никакого сомнѣнія, что это были дѣйствительно верблюды. Ужъ не могу сказать, кому они принадлежали, откуда они пришли и куда направлялись, но зрѣлище было оригинальное: большіе, двугорбые бактрійскіе верблюды объѣдали торчащіе изъ подъ снѣга стебли побитой морозомъ травы—на фонѣ печальнаго и пустыннаго полярнаго ландшафта.

Если бы мы думали найти при Алгачійскомъ рудникѣ паровыя машины, краны и толчеи американскихъ рудниковъ, то были бы сильно разочарованы. Всѣ здѣшнія сооруженія состояли изъ порохового склада, крытаго погреба, въ которомъ хранился динамитъ, одного-двухъ бараковъ, небольшой избы, служившей въ одно время складомъ для горныхъ орудій, кузницей, мѣстомъ для раздробленія и сортировки руды и караульней. Въ послѣдней во время нашего посѣщенія было съ полъ-дюжины арестантовъ, между ними двѣ—три женщины. Они дробили руду короткими молотками и сортировали ее. Надзиратель точилъ буравъ на старомъ, стертомъ брускѣ, а три или четыре солдата лежали кругомъ на низкой скамьѣ, надъ которой, въ придѣланномъ къ стѣнѣ станкѣ, висѣли ихъ берданки. Въ общемъ все указывало, что горный промыселъ развитъ здѣсь слабѣе, чѣмъ гдѣ либо, гдѣ я только бывалъ.

Г-нъ Нестеровъ не выказалъ ни малѣйшей охоты сопровождать насъ въ самыя шахты, и остался на верху, подъ предлогомъ необходимости заняться нѣкоторыми дѣлами. Онъ обѣщалъ ждать насъ и поручилъ одному изъ арестантовъ быть нашимъ проводникомъ и показать намъ все достойное вниманія. Провожатый далъ каждому изъ насъ по сальной свѣчѣ, завернутой въ кусокъ бумаги, взялъ такую же для себя, засунулъ за пазуху полушубка полдюжины динамитныхъ патроновъ такъ, что длинные, бѣлые запальные шнурки свободно болтались снаружи и объявилъ что онъ вполнѣ готовъ. Мы

вышли изъ мастерской и пошли слѣдомъ за нимъ вверхъ по горѣ. Метровъ черезъ сто вошли мы въ плохенькую деревянную дверь, которая вела въ низкую горизонтальную галлерею. Бока галлереи были укрѣплены балками, а наклонный полъ— шпалами примитивнаго устройства. Мы зажгли свѣчи и пошли дальше согнувшись и ощупью. Проводникъ нашъ иногда спотыкался на плохо прикрѣпленныя доски и я сильно боялся, что, падая, онъ можетъ поджечь свѣчкой висящіе запальные шнуры отъ динамитныхъ патроновъ и мы взлетимъ съ нимъ на воздухъ. Пройдя метровъ полтораста отъ входа, мы увидѣли зіяющее черное отверстіе главной шахты, изъ котораго торчалъ конецъ старой лѣстницы. Проводникъ нашъ поползъ по ней съ привычной ловкостью, и крикнулъ намъ оттуда, предупреждая, чтобы мы осторожнѣе ставили ноги внизъ, такъ какъ нѣкоторыхъ ступенекъ не хватаетъ. Лѣстницы были прикрѣплены другъ къ другу неправильно, такъ что, достигши нижняго конца одной, вы должны дѣлать большой шагъ въ сторону, чтобы попасть на верхнюю ступень другой. Но въ это время мы не столько были озабочены вѣрностью нашихъ шаговъ, какъ боялись быть разорванными динамитнымъ патрономъ. Предо мной все время стояли ужасныя лица подъ окровавленными простынями въ тюремной больницѣ, и какъ только я взглядывалъ въ глубину на проводника и видѣлъ огонь его свѣчи колеблющійся какъ разъ передъ запальными шнурками, я невольно раздумывалъ о томъ, каково то буду я выглядѣть, лежа на грязной тюремной койкѣ въ ожиданіи операціи, или убитымъ на смерть?.. Когда мы, частью по лѣстницѣ, частью по скользкимъ и неровнымъ доскамъ, медленно спускались въ глубь рудника, къ намъ проникъ характерный, непріятный запахъ, который я приписалъ динамитному взрыву, недавно бывшему въ одной изъ боковыхъ галлерей. Огонь нашихъ свѣчей сталъ синимъ и вскорѣ совсѣмъ потухъ. Спички тоже не загорались. Въ глубокой тьмѣ цѣплялись мы за испорченную лѣстницу надъ бездонной глубиной и напряженно ждали, долго-ли еще сможемъ мы продышать воздухомъ, въ которомъ гаснетъ всякое пламя. Очевидно было, что кислорода въ воздухѣ крайне мало, однако, мы не чувствовали стѣсненія дыханія, значитъ опасность удушенія была не очень велика. Исчеркавши безчисленное количество спичекъ, мы прошли еще двѣ-три лѣстницы и почувствовали немалое облегченіе, когда достигли, наконецъ, цѣлыми и невредимыми,

входа въ галлерею, гдѣ могли горѣть наши свѣчи. По этой галлереѣ прошли мы шаговъ сотню, мѣстами спотыкаясь о кучи блестящей руды. Каторжники перетаскивали эту руду въ горныхъ корытахъ къ выходной шахтѣ. Температура тутъ постоянно ниже точки замерзанія и ледяные кристаллы блестѣли на стѣнахъ и потолкѣ, словно тысячи драгоцѣнныхъ камней. Далѣе мы странствовали по цѣлому лабиринту тѣсныхъ и низкихъ корридоровъ, вышли къ другой шахтѣ и по безчисленнымъ лѣсенкамъ, изломаннымъ и покрытымъ льдомъ, спустились въ самую глубь рудника. Здѣсь работали 6—8 человѣкъ мужчинъ; ихъ горныя орудія, какъ и всѣ приспособленія для работъ были самаго примитивнаго устройства и вызвали бы презрительную усмѣшку у рудокоповъ Невады. Воздухъ этой части рудника содержалъ вообще очень мало кислорода, а отъ дѣйствій взрывчатыхъ веществъ еще болѣе портился, такъ что свѣчи наши постоянно гасли. Надлежащихъ мѣръ для обновленія воздуха принято не было. Единственнымъ вентиляціоннымъ аппаратомъ являлся крестообразный желѣзный вѣеръ (вѣтряный барабанъ). Одинъ изъ арестантовъ вертѣлъ его за неуклюжую рукоятку. Это сооруженіе производило очень много шуму, но было совершенно безполезно, ибо, для обмѣна дурного воздуха на свѣжій, въ немъ не хватало самаго главнаго—выводного канала. Воздухъ колебался вокругъ барабана, но оставался такимъ же скернымъ, такъ что арестантъ съ одинаковымъ успѣхомъ могъ бы вертѣть точильное колесо.

Мы разсмотрѣли въ разныхъ мѣстахъ серебряную жилу, взяли образцы всякаго сорта руды, поглядѣли, какъ работаютъ арестанты въ своихъ овчинныхъ полушубкахъ и вернулись въ главную шахту, а по ней, проползши 30 или 40 лѣстницъ, вылѣзли на бѣлый свѣтъ.

Холодный, насквозь пронизывающій вѣтеръ дулъ надъ пустыннымъ холмомъ. Группа человѣкъ въ 12—15, арестантовъ, кончившихъ свой дневной урокъ, стояла у мастерской, дрожа отъ холода. Они просили г-на Нестерова позволить имъ вернуться въ тюрьму, гдѣ они могли бы по крайней мѣрѣ согрѣться, но онъ рѣзко отвѣтилъ, что требуемое количество руды еще не разобрано и они должны ждать. Бѣдняги, съ утра не ѣвшіе, простояли подъ открытымъ небомъ, на ледяномъ вѣтрѣ еще часа полтора, пока сортировщики кончали свою работу. Такая бездушная жестокость со стороны гор-

наго чиновника подтверждала разсказы молодого петербургскаго техника. Г-нъ Нестеровъ такъ разгнѣвался на совершенно разумную просьбу полузамерзшихъ каторжниковъ, какъ будто она была выраженіемъ ихъ наглости и непослушанія.

Посмотрѣвъ нѣсколько времени на процессъ размельченія и сортированія руды въ мастерской, пошли мы въ рудникъ „Покровскій“, лежащій на четыре мили къ сѣверо-западу, на скатѣ другого, также обнаженнаго, горнаго хребта. Мѣстность между обоими рудниками была такъ пустынна и безотрадна, какъ только можно себѣ представить. Нигдѣ ни дерева, ни кустика. Волнообразныя, покрытыя снѣгомъ горы своими очертаніями походили на взволнованное вѣтромъ море. Передъ входомъ въ рудникъ расположены были постройки. Состояли онѣ изъ дома для храненія горныхъ орудій, похожаго на тотъ, что былъ въ Алгачи, „магазина“, или мѣста для запасовъ, нѣсколькихъ лачугъ, гдѣ жила каторжники—вольнокомандцы и двухъ маленькихъ тюремъ, изъ которыхъ одна, очевидно, была новая. На скалистой вершинѣ горнаго хребта, какъ разъ надъ постройками, стояли двѣ будки для часовыхъ и въ каждой изъ нихъ по солдату подъ ружьемъ. Г-нъ Фростъ усталъ и не ощущалъ никакого желанія опять итти осматривать рудникъ. Онъ сѣлъ на снѣгъ и сталъ набрасывать эскизы, насколько могли ему служить его окоченѣвшіе пальцы, засунутые къ тому же въ толстую перчатку. Я же съ г-номъ Нестеровымъ спустился въ главную шахту; велъ насъ одинъ изъ каторжныхъ. Покровскій рудникъ отличается отъ Алгачійскаго только меньшими размѣрами и меньшей же глубиной. Воздухъ въ рудникѣ былъ влажный и довольно теплый. Вода капала съ потолка галлерей и собиралась тамъ и сямъ въ маленькія лужицы, а лѣстница въ главной шахтѣ была скользкая отъ грязи. Почему здѣсь таяло, а въ Алгачійскомъ рудникѣ, т.-е. всего за четыре мили отсюда, былъ морозъ, я не могъ понять и г-нъ Нестеровъ тоже не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго объясненія. Въ Алгачійскомъ рудникѣ галлереи въ 75—100 футовъ длиною покрыты были ледяными кристаллами, а въ Покровскомъ льда вовсе не было, шахты и галлереи сочились водой. Воздухъ былъ чистъ, это доказывали и наши свѣчи, ярко горѣвшія. Работали въ рудникѣ только нѣсколько мужчинъ; они вытягивали руду наверхъ въ маленькихъ бадьяхъ, посредствомъ каната и примитивнаго ворота. Осматривая рудникъ, я карабкался внизъ

и вверхъ по скользкимъ лѣстницамъ, такъ что весь былъ покрытъ грязью, до боли въ спинѣ ползалъ согнувшись по низкимъ галлереямъ и вернулся въ мастерскую измученный и весь въ поту. Каторжный, который насъ провожалъ, задулъ свою сальную свѣчку и положилъ ее, съ тлѣющимъ еще фитилемъ, въ деревянный ящичекъ, гдѣ между другими вещами лежали и динамитные патроны. Я не боязливъ и не нервенъ отъ природы, однако, въ такомъ случаѣ, счелъ болѣе благоразумнымъ побыть нѣкоторое время на воздухѣ. Когда, судя по времени, фитиль долженъ былъ уже погаснуть и взрыва не было, я возвратился въ домъ, вымылъ свои грязныя руки въ корытѣ изъ подъ точильнаго камня, посмотрѣлъ на эскизы г-на Фроста и предложилъ г-ну Нестерову длинный рядъ вопросовъ о рудникахъ.

Серебряная жила въ рудникахъ Покровскомъ и Алгачи имѣетъ въ поперечникѣ отъ 12 дюймовъ до 6 футовъ. Руда блестящая состоитъ изъ серебра и свинца въ отношеніи 1:100, съ большей или меньшей примѣсью „цинковой обманки". Такъ какъ послѣдній металлъ плавится гораздо труднѣе, чѣмъ свинецъ и крайне обременителенъ для доменной печи, то руду предварительно разбиваютъ на мелкіе куски и сортируютъ ихъ: содержащіе цинкъ отбрасываются. Дробленіемъ и сортировкой руды занимаются женщины и самые слабые изъ арестантовъ; это считается самымъ легкимъ занятіемъ изъ всѣхъ каторжныхъ работъ. Процессъ дробленія похожъ на разбивку камня для шоссе и выполняется тяжелымъ молоткомъ съ короткой ручкой. Рудники Покровскій и Алгачи самые богатые во всемъ округѣ. Они даютъ ежегодно 400 тоннъ руды, изъ которой выплавляются 1.440 фунтовъ серебра цѣнностью на 20.000 долларовъ и 144.000 фунтовъ свинца. Свинецъ здѣсь не имѣетъ, буквально, никакой цѣны вслѣдствіе отсутствія сбыта на мѣстѣ и дороговизны перевозки. На Кутомарскомъ Заводѣ, гдѣ годами плавилась руда изъ Алгачи и Покровскаго, во время нашего посѣщенія лежало не меньше 2.000 тоннъ свинца. Среднее число арестантовъ, употребляемыхъ на работу въ обоихъ рудникахъ, составляетъ 220 и каждый доставляетъ въ годъ 36.000 фунтовъ руды, т.-е., приблизительно, 10 фунтовъ въ день. Уже одни эти числа показываютъ насколько небрежно и неэнергично ведется здѣсь горное дѣло. До начала 1885 г. каторжники посылались на свою подземную работу ежедневно, кромѣ главныхъ

церковныхъ праздниковъ; теперь имъ разрѣшили два дня отдыха въ мѣсяцъ: перваго и пятнадцатаго числа. Имъ назначаютъ опредѣленное количество работы: „урокъ“, который прилежный человѣкъ можетъ кончить въ восемь или десять часовъ. Одежда и пища ихъ такого-же качества и выдается имъ въ такомъ же количествѣ, какъ каторжникамъ Карійскихъ рудниковъ. Все содержаніе ихъ стоитъ правительству около 40 долларовъ въ годъ, значитъ 46 пфенниговъ на человѣка въ день.

Наблюдая Нерчинскіе рудники съ точки зрѣнія положенія каторжниковъ, я нашелъ, что рудники эти далеко не такъ страшны, какъ ихъ часто описываютъ. Понятно, что работать 8—10 часовъ въ сырой или обледенѣлой галлереѣ, на 300 футовъ подъ землею—не представляетъ особаго удовольствія, но на мой взглядъ даже такой трудъ менѣе вреденъ для здоровья, чѣмъ непрерывное сидѣнье въ грязной, переполненной и скверно пахнущей тюрьмѣ. Правда, рудники плохо вентилируются и при взрывахъ выдѣляются вредные газы, но ядовитыхъ испареній, какія даетъ, напр., киноварь и которыя, могутъ причинить рѣзкій ущербъ здоровью рабочихъ, въ этихъ рудникахъ нѣтъ. Изслѣдованія доказываютъ, что цифра смертности между арестантами, которые постоянно, каждый день работаютъ въ рудникахъ, не выше, чѣмъ между тѣми, что день за днемъ въ бездѣйствіи дышатъ промозглымъ воздухомъ тюремныхъ камеръ. Если бы мнѣ лично нужно было выбирать между совершенной праздностью въ Алгачійской или Усть-Карійской тюрьмѣ и регулярнымъ ежедневнымъ трудомъ въ рудникахъ, я немедля выбралъ бы послѣднее. Насколько я могъ узнать изъ разговоромъ къ каторжниками, проводить въ рудникѣ день и ночь никого никогда не принуждаютъ и я, думаю, что ходящіе объ этомъ разсказы надо всецѣло приписать вымыслу. Возможно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены двѣ смѣны: ночная и денная, такъ что работники спускаются въ рудникъ поперемѣнно, но одни и тѣ же люди никогда не остаются тамъ по 24 часа сряду. Наоборотъ, обычно ночью работы прекращаются и передъ наступленіемъ темноты, или, въ короткій зимній день, вскорѣ послѣ этого, всѣ арестанты возвращаются въ свои тюрьмы. Конечно, жизнь русскихъ каторжниковъ въ Нерчинскихъ рудникахъ вовсе не легка.—Трудно и представить весь ужасъ и безотрадность такого состоянія, когда человѣкъ цѣлые дни работаетъ въ

сырой, заплѣсневѣлой галлереѣ Покровскаго рудника, а ночи проводить въ грязной, кишащей насѣкомыми тюрьмѣ, вродѣ Алгачійской. Такая жизнь хуже чѣмъ жизнь бродячей собаки, но все же это не то что ужасное существованіе легендарнаго каторжника въ Гренвилль-Мюрей, который живетъ подъ землей дни и ночи, спитъ на камнѣ въ нишѣ скалы, работаетъ подъ плетью жестокаго надсмотрщика и медленно отравляется ртутными парами безъ всякой надежды на лучшее будущее. Все это—вещи, которыя кажутся очень жизненными въ сенсаціонной драмѣ, но въ дѣйствительной жизни ихъ нѣтъ. Самое скверное въ жизни сибирскихъ каторжниковъ вовсе не принудительныя работы, а невозможное состояніе тюремъ.

Когда мы съ гг-ами Фростомъ и Нестеровымъ возвратились съ Покровскаго рудника въ Алгачи, начало уже темнѣть. Деревенскія дѣвушки доили коровъ и наполняли свои, окованные желѣзными обручами, ушаты водой изъ родника, запруженнаго недалеко отъ земской квартиры. Мы проговорили еще нѣсколько часовъ въ домѣ г-на Нестерова (гдѣ мы обѣдали), а остатокъ вечера посвятили нашимъ замѣткамъ и эскизамъ.

Утромъ, въ пятницу 20 ноября мы простились съ г-номъ Нестеровымъ и подполковникомъ Залтштейномъ. Запасшись свѣжими припасами, сѣли мы въ телѣгу, которая оказалась маленькой и неудобной, хоть и была запряжена парой, и поѣхали въ деревню Кадайя, гдѣ былъ рудникъ. Отъ Алгачи она отстоитъ на 90 миль. Было очень холодно. Дорога попрежнему шла между однообразными, скучными, покрытыми снѣгомъ холмами и цѣлыхъ два дня мы не видѣли и не слышали ничего интереснаго. Въ пятницу вечеромъ, въ половинѣ двѣнадцатаго, пріѣхали мы усталые, голодные и полузамерзшіе въ деревню Доно (46 миль отъ Алгачи). Въ субботу послѣ обѣда проѣзжали черезъ Кутомарскій заводъ, гдѣ остановились на нѣсколько часовъ, чтобы осмотрѣть плавильныя работы. Въ воскресенье, очень рано по утру доѣхали мы до бѣдной и уединенной деревни при рудникѣ—это была Кадайя. Ночь передъ этимъ мы ѣхали всю напролетъ, голодные, по жестокому морозу, такъ что, очутившись на земской квартирѣ, мы поскорѣе обогрѣлись чаемъ и тотчасъ улеглись спать: я на полу, а Фростъ на большой кирпичной печкѣ.

Въ 10 часовъ утра мы поднялись отдохнувшіе и выспавшіеся, на скорую руку позавтракали, т. е. напились чаю съ

хлѣбомъ, и вышли на широкую, безлюдную, покрытую снѣгомъ деревенскую улицу. Г-нъ Фростъ сталъ набрасывать эскизы, а я отправился разыскивать „уставщика“,—главное должностное лицо при рудникѣ.

Кадаинскій рудникъ—одинъ изъ самыхъ старыхъ и наиболѣе прорытыхъ серебряныхъ рудниковъ въ Нерчинскомъ округѣ. Онъ расположенъ на склонѣ крутой горы съ округленной вершиной въ трехстахъ метровъ отъ деревни и на 200—300 футовъ выше ея. Онъ разрабатывается уже болѣе столѣтія и былъ раньше оченъ доходенъ, но самыя богатыя жилы уже истощены и теперь онъ стоитъ по добычѣ гораздо ниже, чѣмъ рудники Покровскій и Алгачійскій.

Уставщикъ, котораго я засталъ за работой въ избѣ по близости отъ рудника, съ виду былъ похожъ на образованнаго и интеллигентнаго сибирскаго крестьянина. Онъ принялъ меня привѣтливо, но казался нѣсколько удивленнымъ. Прочитавъ мое рекомендательное письмо, онъ заявилъ, что готовъ показать мнѣ все, что я пожелаю, и минутъ черезъ десять мы шли уже къ руднику. Въ мастерской, которая была устроена подъ нависшимъ отъ главной шахты пластомъ горной породы, мы переодѣлись; я надѣлъ на себя верхнее платье одного изъ каторжниковъ (и вскорѣ почувствовалъ, что оно полно паразитами!), а уставщикъ надѣлъ длинный, забрызганный грязью халатъ, старую форменную шапку и толстыя кожаныя рукавицы съ однимъ пальцемъ. Затѣмъ мы запаслись сальными свѣчами и сошли въ шахту. Спускаясь, мы пролѣзли по десяти или двѣнадцати лѣстницамъ и очутились въ просторной комнатѣ. Это было на глубинѣ около 120 футовъ. Отъ этой комнаты шли три или четыре галлереи въ горизонтальномъ направленіи. Эти галлереи были шире и выше всѣхъ видѣнныхъ мной въ Покровскомъ и Алгачійскомъ рудникахъ. Полъ въ нихъ былъ покрытъ водою на 3—4 дюйма, а со стѣнъ капало отъ сырости. Мы полѣзли дальше и остановились на глубинѣ 200 футовъ; здѣсь былъ второй этажъ и отсюда мы вступили въ отверстіе очень широкой и высокой галлереи, которая вела въ самыя нѣдра горы. Въ этой части рудника только что былъ взрывъ и, когда мы пробирались впередъ, по галлереѣ, наполненной пороховымъ дымомъ, я абсолютно не могъ видѣть ничего, кромѣ слабаго свѣта свѣчки уставщика. За этой путеводной звѣздой шелъ я по неровному полу галлереи, часто спотыкался въ какихъ то ямахъ, шлепалъ

въ лужи и нѣсколько разъ думалъ, что проваливаюсь въ старую заброшенную шахту. Въ одномъ мѣстѣ мы подошли къ большой выработкѣ, изъ которой, по словамъ уставщика, добывалось громадное количество руды. Балки, поставленныя тамъ для укрѣпленія породы, были такъ черны, что трудно было повѣрить, что это дерево, и такъ сгнили, что я отрывалъ отъ нихъ куски пальцами. Уставщикъ считалъ эту часть рудника очень опасной и думалъ, что далеко неблагоразумно продолжать ее разрабатывать. Съ мѣста, откуда мы повернули назадъ, виднѣлось еще нѣсколько выработокъ неправильной формы, которыя расползались по всѣмъ направленіямъ: однѣ вверхъ, другія горизонтально, третьи, наконецъ, спускались внизъ, въ темную бездну. Очевидно, люди слѣдовали за рудной жилой и вырабатывали ее наиболѣе дешевымъ и скорымъ способомъ, не заботясь даже о своей безопасности и не укрѣпляя хода ни деревомъ ни камнемъ. Никогда еще не бывалъ я въ рудникѣ, который имѣлъ бы настолько явно угрожающій видъ. Отъ этихъ большихъ пещеръ временъ Екатерины Второй направились мы въ самую глубокую часть рудника. Шахта, куда мы вступили, была вырублена въ скалѣ подъ угломъ чуть не въ 45^0, но лѣстницы тамъ не было. Съ боку висѣла тяжелая, ржавая цѣпь, прикрѣпленная къ скалѣ крюками: держась за нее, мы осторожно шли внизъ. По ногамъ нашимъ бѣжала вода, стремящаяся сверху внизъ, въ глубину шахты, и мы были мокры по колѣно. Въ самомъ глубокомъ мѣстѣ, до котораго только мы доходили, каторжники взрывали динамитомъ ходъ для новой галлереи. Чтобы вновь выбраться на поверхность, намъ пришлось карабкаться по перпендикулярно поставленнымъ и, кромѣ того, скользкимъ лѣстницамъ другой шахты футовъ 300-400, такъ что, когда я, мокрый, грязный и задохшійся, ступилъ, наконецъ, на полъ мастерской, то едва могъ стоять отъ утомленія.

ГЛАВА VIII

Приключенія въ Восточной Сибири

Осмотрѣвъ мрачные рудники и жалкій разваливающійся деревянный Кадайскій острогъ, мы съ Фростомъ отправились въ поселокъ Горный Зерентуй, минуя безконечный рядъ голыхъ, покрытыхъ снѣгомъ холмовъ.

Горный Зерентуй лежитъ въ широкой безлѣсной долинѣ, миляхъ въ 40 къ сѣверу отъ Кадайи и въ 30 отъ Монгольской границы.

До мѣста своего назначенія мы добрались только поздней ночью. Разбудивъ обитателей земской квартиры (домъ для пріѣзжающихъ чиновниковъ)—мы обогрѣлись, подкрѣпились чаемъ и легли спать—по обыкновенію на голомъ полу кишмя кишѣвшемъ паразитами.

Въ понедѣльникъ утромъ мы посѣтили коменданта мѣстечка—капитана Демидова; по нашей просьбѣ онъ тотчасъ же провелъ насъ въ тюрьму.

Тюрьма состояла изъ двухъ старыхъ обветшалыхъ бревенчатыхъ домовъ, обычнаго восточно-сибирскаго типа и не представляла ничего новаго или интереснаго. Въ обоихъ зданіяхъ содержалось 180 каторжанъ; столько же приблизительно—уже отбыли срокъ своего испытанія и находились теперь въ вольной командѣ.

Невдалекѣ отъ тюрьмы возвышалось новое трехэтажное кирпичное строеніе; оно было неокончено, но работы на немъ, повидимому, совершенно прекратились. Его строили уже 10 лѣтъ, но до сихъ поръ еще на немъ не было крыши; а если вспомнить, какъ неумѣло, небрежно и недобросовѣстно ведется тюремное дѣло во всей Восточной Сибири, то станетъ ясно, что конца постройки можно ожидать не раньше, чѣмъ черезъ 5—6 лѣтъ.

А между тѣмъ, въ отравленной атмосферѣ переполненныхъ камеръ той самой избы, на смѣну которой строилось новое зданіе, сидѣло 180 человѣкъ-каторжанъ, рѣшительно ничѣмъ не занятыхъ *).

*) По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, весной слѣдующаго года, мнѣ случилось разговаривать съ Галкинымъ-Врасскимъ, начальникомъ тюремнаго управленія. Я позволилъ себѣ обратить его вниманіе на состояніе тюремъ въ Нерчинскомъ серебряномъ округѣ и особенно на недостроенный острогъ Горнаго Зерентуя. Галкинъ-Врасскій отвѣтилъ, что потребность въ новыхъ тюрьмахъ ощущалась уже въ 1872 году, а въ 1874 г. былъ образованъ особый строительный комитетъ для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ и составленія плановъ. Когда въ 1881 году, т. е. 7 лѣтъ спустя, онъ, Галкинъ-Врасскій, объѣзжалъ Сибирь съ цѣлью ревизіи, то оказалось, что названный комитетъ выдалъ 74.318 р. на постройку двухъ бревенчатыхъ домовъ и кое-какой ремонтъ, а 61090 р. положилъ въ свой карманъ въ счетъ жалованья и путевыхъ издержекъ. Тюремному же управленію отъ комитета не было представлено ни одного плана, ни одной смѣты. (Объ этихъ фактахъ упоминается въ ежегодномъ отчетѣ тюремнаго управленія за 1882 г. стр. 72 и 73).

„Ну“, сказалъ я „а потомъ что?“

„Я рекомендовалъ упразднить строительный комитетъ“ отвѣчалъ онъ.

„И онъ былъ упраздненъ?“

„Да“.

„Я ничего не видѣлъ въ Нерчинскомъ округѣ такого, что могло бы стоить 74.000 р., которые, яко бы, выдалъ комитетъ“—сказалъ я—„вѣдь не стоитъ же этихъ денегъ новая изба въ Покровскѣ, да неоконченная тюрьма въ Зерентуѣ?! И почему ее строятъ 10 лѣтъ?!“

„Промедленіе объясняется тѣмъ, отчасти, что нѣсколько разъ мѣнялся планъ постройки“ отвѣчалъ онъ, „Прежде всего—не слѣдовало строить кирпичнаго зданія. Оказалось, по точному подсчету, что кирпичная тюрьма на 300 человѣкъ стоитъ въ горномъ округѣ 160.000 рублей, между тѣмъ какъ хорошій бревенчатый домъ на то же количество арестантовъ можетъ обойтись въ 52.000 р. Соображеніе о бо́льшей прочности каменной постройки не имѣетъ въ данномъ случаѣ значенія, такъ какъ при истощеніи сосѣдняго рудника—все равно придется покинуть эти тюрьмы. Но когда я вступилъ въ управленіе—постройка тюрьмы въ Горномъ Зерентуѣ зашла уже слишкомъ далеко, чтобы ее бросать“.

Ни Галкинъ-Врасскій, ни его секретарь Коковцевъ не дали мнѣ удовлетворительнаго объясненія касательно причинъ той неумѣлости, той медленности, тѣхъ ошибокъ, которыя мнѣ кажутся столь характерными для тюремнаго дѣла въ Забайкальѣ. Они увѣряли, что все зло досталось имъ въ наслѣдство отъ предшественниковъ по службѣ, что сами они дѣлаютъ все возможное для исправленія его, и что лишь недостатокъ времени не позволилъ имъ до сихъ поръ предпринять радикальныхъ и основательныхъ реформъ.

Американцу трудно представить себѣ то равнодушіе, неприспособленность и вялость, которыя всюду бросаются въ глаза въ Нерчинскомъ серебряномъ горномъ округѣ. Дѣло поставлено крайне несовершенно. Въ грязныхъ переполненныхъ камерахъ по цѣлымъ мѣсяцамъ валяются сотни каторжниковъ безъ всякаго занятія; планы и проекты новыхъ зданій путешествуютъ годами изъ рудниковъ въ Петербургъ и обратно; если, наконецъ, приходитъ разрѣшеніе на постройку тюрьмы, то—какъ это было въ горномъ Зерентуѣ—работа затягивается—безъ всякой уважительной причины—на цѣлыя десятилѣтія.

Однажды на Кутомарскомъ заводѣ я задалъ горному инженеру такой вопросъ:

„Скажите, почему вы не заведете для своихъ рабочихъ усовершенствованныхъ инструментовъ, не устроите необходимыхъ желѣзныхъ машинъ, паровыхъ насосовъ, двигателей, вентиляціонныхъ аппаратовъ и вообще не поставите дѣло на надлежащую высоту?“

„Милый человѣкъ“ отвѣчалъ онъ мнѣ: „вы знаете-ли, сколько стоитъ пудъ желѣза? Его приходится везти на лошадяхъ изъ Петровскаго завода за 600 верстъ, и оно обходится намъ пять съ полтиной пудъ! Какія ужъ тутъ желѣзныя машины!“

„А развѣ ближе нѣтъ желѣзной руды?“ спросилъ я.

„Есть то есть, но ею не пользуются“.

„Почему же не пользуются? Отчего вы не заведете нѣсколько доменныхъ печей и не займетесь здѣсь, на мѣстѣ, добываніемъ этого, необходимаго вамъ желѣза. Больше половины арестантовъ ровно ничего не дѣлаютъ. Отчего не использовать эту рабочую силу?

— „Для разработки желѣзныхъ рудниковъ требуется разрѣшеніе изъ Петербурга“.

„Такъ почему же вы не добудете себѣ этого разрѣшенія отъ подлежащихъ властей? Вѣдь нѣтъ основаній запрещать производство столь необходимыхъ и полезныхъ работъ. Если

Возможно, конечно, что я не сумѣлъ достаточно оцѣнить трудности, съ которыми имъ приходилось бороться. Но у меня составилось мнѣніе, что многіе, если не всѣ недостатки системы ссылки вообще и тюремнаго управленія въ частности—являются результатомъ неумѣлости, равнодушія и канцелярщины при бюрократическомъ способѣ веденія общественныхъ дѣлъ.

вести дѣло такъ, какъ здѣсь, то, конечно, оно не будетъ давать никакого дохода".

Въ отвѣтъ онъ только пожалъ плечами, и я понялъ, что либо это все его ничуть не интересуетъ, либо онъ и самъ не умѣетъ мнѣ дать никакихъ объясненій.

Изъ тюремъ Горнаго Зерентуя мы, воспользовавшись экипажемъ капитана Данилова, поѣхали въ Савенскій рудникъ, расположенный на голомъ, засыпанномъ снѣгомъ склонѣ горы, миляхъ въ двухъ отъ деревни. Постройки у входа въ шахту имѣли обычный жалкій видъ, но въ одной изъ нихъ находилась паровая машина—первая и единственная, которую я встрѣтилъ въ Забайкальѣ.

Пока Фростъ дѣлалъ наброски пустыннаго полярнаго пейзажа и расположенныхъ здѣсь строеній,—я успѣлъ осмотрѣть рудникъ. Оказалось, однако, что не стоило труда лазить въ него и таскать взадъ и впередъ прозябшаго проводника. Шахта не достигала и 100 футовъ глубины, воздухъ былъ сырой и холодный, стѣны и полъ покрыты ледяной корой, и галлереи настолько низки, что я нигдѣ не могъ встать во весь ростъ.

Въ рудникахъ работало всего 35 каторжанъ. Они носили руду въ маленькихъ ивовыхъ корзиночкахъ къ рудоподъемной шахтѣ, перекладывали ее здѣсь въ 4-хъ угольныя деревянныя кадки вмѣстимостью около 1-го бушеля (35,238 литра) каждая и вытаскивали на поверхность съ помощью грубаго стараго ворота, который могъ поднимать одновременно только одну кадку. Я думаю, едва ли эти приспособленія далеко ушли отъ тѣхъ первобытныхъ сооруженій, съ помощью которыхъ туземцы 300 лѣтъ назадъ разрабатывали эти серебряные рудники. Я, по крайней мѣрѣ, никогда еще не видалъ такихъ примитивныхъ орудій.

„Почему вы не увеличите число рабочихъ? Я сейчасъ только пришелъ изъ тюрьмы, гдѣ видѣлъ, по меньшей мѣрѣ, полтораста человѣкъ, болтающихся безъ всякаго дѣла", сказалъ я надсмотрщику, который водилъ меня по руднику.

„У насъ въ галлереѣ имѣется мѣста всего на 35—40 человѣкъ", отвѣчалъ онъ спокойно.

„Но вѣдь можно расширить рудники. Если взорвать и выкопать, то очистится мѣсто еще для 50 или 100 рабочихъ. Разъ имѣется руда, то почему же не увеличить ея добываніе? Почему не расширить предпріятіе? Вамъ необходимо сдѣлать

ходы выше и шире, проложить рельсы, усовершенствовать подъемный аппаратъ, примѣнить лошадиную силу и вообще поставить дѣло на широкую ногу".

Надсмотрщикъ ничего не отвѣтилъ, но посмотрѣлъ на меня съ такимъ удивленіемъ, какъ будто бы я высказывалъ какія нибудь безумныя или невыполнимыя идеи.

Во время нашего посѣщенія Нерчинскаго округа серебряныхъ рудниковъ число каторжниковъ тамъ достигало 952 человѣкъ. Они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ Александровскомъ заводѣ—188, въ Алгатчскомъ рудникѣ—150, въ Покровскомъ—70, въ Кадайскомъ и Смирновскомъ рудникахъ—184, въ Савенскомъ и въ Горно-Зерентуйскомъ—360.

Вѣроятно только треть, и ужъ во всякомъ случаѣ не больше половины этихъ людей употреблялись для работы. Остальные же проводили время въ вынужденной праздности, хотя дѣла всюду было довольно.

Въ объясненіе подобнаго положенія вещей мнѣ приводили слѣдующія соображенія:

Нельзя всѣхъ арестантовъ отправить на рудники, такъ какъ тамъ не хватаетъ мѣста; нельзя заставить ихъ исполнять какія либо работы въ лѣсу или на дорогѣ, потому что гарнизонъ не достаточно силенъ, что бы охранять большія партіи арестантовъ; занять каторжниковъ постройкой тюремъ оказывается невыгоднымъ, такъ какъ такая постройка подъ присмотромъ начальства обходится дороже, чѣмъ сдача работъ подрядчику *). Наконецъ, вообще нельзя употреблять преступниковъ ни для какихъ работъ безъ спеціальнаго разрѣшенія или полномочій изъ Петербурга.

---

*) Этотъ доводъ является признаніемъ халатности и недобросовѣстности мѣстныхъ властей, которымъ пришлось бы поручить надзоръ за работой. Мнѣ извѣстны достовѣрные факты, когда сибирскія власти утаивали всю сумму, предназначенную для постройки правительственнаго зданія, а высшимъ властямъ доносили, что зданіе уже окончено и имъ пользуются, между тѣмъ, какъ даже и фундаментъ не былъ заложенъ. Подобный случай—въ Укирскомъ этапѣ—былъ описанъ въ корреспонденціи изъ Верхне-Удинска напечатанной въ петербургскомъ „Восточномъ Обозрѣніи" (январь 1884 г. № 2, 12 стр. 8). Извѣстный въ Сибири фотографъ показывалъ мнѣ фотографію новаго правительственнаго зданія, снятую имъ по приказанію изъ Петербурга. Карточка должна была быть отправлена высшимъ властямъ въ доказательство того, что зданіе—оплаченное и одобренное—существуетъ въ дѣйствительности и построено согласно плану.

По моему мнѣнію, ни одинъ изъ этихъ доводовъ не выдерживалъ критики.

Если бы американцу дать необходимыя полномочія да капиталъ въ 10—15 тысячъ, то онъ съ помощью 950 человѣкъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ Нерчинскаго серебрянаго округа – меньше, чѣмъ въ два года построилъ бы на каждомъ рудникѣ новую тюрьму, а за 5 лѣтъ удвоилъ бы, если не учетверилъ, доходы съ рудниковъ, не причинивъ ни малѣйшаго ущерба казнѣ. Къ этому выводу я пришелъ на мѣстѣ, послѣ того, какъ подробно познакомился съ тѣмъ, какъ ведутся дѣла тамошними чиновниками.

Савенскій рудникъ былъ послѣднимъ, который мы осмотрѣли въ Восточной Сибири.

Послѣ обѣда въ понедѣльникъ 23-го ноября мы отправились въ Нерчинскій заводъ—большую деревню, лежащую въ 10 миляхъ отъ Горнаго Зерентуя; а въ четвергъ утромъ уже поѣхали обратно—въ Шилку и Нерчинскъ—городъ расположенный въ 200 миляхъ.

Я не стану подробно описывать это длинное, утомительное и мало интересное путешествіе; мы ѣхали по странѣ, представляющей холмистую, покрытую снѣгомъ пустыню; температура все время колебалась между 0 и—27° по Фаренгейту; дороги были замерзшія и неровныя; телѣги и тарантасы, достававшіеся намъ, представляли изъ себя сквернѣйшіе экземпляры экипажей подобнаго рода во всей Восточной Сибири... Все это: холодъ, голодъ, тряска и безсонница, привело насъ въ состояніе какого то тупого озлобленія. Намъ казалось, что жизнь,—по крайней мѣрѣ *такая* жизнь—не имѣетъ никакой цѣны, и мы охотно отреклись бы отъ всѣхъ принадлежащихъ намъ земныхъ правъ и преимуществъ за теплую ванну, хорошій обѣдъ и возможность проспать безъ перерыва ½ сутокъ въ теплой, чистой постели...

Спустя 40 часовъ послѣ выѣзда изъ Нерчинскаго завода мы пріѣхали на почтовую станцію Біанкинскую, расположенную на берегу Шилки. Переложивъ свой багажъ изъ тарантаса въ сани, мы продолжали путешествіе въ Нерчинскъ уже по льду, при температурѣ—20° Фаренгейта. Втеченіе нѣсколькихъ дней намъ приходилось весьма скудно питаться, и за недостаткомъ животной теплоты я старался поднять температуру своего тѣла съ помощью трехъ теплыхъ овчинныхъ шубъ. Я завернулся въ нихъ съ головы до ногъ и превратился въ движу-

щійся комъ, изъ котораго торчала только мѣховая шапка, да грязное, небритое, посинѣвшее отъ холода лицо. Несмотря на всѣ свои шубы, я промерзъ до костей, а Фростъ, у котораго и всего то было два полушубка, а одѣлъ онъ только одинъ—еще гораздо больше моего страдалъ отъ холода. Въ Нерчинскъ мы пріѣхали послѣ полудня. На улицахъ снѣгу не было, и наши голодныя, заморенныя клячи не могли тащить насъ по голой землѣ. Поэтому мы вышли изъ саней и, шествуя сзади нихъ, печально поплелись въ городъ, словно какія нибудь окаменѣлыя полярныя муміи, слѣдующія за похоронными дрогами. Остановились мы въ Нерчинскѣ въ номерахъ—первый разъ за весь мѣсяцъ; но эти номера по чистотѣ и удобству далеко уступали земской квартирѣ, въ которой мы жили въ горномъ округѣ. Поистинѣ, это была сквернѣйшая гостиница изъ всѣхъ, видѣнныхъ нами въ Сибири. Она представляла изъ себя одноэтажную деревянную избу, раздѣленную на двѣ половины грязной, темной передней. Въ этой передней были устроены полки, и она одновременно служила и кладовой.

Намъ отвели холодную пустую комнату съ оборванными обоями, висѣвшими клочьями по стѣнамъ. Воздухъ былъ затхлый и угарный. На карнизахъ и подоконникахъ очевидно никогда не стиралась пыль; желтая масляная краска съ нихъ сошла; грязный полъ кое гдѣ провалился, а во многихъ мѣстахъ былъ изъѣденъ крысами. На единственномъ, бывшемъ въ комнатѣ столѣ лежала закапанная чаемъ скатерть съ хлѣбными крошками. По ней ползали мокрицы. Не было ни кровати, гдѣ бы утомленный дорогой путешественникъ могъ вытянуть свои усталые члены, ни зеркала, которое бы доставило ему сомнительное удовольствіе увидѣть свое синее отъ холода лицо.

Слуга, молодой парень въ красной фланелевой рубахѣ и сапогахъ съ отворотами, принесъ намъ для умыванья желтозеленый мѣдный сосудъ, повидимому служившій обыкновенно для другихъ, менѣе благородныхъ, надобностей и, вѣроятно никогда не удостаивавшійся чести быть вымытымъ и вычищеннымъ.

Несмотря на то, что мы устали, промерзли и проголодались, несмотря на то, что мы уже привыкли къ грязи, безпорядку и неудобствамъ—мы пришли въ ужасъ отъ этого запущеннаго, заброшеннаго дома; но другой гостиницы въ

городѣ не имѣлось, и намъ не изъ чего было выбирать. Хозяиномъ былъ ссыльный полякъ Клементовичъ, и мнѣ подумалось, что если онъ и въ Польшѣ держалъ такую же великолѣпную гостиницу, какъ здѣсь, то уже одно это—не взирая ни на какія политическія убѣжденія—оправдывало въ интересахъ путешествующаго человѣчества его высылку административнымъ путемъ въ отдаленнѣйшія части Сибири.

Мы позавтракали чаемъ съ кислымъ ржанымъ хлѣбомъ и жирными оладьями; затѣмъ, съ помощью крошечнаго зеркальца, которое гдѣ то откопалъ хозяинъ, совершили кое-какъ свой туалетъ и отправились посмотрѣть городъ и передать нѣсколько имѣвшихся у насъ рекомендательныхъ писемъ. Въ Нерчинскѣ насчитывается около 4.000 жителей; онъ лежитъ на лѣвомъ берегу Нерчи, на 2—3 мили выше впаденія ея въ Шилку, приблизительно въ 4.600 миляхъ къ востоку отъ Петербурга. Онъ мнѣ показался культурнѣе и богаче другихъ восточно-сибирскихъ городовъ, одинаковой съ нимъ величины. Въ немъ есть банкъ, двѣ или три школы, больница на 20 кроватей, общественный садъ съ фонтаномъ и 50—60 лавокъ. Нерчинскъ ведетъ торговлю мѣхами и мануфактурными товарами, привозимыми изъ Россіи, и торговый оборотъ его достигаетъ милліона долларовъ въ годъ (2 милліоновъ рублей). Чужестранцу прежде всего въ городѣ бросается въ глаза дворецъ богатаго горнопромышленника Бутина, затмевающій собой не только всѣ другіе сибирскіе дома, но даже и большинство столичныхъ. Во время нашего пребыванія въ Иркутскѣ, финансы братьевъ Бутиныхъ находились въ запутанномъ положеніи—на имущество ихъ была наложена опека. Однако, рекомендательное письмо младшаго представителя фирмы открыло намъ двери этого чудеснаго имѣнья.

Явившись сюда прямо изъ Клементовичевскаго барака—я былъ положительно очарованъ;—и когда громаднѣйшее въ мірѣ зеркало *) въ роскошномъ бальномъ залѣ отразило мою фигуру во весь ростъ—у меня явилось желаніе протереть

*) Это громадное трюмо, считавшееся самымъ большимъ въ мірѣ было куплено г-номъ Бутинымъ на Парижской выставкѣ. Оно было перевезено по морю черезъ полъ-свѣта въ Восточно-Сибирскую гавань Николаевскъ и затѣмъ на спеціально построенной баркѣ по Амуру и Шилкѣ въ Нерчинскъ. Въ большомъ залѣ Бутинскаго дома оно было вполнѣ на своемъ мѣстѣ и прекрасно гармонировало съ остальной обстановкой.

себѣ глаза, чтобы убѣдиться, что это не бредъ. Паркетные полы, шелковыя занавѣси, дорогіе обои, цвѣтныя стекла въ окнахъ, роскошные канделябры, мягкіе восточные ковры, бѣлая и золоченная атласная мебель, старинныя фламандскія картины, мраморныя статуи, фамильные портреты кисти знаменитаго художника Маковскаго и большая оранжерея, засаженная пальмами, лимонными деревьями и рѣдкими тропическими орхидеями—кто бы могъ ожидать встрѣтить такое великолѣпіе въ частномъ домѣ, въ Восточной Сибири, почти въ 5000 миляхъ отъ Петербурга!? Подобная роскошь неудивительна въ богатыхъ Европейскихъ центрахъ, но въ снѣжныхъ равнинахъ Забайкалья, въ 3000 миляхъ отъ Европейской границы, она является совершенной неожиданностью и немало поражаетъ путешественника.

На меня этотъ домъ произвелъ впечатлѣніе необычайной роскоши и изящества, несмотря на то, что мы видѣли его еще не въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, такъ какъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ немъ не жилъ никто. Самая большая комната—бальная зала—имѣла 65 фут. длины и 45 фут. ширины; великолѣпная лѣстница вела на полукруглую галлерею, гдѣ находился громадный оркестріонъ, не уступающій по величинѣ церковному. Онъ исполнялъ 60—70 различныхъ піесъ, и Бутины иногда пользовались имъ для устройства публичныхъ концертовъ. Въ библіотекѣ былъ замѣчательный подборъ книгъ, газетъ и журналовъ на 4-хъ языкахъ и кромѣ того большая коллекція сибирскихъ минераловъ и рудъ.

Возлѣ дома находились канцелярія и контора; тамъ то велись тѣ широкія, грандіозныя предпріятія, которыя создали семейству Бутиныхъ ихъ сказочныя богатства. Сотни людей работали въ золотыхъ рудникахъ, фабрикахъ желѣзныхъ издѣлій и корабельныхъ верфяхъ, принадлежащихъ Бутинымъ.

Подъ вечеръ мы посѣтили двоихъ политическихъ ссыльныхъ—Чарушина и Кузнецова. Это были образованные люди, интересные пріятные собесѣдники, и мы съ удовольствіемъ проводили съ ними цѣлые часы во время нашего трехдневнаго пребыванія въ городѣ. Оба они были каторжане, отбывшіе срокъ ссылки въ рудникахъ и жившіе теперь въ Нерчинскѣ въ качествѣ ссыльно-поселенцевъ. Здѣсь они, со своими семьями, устроились сравнительно удобно, и жизнь ихъ—конечно суровая и уединенная, казалась мнѣ, все таки выносимой. Правда, корреспонденцію ихъ продолжали контроли-

ровать, но полиція не мучила ихъ безпрестаннымъ надзоромъ, какъ многихъ политиковъ въ другихъ частяхъ Сибири, обращалась съ ними вѣжливо и прилично, и разрѣшила, имъ нѣкоторыя занятія—уроки и фотографію, обычно запрещавшіяся ссыльнымъ. На Карѣ же имъ пришлось вынести не мало тяжелаго. Чарушинъ до ссылки провелъ $4^1/_2$ года въ одиночномъ заключеніи и $2^1/_2$ года въ укрѣпленномъ казематѣ Петропавловской крѣпости. Онъ обвинялся въ революціонной пропагандѣ среди фабричнаго населенія одного изъ пригородовъ Петербурга и въ 1878 году былъ сосланъ въ Сибирь. Жена его добровольно послѣдовала за нимъ. Ей пришлось жить въ маленькой жалкой лачугѣ, на нижнихъ золотыхъ пріискахъ, до тѣхъ поръ, пока мужъ, по истеченіи срока испытанія, могъ вновь соединиться съ нею. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ девяти политическихъ, которыя, по приказанію Лорисъ-Меликова, были 1-го января 1881 года возвращены въ тюрьму уже изъ вольной команды. Тогда же, подъ самый новый годъ, одинъ изъ нихъ, несчастный Евгеній Семеновскій, застрѣлился въ своей квартирѣ.

Утромъ въ воскресенье, 29-го ноября, мы разстались съ Нерчинскомъ. Сердечно простившись съ добрыми славными Чарушиными, къ которымъ мы успѣли привязаться—мы сѣли въ сани и двинулись въ Читу,—главный городъ Забайкалья.

Все указывало на сильный морозъ: и ледяныя сосульки около ноздрей нашей побѣлѣвшей лошади и рѣзкій металлическій трескъ снѣга подъ санями, и синеватый цвѣтъ отдаленныхъ горъ, и высокіе тонкіе неподвижные столбы дыма надъ трубами домовъ... Я ничуть не удивился, узнавъ, что термометръ показываетъ—27^0 (по Фаренгейту). Ночью было страшно холодно, и мы еле выдерживали переѣздъ отъ станціи до станціи. Всякій разъ, пока мѣняли лошадей,—мы выпивали три-четыре чашки горячаго чая; но въ длинные, тихіе часы отъ полуночи до утра, когда невозможно было добыть ничего теплаго, силы наши ослабѣвали, и мы страдали ужасно.

Лошадей же всюду удавалось доставать легко вплоть до деревни Тюриноповоротной, лежащей въ 50 миляхъ отъ Читы. Туда мы пріѣхали въ понедѣльникъ, въ сумерки. Все населеніе тамъ было весело и пьяно. Съ дикими криками и пѣніемъ носились въ саняхъ парни и мальчишки; крестьянскія дѣвушки въ пестрыхъ платкахъ ходили по улицѣ, нѣжно обнявшись,

пошатываясь и распѣвая хоровыя пѣсни. Почтовая станція была биткомъ набита возбужденными, разгорячившимися людьми—окрестными жителями, которые, очевидно, пріѣзжали на какой-то праздникъ и теперь собирались возвращаться домой.

Нельзя было найти ни ямщика, ни станціоннаго смотрителя, а „староста"—коренастый толстый старикъ, былъ такъ пьянъ, что, даже упираясь на палку, еле держался на ногахъ.

Напрасно мы старались добиться причины этого, словно эпидемическаго, опьяненія. Никто не былъ трезвъ настолько, чтобы быть въ состояніи объяснить, въ чемъ дѣло. Изъ возбужденныхъ и болѣе или менѣе безсвязныхъ разговоровъ, которые вели между собой расфранченные обыватели на почтовой станціи,я узналъ, что даже сельскій священникъ былъ настолько пьянъ, что болѣе трезвымъ изъ его прихожанъ пришлось отвезти его въ саняхъ домой. При такихъ обстоятельствахъ, когда священникъ, староста *), станціонный смотритель, ямщики и сплошь всѣ жители были пьяны, у насъ оставалось мало надежды получить лошадей. Казалось, никто не сумѣлъ бы отличить лошадь отъ сѣдла.

Итакъ, мы внесли свой багажъ въ переполненную почтовую станцію, сѣли въ уголъ и, занимаясь наблюденіемъ надъ опьянѣвшими людьми, нетерпѣливо ожидали дальнѣйшаго хода событій.

Все въ домѣ было пьяно, кромѣ насъ да грудного младенца, котораго носили на рукахъ. Отецъ этого ребенка—молодой, красивый офицеръ, ходилъ по комнатѣ нетвердыми шагами и перекидывался отрывочными замѣчаніями о бывшемъ праздникѣ со своими, также пьяными, спутниками. Онъ, очевидно, имѣлъ намѣреніе снести весь свой багажъ въ одно мѣсто, чтобы быть готовымъ къ отъѣзду, но это ему плохо удавалось: онъ бралъ въ руки вещь и тотчасъ же гдѣ-нибудь ронялъ ее. Наконецъ его осѣнила счастливая мысль: онъ, шатаясь, пошелъ въ уголъ комнаты, взялъ свою шпагу, стоявшую у стѣны, и, торжественно передавая ее своей супругѣ, попросилъ унести ее въ сани. Хотя и супруга была пьяна, но она оказалась въ состояніи возразить мужу и, сославшись на то, что у ней на рукахъ ребенокъ, предложила мужу самому снести въ сани свое оружіе. Тогда онъ прижалъ шпагу

*) Староста—главное лицо въ сибирской деревнѣ.

къ груди и съ театральной нѣжностью заявилъ, что это его первая жена и что, несмотря ни на какія обстоятельства, онъ собственноручно отнесетъ ее въ сани. Однако, черезъ мгновенье, онъ ее уронилъ и, вѣроятно, позабылъ бы о своей первой супругѣ, если бы вторая не напомнила ему о ней.

Часовъ около восьми мы, наконецъ, поймали старосту. Съ помощью энергичныхъ, внушительныхъ замѣчаній намъ удалось нѣсколько отрезвить его и заставить понять, что если мы не получимъ немедленно лошадей, то это будетъ имѣть скверныя послѣдствія.

Пока я изливалъ передъ нимъ потоки краснорѣчія,—онъ вписывалъ насъ въ станціонную книгу и записалъ такъ: „господинъ Кеннанъ съ товарищемъ; изъ сосѣднихъ Штатовъ“ *).

Затѣмъ онъ вышелъ на крыльцо и закричалъ зычнымъ голосомъ: „Андрей, Николай, живо! лошадей!“

Въ отвѣтъ послышалось только дикое пьяное рычанье изъ отъѣзжающихъ саней.

Тогда староста воздѣлъ руки къ небу и съ комически безпомощнымъ и безнадежнымъ видомъ закричалъ плаксиво: „Они всѣ пьяны! Это истинное божеское наказаніе“.

Къ 9 часамъ шумъ и крики въ деревнѣ постепенно стихли. Внезапно появился пьяный станціонный смотритель и, принявъ начальническій, строго оффиціальный видъ, спросилъ грознымъ тономъ:—гдѣ кучера и что означаетъ весь этотъ безпорядокъ. Молодой офицеръ, пришедшій въ состояніе нѣжности, лѣзъ цѣловаться ко всѣмъ женщинамъ, бывшимъ въ комнатѣ. Затѣмъ, усердно крестясь, онъ поплелся нетвердыми шагами къ санямъ. За нимъ слѣдовала его жена, неся шпагу и младенца.

Къ дверямъ подъѣхали дрожки, изъ нихъ вылѣзли два подвыпившихъ священника, въ украшенныхъ чернымъ крепомъ высокихъ цилиндрическихъ шляпахъ и длинныхъ одеждахъ. Молодой офицеръ и его товарищи почтительно поцѣловали имъ руки. Священники пересѣли въ почтовыя сани, которыми правилъ крестьянинъ, еле державшійся на козлахъ и уѣхали.

Мы потеряли уже всякую надежду когда-нибудь дви-

*) Очевидно бѣдный пьяный староста никогда не слыхалъ о существованіи Соединенныхъ Штатовъ.

нуться дальше, но вдругъ изъ мрака вынырнулъ совершенно трезвый человѣкъ, въ оборванномъ овечьемъ зипунѣ, и дѣловымъ тономъ сообщилъ станціонному смотрителю, что лошади для насъ готовы.

Въ отвѣтъ на это пьяный раздраженный чиновникъ, видимо желавшій показать свою власть, осыпалъ несчастнаго ямщика ругательствами и даже наложилъ на него 50-ти копеечный штрафъ: ужъ не знаю, за то ли, что онъ былъ трезвъ, или за то, что запрягъ лошадей.

Мы сложили въ сани свой багажъ, усѣлись и съ облѣгченіемъ покинули это безумное селеніе. Когда послѣдніе звуки затихли за нами, я обратился съ вопросомъ къ возницѣ: „Скажите, что такое случилось въ деревнѣ? Кажется, тамъ пьяны рѣшительно всѣ“.

„Освящали новую церковь“, серьезно отвѣчалъ ямщикъ.

— „Освящали церковь?!“ Закричалъ я въ изумленіи.

„Здѣсь такимъ образомъ освящаютъ церкви?!“

„Не знаю“, сказалъ онъ: „выпиваютъ таки иной разъ. Послѣ службы было „гулянье“—катанье съ музыкой и съ обильными возліяніями, и нѣкоторые, конечно, порядкомъ выпили“.

„Нѣкоторые?!“ повторилъ я. „Скажите лучше—всѣ. Вы—единственный трезвый человѣкъ, встрѣтившійся мнѣ здѣсь. Какимъ образомъ вы не пьяны?“

— „Я не христіанинъ“ отвѣтилъ онъ равнодушно: „я—бурятъ“ *).

Какъ христіанинъ, хотя и не членъ „святой православной церкви“, я принужденъ былъ замолчать передъ безсознательной ироніей этого отвѣта.

Единственнымъ трезвымъ человѣкомъ въ деревнѣ, съ 3-4 сотеннымъ населеніемъ, оказался язычникъ, а христіанинъ, чиновникъ, оштрафовалъ сго па полтинникъ, повидимому за то, что онъ не напился, какъ другіе, хорошіе граждане, и, слѣдовательно, не проявилъ своего благоговѣнія и уваженія къ благотворному вліянію святой православной церкви...

Въ четвергъ 1-го декабря утромъ, около 10 часовъ, мы пріѣхали въ Читу и остановились въ гостиницѣ „Владиво-

---

*) Туземцы Сибири, извѣстные подъ именемъ бурятъ, почти всѣ буддисты.

стокъ"—маленькомъ одноэтажномъ бревенчатомъ домѣ, принадлежавшемъ нѣкоему Біатчинскому.

Я уже упоминалъ, что въ Читѣ находилась довольно многочисленная и интересная колонія политическихъ ссыльныхъ.

Мы познакомились съ нею уже во время своего перваго посѣщенія, но такъ какъ тогда всѣ наши стремленія были всецѣло направлены на то, чтобы успѣть до наступленія зимы добраться до Карійскихъ рудниковъ,—то мы не могли посвятить этой колоніи достаточно времени; но рѣшили, что на обратномъ пути обязательно остановимся въ Читѣ дней на 10, а то и на двѣ недѣли. Большинство изъ ссыльныхъ здѣсь были ссыльно-поселенцами, которые отбыли каторжную работу въ рудникахъ; и правительство считало ихъ за особенно опасныхъ преступниковъ. Въ виду этого обстоятельства, а также въ виду того, что наше поведеніе на Карѣ обратило на себя вниманіе администраціи, — по моему мнѣнію, намъ необходимо было болѣе, чѣмъ когда-либо, соблюдать осторожность, и я рѣшилъ поддерживать по возможности дружественныя отношенія съ властями. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что капитанъ Николинъ, жандармскій начальникъ на Карѣ, увѣдомилъ исполняющаго должность губернатора о нашихъ интимныхъ отношеніяхъ съ политическими вольной команды, и что за каждымъ нашимъ шагомъ слѣдили. Я прежде всего посѣтилъ полковника Свѣчина, который замѣнялъ отсутствующаго губернатора Барабаша, разсказалъ ему довольно подробно о нашемъ пребываніи въ Карѣ—за исключеніемъ эпизодовъ съ политическими, конечно,—и въ общихъ чертахъ обрисовалъ ему наши планы на будущее. Онъ былъ очень любезенъ и вѣжливъ съ нами; не задавалъ никакихъ щекотливыхъ вопросовъ; и когда я, почтительно раскланиваясь съ нимъ, выходилъ изъ его пріемной, я чувствовалъ себя совершенно успокоеннымъ. Онъ или не имѣлъ никакого представленія о томъ, до какой степени тѣсное знакомство завязалось у насъ съ политическими въ его губерніи, или не придавалъ нашему общенію съ ними абсолютно никакого значенія.

Спустя нѣсколько дней послѣ нашего пріѣзда одинъ богатый купецъ, Немеровъ, съ которымъ я совершенно случайно познакомился, предложилъ намъ отправиться съ нимъ вмѣстѣ на любительскій спектакль, устраивавшійся съ какой-то благотворительной цѣлью. Мы приняли это предложеніе, разсчиты-

вая такимъ путемъ завязать полезныя намъ знакомства и желая, кромѣ того, вообще возможно чаще показываться въ „благонадежномъ“ обществѣ.

Прогуливаясь въ антрактахъ этого—очень удачнаго, между прочимъ,—спектакля въ одной изъ залъ, мы представлялись многимъ гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ; исполняющій должность губернатора любезнѣйшимъ образомъ раскланялся съ нами. Въ качествѣ „знатныхъ иностранцевъ“, состоявшихъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ высшей администраціей, мы были предметомъ всеобщаго вниманія. И надѣялись, что, благодаря всему этому, никому и въ голову не придетъ, что „знатные иностранцы“ пріѣхали въ Читу исключительно съ той цѣлью, чтобы ближе познакомиться съ политическими преступниками, нигилистами и террористами.

Среди офицеровъ, которымъ я былъ представленъ въ антрактѣ, находился и извѣстный полковникъ Новиковъ; онъ, въ сопровожденіи многихъ своихъ товарищей, въ полной формѣ прогуливался въ передней. Когда я назвалъ ему свое имя, онъ внимательно посмотрѣлъ на меня и, безъ всякихъ околичностей, сказалъ: „какъ я слышалъ, Вы были въ Карійскихъ рудникахъ“?

„Да“, отвѣтилъ я, удивленный и нѣсколько смущенный этимъ вопросомъ. „Я какъ разъ оттуда“.

„Что нашли Вы тамъ хорошаго?“ продолжалъ онъ разспрашивать, пристально глядя мнѣ въ глаза.

Я не зналъ, что мнѣ на это отвѣтить, но, какъ только сообразилъ, что было-бы полезно сказать что нибудь хорошее о чиновникахъ—поскольку это позволяла совѣсть,—я немедленно сказалъ, что познакомился тамъ съ однимъ хорошимъ господиномъ—майоромъ Потуловымъ.

„Гмъ, гмъ“, пробурчалъ презрительно полковникъ: „онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, расписалъ Вамъ все въ самомъ розовомъ свѣтѣ“?

„Тамъ есть вещи, которыхъ показать въ розовомъ свѣтѣ невозможно“, возразилъ я, чувствуя себя все болѣе и болѣе неловко, но я рѣшилъ схватить быка за рога.

„Были Вы въ тюрьмахъ?“ спросилъ онъ меня.

„Да“, сказалъ я, „мы осмотрѣли большинство изъ нихъ“.

„Показывали-ли Вамъ также голую команду“?

„Нѣтъ; я не знаю, о какой голой командѣ Вы говорите?“

— „Я говорю о камерѣ раздѣтыхъ арестантовъ. Когда я въ первый разъ осматривалъ Карійскія тюрьмы, я попалъ въ камеру, гдѣ было 25 совершенно голыхъ арестантовъ. Это общество называлось голой командой".

„Что же это должно было значить?" спросилъ я.

„Не знаю", возразилъ онъ, пожавъ плечами. „У нихъ просто нечего было одѣть *). А показывалъ ли вамъ Вашъ хорошій господинъ (презрительный намекъ на господина Потулова) одиночныя камеры въ Средне-Карійской тюрьмѣ?"

„Нѣтъ, этого онъ не показывалъ. Что это за камеры?"

„О, ничего особеннаго", сказалъ полковникъ съ притворнымъ равнодушіемъ: „онѣ только недостаточно высоки, чтобы въ нихъ можно было стоять, и недостаточно длинны, чтобы въ нихъ лежать. Вы, очевидно, видѣли только то, что Вамъ хотѣли показать. А если-бы я былъ тамъ, Вы увидали-бы вещи такъ, какъ онѣ есть, а не такъ, какъ показалъ вамъ Вашъ любезный хозяинъ.

Я былъ совершенно смущенъ и озадаченъ. Говорилъ-ли все это полковникъ Новиковъ искренно, или онъ только ставилъ мнѣ ловушку, чтобы узнать, что я думаю о Карійскихъ тюрьмахъ и тюремной администраціи. Я не рѣшался отвѣчать ему изъ боязни открыть свои карты. Онъ, впрочемъ, и не ждалъ никакого отвѣта, и продолжалъ говорить самъ: „я былъ три съ половиною года начальникомъ казацкаго батальона на Карѣ, когда, наконецъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я получилъ отставку; я такъ былъ радъ этому, что велѣлъ отслужить спеціальный благодарственный молебенъ".

„Видите Вы мою бороду?" спросилъ онъ совершенно неожиданно, послѣ небольшой паузы. „Она совершенно сѣдая; это результатъ всѣхъ тѣхъ человѣческихъ страданій, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ приходилось быть на Карѣ. Когда я туда поступилъ, у меня не было еще ни одного сѣдого волоса.

*) Впослѣдствіи я узналъ, что „голую команду" составляли тѣ арестанты, которые, чтобы имѣть деньги на игру въ карты и на пьянство, продавали что-либо изъ выданнаго имъ отъ казны платья. Въ наказаніе ихъ запирали вмѣстѣ въ большую камеру и отнимали отъ нихъ всю до послѣдней одежду. Конечно, арестанты не могли бы продавать своей одежды и накупать водку безъ содѣйствія тюремныхъ служащихъ. „Голая команда" такимъ образомъ въ гораздо большей степени свидѣтельствовала о подкупности, чѣмъ о жестокости, тюремной администраціи. Полковникъ Новиковъ, казалось, былъ склоненъ убѣждать меня въ обратномъ.

„Какъ вы думаете, сколько мнѣ лѣтъ?“

Я отвѣтилъ, что далъ бы ему лѣтъ 55.

„Мнѣ всего 45“, отвѣтилъ онъ съ горечью; „и когда я шелъ на Кару, то выглядѣлъ не старше васъ“,

Онъ смолкъ, какъ бы погрузившись въ мрачныя мысли, а я спросилъ, на какія же страданія намекаетъ онъ.

„Да всякія“, отвѣчалъ полковникъ: „съ несчастными арестантами обращались жестоко; ихъ пороли и розгами и „плетьми“ (кнутъ съ нѣсколькими ремнями); надсмотрщики ихъ эксплоатировали, заставляли работать свыше силъ и обогащались на ихъ счетъ.

Для характеристики страданій и несправедливостей достаточно привести вамъ одинъ примѣръ.

Въ бытность мою тамъ жена одного изъ начальниковъ тюрьмы случайно узнала, что ея любовникъ-арестантъ изъ вольной команды завелъ романъ съ ея горничной—прелестной молодой дѣвушкой, также бывшей прежде арестанткой. Внѣ себя отъ ревности, эта дама представила положеніе дѣлъ своему супругу—начальнику, въ такомъ видѣ, что онъ приказалъ наказать дѣвушку.

Ей дали полтораста ударовъ палкой по голому тѣлу, а когда она пожаловалась „завѣдующему“ на жестокое обращеніе, то получила еще 90 ударовъ плетьми; всего 240 ударовъ... А я стоялъ рядомъ и наблюдалъ за исполненіемъ наказанія. Что-жъ, вы думаете, это было пріятно? У меня немного волосъ (при этомъ онъ провелъ рукой по головѣ), но они всѣ вставали дыбомъ отъ ужасовъ, при которыхъ мнѣ приходилось присутствовать въ этихъ проклятыхъ рудникахъ. Чтобы тамъ жить, надо обладать желѣзными нервами“ *).

*) Я надѣюсь, что передалъ вполнѣ точно слова полковника Новикова. Понятно, что они произвели на меня глубокое впечатлѣніе, и я ихъ записалъ тотчасъ же, какъ вернулся изъ театра.

Быть можетъ, кое въ чемъ Новиковъ не былъ безпристрастенъ; отношенія между нимъ и другими Карійскими офицерами были достаточно непріязненны, если не прямо враждебны, и онъ могъ многое преувеличить и представить въ самомъ мрачномъ свѣтѣ.

Тѣмъ не менѣе вышеприведенныя замѣчанія сохраняютъ свой интересъ, такъ какъ они исходятъ отъ высшаго офицера, который лучше, чѣмъ кто другой, могъ знать истину.

Кромѣ того, полковникъ Новиковъ—тотъ самый офицеръ, который говорилъ мнѣ, что онъ приговаривалъ политическихъ преступниковъ къ прохожденію сквозь строй.

Пусть читатель не думаетъ, что эти замѣчательныя свѣдѣнія были сообщены мнѣ интимнымъ образомъ гдѣ-нибудь въ углу комнаты. Мы съ нѣсколькими офицерами прохаживались взадъ и впередъ по передней театра, а полковникъ Новиковъ говорилъ съ такимъ возбужденіемъ и такъ громко, что не только эти офицеры, но всякій, кто желалъ слушать, могъ прекрасно разобрать его слова. Можетъ показаться страннымъ, что казацкій офицеръ, въ чинѣ полковника, какъ Новиковъ, въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ охарактеризовалъ незнакомому иностранцу русскую систему наказаній, но мнѣ не разъ приходилось наталкиваться на подобную откровенность, совершенно для меня неожиданную и приводившую меня въ немалое изумленіе. Въ тотъ-же вечеръ мнѣ представился еще другой офицеръ и освѣдомился о нашихъ впечатлѣніяхъ отъ округа Карійскихъ рудниковъ. Менѣе, чѣмъ черезъ пять минутъ, онъ обратился ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ, какъ и полковникъ Новиковъ,—именно, видѣли-ли мы секретныя камеры въ Средне-Карійской тюрьмѣ. Когда я сказалъ, что нѣтъ, то получилъ тѣ-же свѣдѣнія относительно ихъ размѣровъ, но еще съ добавленіемъ что въ эти ужасныя камеры часто сажаютъ политическихъ заключенныхъ и даже образованныхъ женщинъ. Госпожа Росикова, сказалъ онъ, томилась въ этомъ склепѣ до тѣхъ поръ, пока тюремный врачъ не заявилъ, что она при смерти.—Офицеръ пригласилъ меня къ себѣ въ гости и сказалъ, что если я интересуюсь тюрьмами и системой ссылки, то онъ можетъ дать мнѣ цѣнный матерьялъ. Объ имени, какъ и о чинѣ этого господина, я принужденъ молчать, но я не погрѣшу противъ его довѣрія, если скажу, что былъ у него и обязанъ ему свѣдѣніями о многихъ изъ тѣхъ фактовъ, которые приведены мною въ предшествующихъ четырехъ главахъ. Онъ подтвердилъ большую часть свѣдѣній, полученныхъ мною отъ политическихъ каторжанъ на Карѣ; разсказалъ мнѣ о покушеніи на губернатора Ильяшевича,—причемъ разсказъ его ни въ одномъ изъ существенныхъ пунктовъ не расходился съ разсказомъ г-жи Кутитонской, и, наконецъ, далъ мнѣ просмотрѣть крайне интересные и цѣнные оффиціальные документы. Я не имѣю основаній думать, чтобъ при этомъ онъ преслѣдовалъ какую-либо другую цѣль, кромѣ установленія истины.

Втеченіе нашего почти двухнедѣльнаго пребыванія въ Читѣ,—чтобы устранить всякія подозрѣнія, днемъ я, большею

частью, проводилъ время въ обществѣ благонадежныхъ гражданъ и чиновниковъ, ночи же почти цѣликомъ посвящалъ политическимъ каторжанамъ. Встрѣчались мы съ ними обыкновенно въ одной изъ служившихъ имъ для столярной работы мастерскихъ, въ большомъ, двухэтажномъ бревенчатомъ домѣ, гдѣ прежде жили декабристы 1825 года. Около 9-ти часовъ, каждый вечеръ въ просторной комнатѣ надъ столярными мастерскими собиралось человѣкъ десять-пятнадцать политическихъ, и туда-же немного позже приходили господинъ Фростъ и я. Фанни Моренисъ, умная и очень хорошенькая дѣвушка, лѣтъ около 20, обыкновенно исполняла роль хозяйки; госпожѣ Геллисъ принадлежало предсѣдательство за самоваромъ, и около половины десятаго всѣ мы сидѣли вокругъ большого стола у одной изъ стѣнъ комнаты, курили, пили чай, разсказывали разныя происшествія и обсуждали всевозможные соціальные и политическіе вопросы. Среди Читинскихъ ссыльныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, нѣсколько человѣкъ были самыми способными, самыми образованными и самыми симпатичными изъ всѣхъ тѣхъ ссыльныхъ, съ кѣмъ намъ удалось познакомиться въ Восточной Сибири; и я еще и теперь со смѣшаннымъ чувствомъ радости и грусти вспоминаю о тѣхъ часахъ, которые мы провели въ ихъ обществѣ. Мы не всегда были въ унылomъ состояніи, не всегда были печальны, и не всегда углублялись въ анализъ темныхъ сторонъ русской жизни. Господинъ Лазаревъ и господинъ Валуевъ обыкновенно приносили старую, разбитую гитару и пѣли иногда подъ ея аккомпаниментъ мелодичные, русскіе романсы, или-же господинъ Фростъ или я, хотя и не вполнѣ образцовымъ образомъ, исполняли: „Bingo“, „The Bulldog“, „Salomon Levi“ или какую-нибудь другую веселую студенческую пѣсню. Иногда мы тоже пѣли хоромъ нѣчто вродѣ русской марсельезы—запрещенную революціонную пѣсню: „Есть на Волгѣ утесъ“ или боевые напѣвы изъ „Джонъ Броунъ“.

Но, раньше или позже, мы всегда возвращались къ темѣ, которая насъ больше всего интересовала,—къ положенію Россіи, революціонному движенію въ Россіи и жизни политическихъ въ тюрьмѣ, на большомъ трактѣ, или въ рудникахъ. Здѣсь я узналъ многое изъ того, что приведено мною въ предшествующихъ главахъ, и здѣсь-же впервые услыхалъ страшную исторію центральной тюрьмы въ Харьковѣ и разсказъ объ

ужасной голодовкѣ, къ которой съ отчаянія прибѣгли четыре женщины *) въ Иркутской тюрьмѣ. Разсказовъ, болѣе ужасныхъ и болѣе трогательныхъ, мнѣ никогда не приходилось читать, и никогда я не могъ бы вообразить ничего подобнаго; каждую ночь я въ такомъ возбужденіи возвращался въ гостиницу, что не въ состояніи былъ ни спать, ни думать о чемъ-нибудь другомъ. Цѣлыми часами я лежалъ на полу и еще разъ переживалъ всѣ тѣ сцены и событія, которыя съ такой потрясающей реальностью были мнѣ нарисованы. Громадная разница, читать ли разсказы о страданіяхъ, несправедливости и жестокости, которыя я здѣсь старался воспроизвести—читать ихъ, написанные мертвыми буквами, или слушать ихъ, передаваемые дрожащими губами, непосредственно, отъ тѣхъ лицъ, которыя сами играли дѣятельную роль въ описываемыхъ трагедіяхъ и сами блуждали въ мрачной долинѣ смерти. Если при этихъ разсказахъ глаза мои наполнялись слезами, и кулаки сжимались въ дикомъ порывѣ, правда, нѣмого и безсильнаго гнѣва, то я не стыжусь этого,—и если бы я могъ иногда плакать, это было бы для меня огромнымъ облегченіемъ. Выносить это постоянное душевное волненіе было гораздо труднѣе, чѣмъ выносить физическія страданія, которыми такъ богато было наше восточно-сибирское путешествіе. Холодъ, голодъ, тряску и усталость еще можно терпѣть съ извѣстнымъ философскимъ спокойствіемъ, но продолжительное зрѣлище чужихъ страданій слишкомъ раздражало нервы и убивало всякую жизнерадостность. Кромѣ того, мы находились подъ постояннымъ страхомъ ареста и обыска. Хотя мы и не могли еще быть вполнѣ увѣрены, что находимся подъ надзоромъ, и за нами слѣдятъ, но тѣмъ не менѣе рядомъ съ нашей комнатой въ гостиницѣ жили четыре офицера, среди которыхъ двое принадлежали къ жандармеріи—жандармскій капитанъ и жандармскій полковникъ. И господину Фросту казалось, что черезъ тонкую стѣну, отдѣлявшую насъ отъ нихъ, онъ не разъ слышалъ, какъ эти господа разговаривали о цѣли нашего путешествія въ Сибирь, и обсуждали вопросъ о томъ, какъ завладѣть нашими бумагами или, по крайней мѣрѣ, поставить насъ подъ надзоръ полиціи.

---

*) Госпожи: Ковальская, Росикова, Богомолецъ и Кутитонская.

Во вторую недѣлю нашего пребыванія въ Читѣ я какъ-то около двухъ часовъ утра возвращался домой отъ политическихъ. На улицахъ маленькаго провинціальнаго городка абсолютно не было никакого движенія; въ окнахъ гостиницы всюду было темно; впустилъ меня полусонный лакей, Фростъ мирно спалъ на деревянной скамьѣ, въ нашей комнатѣ и во всемъ зданіи царила торжественная тишина. Комната четырехъ офицеровъ отдѣлялась отъ нашей только тонкой перегородкой, въ которой къ тому же еще была дверь. Подъ дверью была щель въ три-четыре дюйма шириною, и, благодаря этой щели и тонкой стѣнѣ, изъ одной комнаты въ другую слышенъ былъ малѣйшій шумъ, можно было разобрать положительно каждое движеніе.

Взволнованный ужаснымъ разсказомъ объ убійствѣ политическаго заключеннаго Сомова въ одесской тюрьмѣ, о которой я только что услыхалъ отъ ссыльнаго,—я не могъ заснуть; зажегъ свѣчку, легъ на полъ головою къ стѣнѣ и началъ читать, чтобы развлечь себя другими мыслями. Не слышно было ничего, кромѣ тихаго и равномѣрнаго дыханія господина Фроста. Вдругъ глубокая тишина нарушилась громкимъ выстрѣломъ изъ револьвера, какъ разъ надъ моей головой, съ другой стороны перегородки. Удивленный и испуганный, я оперся на локоть и сталъ прислушиваться. Ни звука, кромѣ шума отъ обваливающейся штукатурки со стѣны, въ которую попала пуля. Господинъ Фростъ, разбуженный выстрѣломъ, приподнялся и спросилъ: „Что это было такое?“

„Кто-то выстрѣлилъ изъ револьвера какъ разъ въ эту стѣну“, отвѣтилъ я совсѣмъ тихо.

„Который часъ?“

„Около половины третьяго; успокойтесь и слушайте“.

Втеченіе двухъ минутъ мы съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались, но не услыхали ни малѣйшаго звука. Глубокая тишина царила во всемъ домѣ, и тѣмъ не менѣе я зналъ, что въ той комнатѣ, изъ которой раздался револьверный выстрѣлъ,—находилось четыре человѣка. Можетъ быть, кто-нибудь изъ нихъ хотѣлъ совершить самоубійство? Это была первая мысль, которая мнѣ пришла въ голову,—но почему-же другіе не вставали и не разжигали огня? Выстрѣлъ былъ такъ громокъ, что могъ быть слышенъ во всемъ домѣ, и тишина, которой онъ сопровождался, была еще болѣе странной и таинственной, чѣмъ самъ выстрѣлъ.

„Не нужно-ли ихъ окликнуть, чтобы узнать, что случилось?“ шепотомъ сказалъ господинъ Фростъ.

„Нѣтъ“, возразилъ я также тихо: „предоставимъ это другимъ. Насъ, вѣдь, это не касается“.

Я боялся впутаться въ какую-нибудь таинственную исторію, въ какую нибудь трагедію, такъ какъ это могло бы послужить для полиціи удобнымъ поводомъ взять насъ подъ надзоръ и обыскать нашъ багажъ, или вызвать насъ въ качествѣ свидѣтелей. Мнѣ казалось, что намъ лучше всего лежать „тише воды и ниже травы“, какъ говорятъ русскіе крестьяне, и ждать, что будетъ дальше. Но что бы ни означалъ выстрѣлъ, къ намъ онъ не имѣлъ никакого отношенія, кромѣ того случая, если оружіе было направлено на насъ—а это казалось мнѣ чрезвычайно невѣроятнымъ.

Спустя еще минуты три я услыхалъ въ комнатѣ офицеровъ звукъ, похожій на то, какъ будто бы взвели курокъ револьвера и снова поставили на мѣсто, а затѣмъ послышался шопотъ. Одинъ спрашивалъ другого тихимъ голосомъ, сколько у того еще патроновъ. Отвѣта я не разобралъ, снова послышался шопотъ и, наконецъ, водворилось молчаніе. Больше, втеченіе всей ночи, мы не слыхали ни одного звука въ комнатѣ офицеровъ. Къ чему былъ этотъ выстрѣлъ въ половинѣ третьяго ночи изъ совершенно темной комнаты въ нашу стѣну, осталось для насъ вообще неизвѣстнымъ. Мое личное впечатлѣніе было таково, что надъ нами кто-то хотѣлъ подшутить, и, если-бы меня на другой день спросили объ этомъ эпизодѣ, я бы отвѣтилъ, что въ американскихъ гостиницахъ револьверные выстрѣлы по ночамъ—такая обыкновенная вещь, что на нихъ никто не обращаетъ вниманія; мы удивлены только, что на другое утро не увидали никакого трупа.

Открыла ли полиція наши ежедневныя свиданія съ политическими во время нашего пребыванія въ Читѣ, я не знаю; но, что она открыла ихъ впослѣдствіи, я заключилъ изъ того факта, что единственное письмо, которое я послѣ того оттуда получилъ,—совершенно невинное сообщеніе купца Немерова,—было вскрыто.

До нашего прибытія въ Читу самые важные и компрометтирующія бумаги и документы я носилъ на себѣ въ кожаномъ поясѣ; но въ концѣ концовъ поясъ, благодаря этому, сталъ такъ объемистъ и тяжелъ, что было необходимо переложить ихъ куда-нибудь въ другое мѣсто, и въ виду возмож-

ности,—если еще невѣроятности, — полицейскаго обыска я рѣшилъ ихъ основательно спрятать. Большую часть я помѣстилъ въ пустыя стѣнки деревяннаго ящика, который былъ спеціально сдѣланъ для этой цѣли, а для видимости мы убирали въ него чайную посуду. Такой ящикъ я могъ, не обращая на себя ничьего вниманія, брать на каждой почтовой станціи изъ саней съ собою въ домъ и постоянно держать его на глазахъ, безъ всякой боязни навлечь на себя подозрѣніе полиціи или возбудить алчность воровъ. Всѣ путешественники имѣли при себѣ подобные ящики. Остальные свои документы и нѣкоторыя письма политическихъ ссыльныхъ къ ихъ родственникамъ въ Европейской Россіи я спряталъ въ переплеты книгъ. Такъ какъ мы путешествовали съ очень небольшимъ багажемъ, то я не взялъ никакихъ книгъ; но Читинскіе ссыльные снабдили меня англійскимъ экземпляромъ „Давида Копперфильда“, однимъ русскимъ журналомъ, въ которомъ была статья о системѣ ссылки, и старымъ томомъ логарифмовъ. „Давидъ Копперфильдъ“ и логарифмы, навѣрно, не возбудили бы подозрѣнія, даже если бы нашъ багажъ подвергся обыску; а статья о системѣ ссылки должна была спасти и русскій журналъ. Наконецъ, я засунулъ одно очень важное письмо подъ нарисованный масляными красками портретъ одного декабриста 1825 года, наклеенный на маленькую четыреугольную дощечку. Этотъ портретъ былъ найденъ въ одномъ изъ домовъ декабристовъ въ Читѣ, и такъ какъ я вообще собиралъ достопримѣчательныя, интересныя реликвіи, эта вещь не могла особенно броситься въ глаза. Мнѣ казалось, что мои бумаги превосходно спрятаны; полиція абсолютно не могла ихъ открыть, не ломая и не разрывая на части чуть не каждую вещь изъ моего имущества.

Девятаго декабря, въ среду вечеромъ, мы въ послѣдній разъ спѣли съ политическими ссыльными въ Читѣ грустную, прекрасную пѣсню русскихъ революціонеровъ: „Есть на Волгѣ утесъ“; раздѣлили между ними на память всѣ свои драгоцѣнныя бездѣлушки и затѣмъ съ глубокимъ, искреннимъ сожалѣніемъ распростились съ ними навсегда. Двѣнадцать часовъ спустя мы бѣшенымъ галопомъ мчались по направленію къ Иркутску, главному городу Восточной Сибири. Пять дней и ночей мы ѣхали въ западномъ направленіи, дѣлали въ часъ по восьми миль, останавливались только для смѣны лошадей, и до тѣхъ поръ терпѣли стужу, голодъ и безсонницу, пока я

не почувствовалъ, что больше выноситъ всего этого не въ состояніи. Байкальское озеро еще не было покрыто льдомъ но пароходное сообщеніе уже прекратилось, и намъ пришлось ѣхать по высокой, живописной дорогѣ, огибающей южный берегъ озера. 14-го декабря, въ понедѣльникъ вечеромъ, всего въ пятидесяти-шестидесяти миляхъ отъ цѣли нашего путешествія, намъ встрѣтилось неожиданное препятствіе: нельзя было достать почтовыхъ лошадей. Почти три мѣсяца отрѣзанные отъ всякого общенія съ цивилизованнымъ міромъ, и 10 недѣль уже не получая писемъ и не читая газетъ, мы сгорали отъ нетерпѣнія скорѣе попасть въ главный городъ. Поэтому, чтобы не терять времени, мы наняли крестьянина, который долженъ былъ на розвальняхъ доставить насъ и нашъ багажъ на ближайшую станцію; какимъ мученіямъ мы себя, благодаря этому, подвергали, мы не представляли. Холодъ былъ ужасный; дорога шла черезъ рядъ высокихъ, поросшихъ густымъ лѣсомъ горныхъ хребтовъ; полуголодныя лошади крестьянина, сдѣлавъ 3 первыхъ мили, не хотѣли больше подниматься въ гору, и мы вынуждены были большую часть дороги, при температурѣ въ — 20 градусовъ по Фаренгейту, идти пѣшкомъ и только въ два часа утра, наконецъ, полумертвые отъ усталости,—добрались до ближайшей станціи. На скользкихъ склонахъ послѣдняго пригорка я, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать падалъ отъ слабости и изнеможенія. Въ четвергъ, 15-го декабря, мы достигли Иркутска; съѣздили на почту, а затѣмъ отправились въ гостиницу „Москва“ и прежде всего, — раньше, чѣмъ умыться, переодѣться и поѣсть, — мы накинулись на письма съ родины. Ихъ было 40—50 штукъ; самыя новыя изъ нихъ были посланы два съ половиною мѣсяца тому назадъ, самыя старыя—шесть мѣсяцевъ.

Хотя Фаренгейтъ показывалъ уже—30,—35 градусовъ, но по срединѣ Ангара всетаки еще не замерзла; и такъ какъ мостовъ не было, а паромы перестали ходить, то перебраться черезъ нее было невозможно. Цѣлыя 3 недѣли мы съ нетерпѣніемъ ждали того момента, когда замерзнетъ эта быстрая рѣка, и, не дождавшись, рѣшили, наконецъ, по ея правому или восточному берегу ѣхать по направленію къ Сѣверному Ледовитому Океану; тамъ, по словамъ крестьянъ, зимняя дорога должна была уже установиться. Продавъ свой старый тарантасъ, пріобрѣтя взамѣнъ его бѣговыя санки, мы въ

пятницу, 8-го января, отправились на тройкѣ почтовыхъ лошадей къ тому мѣсту Ангары, гдѣ можно было переѣхать черезъ ледъ.

По дорогѣ, миль на сорокъ ниже Иркутска, на правомъ берегу Ангары, мы осмотрѣли Александровскую Центральную тюрьму; эта тюрьма считалась одной изъ самыхъ большихъ и лучшихъ въ своемъ родѣ; первоначально зданіе предназначалось для винокуренія и нѣкоторое время служило для этой цѣли. Въ 1874 году оно было передѣлано въ тюрьму, и съ тѣхъ поръ въ этой тюрьмѣ постоянно содержалось до тысячи арестантовъ, среди которыхъ были и приговоренные къ каторжнымъ работамъ. Такъ какъ исполняющій должность Иркутскаго губернатора, господинъ Петровъ, описывалъ ее почти какъ „образцовую тюрьму“, а я пока не видѣлъ ни одной сибирской тюрьмы, которая могла-бы претендовать на такую характеристику—мнѣ особенно было любопытно ее осмотрѣть.

Послѣ восьми часовъ пріятной и сравнительно комфортабельной ѣзды мы въ пятницу вечеромъ, около половины десятаго пріѣхали въ тюремную колонію, остановились у почтовой станціи и, согрѣвшись нѣсколькими чашками чая, улеглись, какъ обыкновенно, на полъ спать.

Въ субботу утромъ мы посѣтили начальника тюрьмы, господина Сипягина, который иркутскими властями былъ уже увѣдомленъ о нашемъ пріѣздѣ,—и просили у него разрѣшенія осмотрѣть его заведеніе. Господинъ Сипягинъ, симпатичный, интеллигентный и образованный офицеръ, лѣтъ 35 — 40, принялъ насъ съ сердечнымъ радушіемъ; настоялъ на томъ, чтобы мы съ нимъ позавтракали, и когда мы подкрѣпились чаемъ, бутербродами, превосходными котлетами и поджаренымъ картофелемъ, онъ отправился съ нами въ тюрьму.

Александровская центральная тюрьма представляетъ собой большое двухэтажное кирпичное зданіе съ жестяной крышей, помѣщающееся въ просторномъ дворѣ, окруженномъ высокой кирпичной стѣной съ контрефорсами. Постройка не совсѣмъ правильная, въ длину она—самое большее—300, а въ ширину—100 футовъ. Въ ней 75 общихъ камеръ, гдѣ содержится извѣстное количество арестантовъ вмѣстѣ; десять камеръ для одиночнаго заключенія; пять „секретныхъ“, предназначенныхъ для изолированія особенно важныхъ или опасныхъ преступниковъ. Во время нашего посѣщенія въ тюрьмѣ находилось 992 арестанта, а 900, выдержавшихъ уже срокъ испытанія,

жили въ вольной командѣ, внѣ стѣнъ тюрьмы. Прежде всего насъ повели къ мельницамъ. Это были большія помѣщенія, со сводами, въ первомъ этажѣ, гдѣ 75—100 человѣкъ арестантовъ мололи рожь для собственнаго употребленія. Воздухъ былъ свѣжій и чистый, и работа, хотя и требующая напряженія, но не черезчуръ тяжелая; когда мужчины, вращавшіе коленчатую рукоятку рычага тяжелыхъ машинъ, уставали, ихъ смѣняли другими. Начальникъ сообщилъ мнѣ, что работа на мельницѣ—единственная тяжелая работа, которую обязательно должны исполнять обитатели тюрьмы, правда, только втеченіе трехъ-четырехъ часовъ въ день. Съ мельницъ мы пошли въ камеры, которыя занимали большую часть зданія; въ каждой изъ нихъ содержалось отъ 15 до 75 человѣкъ. По величинѣ и формѣ камеры были очень различны, но всѣ были достаточно помѣстительны для находившагося въ нихъ числа арестантовъ; полъ и нары отличались педантичной чистотой; воздухъ не позволялъ желать ничего лучшаго, и единственное, что могло возбудить неблагопріятную критику, это отсутствіе постелей. Во всѣхъ камерахъ были приспособленія для вентиляцій, но нѣкоторыя изъ нихъ сами арестанты заткнули тряпками и одеждою. Корридоры, въ которые выходили камеры, были высоки, просторны и достаточно свѣтлы, и воздухъ въ нихъ почти не уступалъ по своей чистотѣ воздуху на улицѣ. Изъ камеръ мы направились въ кухни, гдѣ ежедневно стряпалось болѣе чѣмъ на тысячу человѣкъ, и гдѣ тѣмъ не менѣе, я ничего не могъ найти, что-бы противорѣчило-бы той чистотѣ и порядку, которые здѣсь царствовали всюду. Я попробовалъ арестантскаго хлѣба и супа и нашелъ и то и другое вполнѣ вкуснымъ. Господинъ Сипягинъ сообщилъ мнѣ, что ежедневная порція состоитъ изъ трехъ фунтовъ ржаного хлѣба, около семи унцій мяса и трехъ унцій ячменя; картофель и овощи даются только иногда. Чаю и сахару отъ казны не полагается, но арестанты имѣютъ право покупать это на свой счетъ. Когда мы вышли изъ кухни, начальникъ спросилъ, не хотимъ ли мы посмотрѣть школьную комнату. Я, конечно, просилъ показать ее намъ, тѣмъ болѣе, что въ русской тюрьмѣ, мы еще нигдѣ не видали школьнаго помѣщенія и не воображали даже, чтобы что-нибудь въ этомъ родѣ существовало. Господинъ Сипягинъ въ отвѣтъ на наше послѣднее замѣчаніе засмѣялся и ввелъ насъ въ чистую, свѣтлую комнату во второмъ этажѣ; простые покатые столы были сдѣланы самими арестантами;

а стѣнную доску, большой глобусъ, карты Сибири и Палестины и нѣсколько дешевыхъ литографій доставила тюремная администрація. Учениковъ въ комнатѣ не было; но начальникъ увѣрялъ насъ, что арестанты часто собираются сюда для чтенія, пѣнія или для того, чтобы послушать поучительную проповѣдь священника. Въ книгахъ чувствовался сильный недостатокъ. Было только нѣсколько трактатовъ религіознаго содержанія и новый завѣтъ, которые пасторъ Ландсделль *) оставилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но хотѣлось бы, по словамъ начальника, имѣть учебники и библіотеку. Изъ школьной комнаты мы отправились въ мастерскія, гдѣ застали за работой человѣкъ 25—30 портныхъ, сапожниковъ и столяровъ; воздухъ тамъ былъ наполненъ пріятнымъ запахомъ свѣжихъ еловыхъ стружекъ и русской кожи. Начальникъ сказалъ намъ, что арестанты могли заниматься всякой работой, какую только умѣли, и получали двѣ трети изъ заработанныхъ ими денегъ. Одна треть денегъ немедленно по продажѣ изготовленныхъ арестантами вещей или выдавалась имъ на руки, или начальникъ удерживалъ ее у себя, но предоставлялъ арестантамъ тратить эту сумму по ихъ усмотрѣнію; другую треть они получали по истеченіи срока наказанія, а остальная шла въ казенную кассу. Посѣтивъ еще больницу, гдѣ было только 42 паціента, хорошая вентиляція, чистота и образцовый порядокъ,— мы возвратились въ домъ господина Сипягина.

Начальникъ, кажется, былъ очень счастливъ, когда я откровенно и искренно сказалъ ему, что изъ всѣхъ пятнадцати тюремъ, которыя я осмотрѣлъ въ Восточной Сибири, находившаяся въ его вѣдѣніи была самою лучшею; что здѣсь сдѣлано все, чего можно было достичь личными и мѣстными силами. „Образцовой тюрьмой“ ее, конечно, нельзя назвать, но для всей остальной Сибири, она несомнѣнно могла служить образцомъ.

Въ воскресенье поздно вечеромъ господинъ Сипягинъ, капитанъ Маковскій, тюремный врачъ, господинъ Фростъ и я отправились еще разъ въ тюрьму, чтобы получить понятіе о томъ, что дѣлается тамъ, когда арестанты улягутся спать.

---

*) Это было единственное мѣсто въ Сибири, гдѣ я нашелъ слѣдъ тѣхъ книгъ и трактатовъ, которые роздалъ господинъ Ландсделль.

Арестанты спали рядами на нарахъ, безъ подушекъ и тюфяковъ; когда мы вошли, они испуганно вскочили, какъ будто боялись, что кого-нибудь изъ нихъ потащатъ на казнь; но не вымолвили ни слова, и мы, тоже молча, прошли черезъ шесть или семь камеръ. Всюду стояли „параши“, или чаны для экскрементовъ, и воздухъ былъ гораздо хуже, чѣмъ днемъ, но далеко не такой скверный, какъ въ другихъ осмотрѣнныхъ нами тюрьмахъ. Въ общемъ Александровская тюрьма дѣлала честь своему начальнику, господину Сипягину, и не служила къ позору русской тюремной администраціи. Я говорю здѣсь объ этомъ съ тѣмъ бо̀льшимъ удовольствіемъ, что вообще-то въ сибирскихъ тюрьмахъ достойнаго похвалы я нашелъ не много.

Въ понедѣльникъ утромъ мы снова отправились въ путь, поблагодаривъ господина Сипягина и его прелестную, интеллигентную супругу за ихъ любезность и гостепріимство и распростились съ ними.

Дорога, тянувшаяся вдоль берега рѣки, у подошвы высокихъ, крутыхъ горъ, окаймляющихъ Ангару съ востока, вслѣдствіе разлива, была вся затоплена, и мы съ трудомъ двигались по огромнымъ льдинамъ или по крутому склону холма. Берегъ, наконецъ, сталъ такъ покатъ и узокъ, что наши лошади не въ состояніи были больше удерживаться на ногахъ, и намъ пришлось спуститься на тонкій, обманчивый ледъ рѣки. Когда мы по ту сторону деревни Олонь помчались во весь опоръ, ледъ вдругъ проломился подъ нами, и въ одинъ мигъ, съ страшнымъ трескомъ, лошади, сани и все, что было въ нихъ, очутилось въ водѣ быстрой Ангары. Къ счастью, ширина нашихъ саней помѣшала имъ тотчасъ же погрузиться въ воду; благодаря ловкости и присутствію духа, намъ удалось выкарабкаться—и стать твердой ногою на льду. Мы перерѣзали ремни сѣдельной сбруи, вытащили изъ воды одну лошадь за другой и затѣмъ, съ помощью свѣжихъ лошадей, вытащили и сани и вернулись въ Олонь, чтобы кое-что починить, что было испорчено. По совѣщаніи съ жителями деревни мы сочли за лучшее отказаться отъ путешествія по рѣкѣ, такъ какъ наступила ночь, и если бы намъ пришлось еще разъ провалиться на льду, то въ темнотѣ и вдали отъ всякой помощи это могло привести къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Поздно вечеромъ одинъ красивый молодой крестьянинъ, соблазненный обѣщанными нами пятнадцатью рублями—цѣною

въ пять разъ выше обычной,--вызвался отвезти насъ трудной объѣздной дорогой черезъ горы въ ближайшую деревню выше по рѣкѣ. Такъ какъ снѣгу было не особенно много, я надѣялся, что мы благополучно доберемся, и въ половинѣ одиннадцатаго мы выѣхали. За все наше восточно сибирское путешествіе мы не переживали болѣе ужасной ночи. Около полуночи при 15—20 градусахъ мороза поднялась снѣжная мятель; въ темнотѣ мы сбились съ пути; сани наши опрокинулись; намъ цѣлыми часами пришлось бродить по колѣно въ снѣгу, поднимать и тащить наши тяжелыя, неуклюжія сани, до тѣхъ поръ, пока мы дошли до изнеможенія и чуть-чуть не замерзли. Около четырехъ часовъ утра я почувствовалъ колящую боль въ правомъ легкомъ и менѣе, чѣмъ черезъ полчаса, я не въ состояніи уже былъ болѣе стоять на ногахъ. Я предоставилъ господину Фросту и кучеру раздѣлываться съ мятелью и выбившимися изъ силъ лошадьми, влѣзъ въ лежащія на боку сани, покрылъ свое дрожащее тѣло овчинной шубой и потерялъ сознаніе. О томъ, что происходило, начиная съ даннаго момента до слѣдующаго утра, я не имѣю никакого представленія. На разсвѣтѣ, разбуженный собачьимъ лаемъ, я оглянулся вокругъ и къ радости для себя увидѣлъ трубы четырехъ бревенчатыхъ избъ, дымившіяся и выбрасывавшія искры. Это была крестьянская деревня Пашка. Обогрѣвшись и подкрѣпившись нѣсколькими чашками чая, мы поѣхали дальше къ поселку Каменкѣ и поздно ночью переѣхали по льду Ангару. Ночь мы провели въ удобномъ почтовомъ домѣ на большомъ сибирскомъ тракту.

КОНЕЦЪ II-го ТОМА.